

Ашиль Люшер

**Первые Капетинги
(987-1137)**

Ашиль Люшер

Первые Капетинги (987-1137)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73081238

SelfPub; 2026

Аннотация

Классический труд выдающегося французского историка Ашиля Люшера, входящий в масштабную серию «История Франции с древнейших времён до Революции». Книга посвящена ключевому периоду становления французской монархии – правлению первых королей династии Капетингов от Гуго Капета до Людовика VI. Автор на основе тщательного анализа источников исследует, как слабой королевской власти, ограниченной узкими домениальными владениями, удалось не только выжить, но и заложить основы будущего могущества, укрепив наследственный принцип престолонаследия, авторитет короны и начав борьбу с могущественными вассалами. Люшер мастерски анализирует политические институты, социальную структуру и ментальность эпохи, создавая целостную картину формирования средневекового французского государства.

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ – ФЕОДАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ (XI век)	4
КНИГА	6
I – ФЕОДАЛЬНЫЙ РЕЖИМ.	7
Конец ознакомительного фрагмента.	185

Ашиль Люшер

Первые Капетинги

(987-1137)

КНИГА ПЕРВАЯ – ФЕОДАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ (XI век)

Аннотация к переводу на русский язык книги Ашиля Люшера «Первые Капетинги (987-1137)», выполненному Валерием Антоновым. Этот фундаментальный труд классика французской медиевистики посвящён ключевой эпохе становления королевской династии Капетингов, когда формировались основы французской государственности. Книга глубоко исследует два столетия истории, в течение которых хрупкая королевская власть сосуществовала и боролась с мощной системой феодальных отношений. Автор детально анализирует структуру феодального общества, от рыцаря в его замке до серва и свободного крестьянина, систему крупных сеньорий и провинциальных династий от Фландрии до Тулузы, а также экспансию французского рыцарства за пределы королевства – в Испанию, Италию и Англию.

Значительное внимание уделяется роли Церкви XI века: её структуре, движению Ключийской реформы, установлению «Божьего мира» и формированию идеалов рыцарства. Отдельные части работы посвящены персональным правлениям первых королей династии – от Гуго Капета до Филиппа I, а также состоянию цивилизации, языка, литературы и романского искусства в этот период. Второй крупный раздел книги освещает эпоху «Французского Возрождения» на рубеже XI–XII веков, описывая такие переломные явления, как Григорианская реформа и борьба за инвеституру, Первый крестовый поход и создание Иерусалимского королевства, внутреннюю реформу монашества и взлёт интеллектуальной мысли, связанный с именами Абеяра и Бернара Клервоского. Люшер прослеживает, как на этом фоне происходит укрепление сеньориальных режимов, решающее усиление королевской власти при Людовике VI Толстом и масштабная эмансипация народных классов, выраженная в движении за сельские и городские вольности. Издание, переведённое В. Антоновым представляет собой комплексное и систематизированное научное исследование, незаменимое для историков, студентов и всех, кто интересуется генезисом средневековой Европы и истоками современной европейской цивилизации.

КНИГА

I. – ФЕОДАЛИЗМ И ЦЕРКОВЬ (XI век)

I – ФЕОДАЛЬНЫЙ РЕЖИМ.

I. ФРАНЦИЯ В ЭПОХУ ВОЦАРЕНИЯ КАПЕТИН-ГОВ[1]

ГРАНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЕВСТВА.

К концу X века на территории, примерно соответствующей древней Галлии, существовали три политические группы. Самой обширной было собственно «королевство франков» (*le royaume des Français*). Простираясь на севере до Бельгии, на юго-востоке до Испании, это королевство тянулось от устья Шельды до устья Льобрегата в Каталонии, но примерно ограничивалось реками Маас, затем Сона и едва переходило за гребень Севенн. Будучи сюзереном Фландрии и Испанской марки, король, восседавший в Париже, был признан в Брюгге и Барселоне, но не признавался в Меце, Безансоне, Лионе, Гренобле, Марселе.

ЛОТАРИНГИЯ.

В IX веке, когда Франкская империя была поделена между сыновьями Людовика Благочестивого, старший, император Лотарь, получил в своей доле две столицы, Рим и Ахен. Чтобы связать их, ему дали широкий коридор, включавший Прованс, Дофине, Бургундию и Лотарингию. Он получил название «Лотарингия» (*Lotharingie*). В своих семейных соглашениях Каролинги не учитывали географию: из региона без естественных границ они создали искусственное госу-

дарство, названное именем человека. Последствия этого насилия над природой ощущаются и по сей день. Монархическая и национальная политика Франции будет представлять собой лишь долгое стремление к Альпам и Рейну.

Лотарингия сначала разделилась на два королевства: Лотарингию и Бургундию. Лотарингия, государство без четких границ, долго колебалась между Францией и Германией, потеряла королевский титул и разделилась на два герцогства, Верхнюю и Нижнюю Лотарингию, которые в свою очередь были раздроблены феодальным распадом. Ко времени воцарения Гуго Капета оба лотарингских герцога были вассалами германских императоров, долины Мааса и Мозеля стали имперскими землями. Но эти вассалы были мало послушны, озабочены исключительно своей независимостью, всегда готовы вступить в союз с французами, чтобы избавиться от императорской власти.

БУРГУНДИЯ.

За Фошиль (горы в Вогезах) долины Соны и Роны зависели от Бургундского королевства, столь же искусственного и еще хуже сформированного, поскольку, разрезанное надвое Юрскими горами, оно включало одновременно западную Швейцарию, Франш-Конте, Савойю, Лионне, Дофине, Виваре и Прованс. Над этим государством, составленным из разнородных частей, правила династия Рудольфингов, странных князей, столь же бедных властью, как и деньгами. У них едва ли была столица: место пребывания их коро-

левской власти постоянно перемещалось из Базеля в Вьен, из Экс-ле-Бена в Сен-Морис в Вале. Они даже не носили устоявшегося имени; их подданные называли их то «королями Бургундии», то «королями Юры, германцев, Прованса или Галлии». Их политическая власть была сведена на нет развитием могущественной феодальной системы: Гильемы в Провансе, Оттоны-Гильемы во Франш-Конте, Гиги в Дофине, Гумберты в Савойе, не говоря уже об архиепископах Лиона, Вьена, Безансона, епископах Базеля, Гренобля, Вивье, светских сеньорах своих епархий. Последний носитель этой номинальной короны, Рудольф III (993–1032), у которого феодалы отобрали почти всё, вскоре промотает и то немногое, что у него осталось. Он раздаст свои аллоды монастырям, свои королевские права церковным сеньорам, и, поскольку у него не было прямых наследников, он дойдет до того, что отдаст и свою корону. В 1032 году его завещание завершит превращение Бургундского королевства в регулярное владение германской империи. Отныне Германия будет граничить с Францией по всей западной границе последней.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЕВСТВА.

Внутри Французского королевства только что совершилась династическая революция (987). Строго говоря, она не ознаменовала наступление новой эры. Королевская власть давно была разрушена; всемогущими были Церковь и Феодализм. Гуго Капет, избранный и коронованный архиепи-

скопом Реймса, был всего лишь бароном, облеченным королевским титулом и прерогативами, но не способным реально пользоваться ими где-либо, кроме своих собственных владений.

На долгое время упрочился режим суверенных сеньорий, церковных и светских. Процесс, происходивший на протяжении нескольких веков в глубинах общества, завершил изменение социального и экономического состояния страны. Люди в итоге распределились по категориям, ставшим почти неизменными. На вершине – дворяне, наследственные владельцы крупных земельных наделов, годные к рыцарской службе, наделенные важными привилегиями, пользующиеся собственным частным правом. Рядом с ними – клирики и монахи, узуфруктуарии земель, принадлежащих церквям и святым, аристократия, очень привязанная к своим богатствам и власти, но открытая и мобильная, поскольку могла пополняться из всех социальных слоев. Внизу – почти полностью сервальное население деревень и городов, сурово подчиненное дворянству и духовенству, обремененное трудом по обеспечению материальных нужд высших классов. Земли, как и люди, неравны между собой. Существуют земли высшей сущности, причастные к благородному статусу, – аллод, бенефиций, фьеф (фьеф/феод). Остальные представляются подчиненными и обремененными более или менее тяжелыми повинностями, в зависимости от того, сервальные они или свободные, но это относительная и непрочная сво-

бода, плохо защищающая от угнетения.

Триумф аристократического элемента, подготовленный со времен Меровингов, был очевиден. Феодальная система, выросшая из публичного и частного патроната, всё поглотила, всё проникла и грозит всё завоевать. Сама Церковь, захваченная дворянами, не смогла избежать влияния этого режима; часть её членов приняла его формы и усвоила его привычки. Поэтому изучение «сеньориального мира» прежде всего требует нашего внимания.

ФЬЕФЫ (ФЕОДЫ).

На территории Франции простиралась странная мозаика фьефов, принимавших все размеры и формы, от «герцогства», которое иногда включало десяток современных департаментов, до «шателлени» (сеньории замка), едва равной одному из наших кантонов, до простого поместья, которого как раз хватало на содержание рыцаря. Подсчитать эти частичные суверенитеты и нанести их на политическую карту было бы неблагодарным, даже невозможным трудом: ибо это скопление неравных фьефов подвергалось непрерывным превращениям и бесчисленным превратностям. Повсюду видно, как вассалы меняют сюзеренов, сеньоры уступают новые земли своим боевым товарищам, более или менее свободные аллоды и пожизненные бенефиции становятся наследственными фьефами, сеньории делятся между наследниками или расчлняются продажами. Феодальная почва – это зыбкий грунт, чей облик постоянно меняется. И всё

же самые обширные фьефы, те, что образуют политические владения, выступают как элементы порядка в полном хаосе. Действительно, в этой путанице можно различить несколько ярусов сеньорий, расположенных в соответствии с их реальным размером или социальным достоинством.

СЕНЬОРИИ.

На высшей ступени появляются герцоги и графы, от которых зависит целая провинция, главы крупных феодальных государств, соперники короля, поскольку они разделяют с ним королевские полномочия, вплоть до права выбирать епископов. Одни, такие как граф Бретани и герцог Гаскони, скорее вожди «народностей», нежели феодалы. Другие – герцоги Бургундии, Аквитании, Нормандии, графы Фландрии, Блуа, Анжу, Тулузы и Барселоны – бывшие каролингские чиновники, которым королевская власть многое дала и которые взяли остальное, или удачливые авантюристы, которых ловкость и сила сделали хозяевами группы графств. Завоеватели или законные бенефициарии – неважно: все они положили начало династиям, фактическим королевствам, чью судьбу и историческую роль мы попытаемся ниже кратко изложить.

На второй ступени около двадцати фьефов среднего размера подчиняются менее заметным династиям. Большинство из них было основано «графами», делегатами Каролингского короля, которые присвоили себе свою делегацию и территорию, на которой она осуществлялась; другие – сол-

датами удачи, которых меч сделал собственниками и суккеними.

На северной равнине графы Вермандуа и Труа разделили остатки государства Вермандуа, столь могущественного во времена Карла Простоватого. В долине Луары графы Невера действуют так, будто не принадлежат к герцогству Бургундии. На высоких плато Центра и западных Пиренеях графы Оверни, Перигора и Ангулема, сеньор де Бурбон, виконты Лиможа, Тюрени и Беарна обязаны своей реальной независимостью географическому положению своих фьефов, удаленности от короля и, особенно, огромным размерам герцогства Аквитании, где сюзерену трудно быть действительным хозяином своих вассалов. На юге аналогичные причины объясняют высокое положение графов Родеза, Фуа, Комменжа, Арманьяка, Бигорра, виконтов Альби, Каркассона и Нима, защищенных своими крепостями, горами и, что еще лучше, бессилием графа Тулузского, фактического короля Лангедока, как Капетинг – всей Франции. У основания теснятся самые малые и многочисленные сеньории, те, где правят шатлены (кастеляны), виконты, адвокаты (защитники, церковные фогты), видье (городские судьи), бывшие подчиненные каролингских графов, которых узурпация судебных и наследственных прав сделала почти независимыми. Запершись в этих бесчисленных башнях, которые страх перед норманнскими набегами заставил повсюду вырасти из земли, они живут грабежом и воровством за счет крестьянина, кото-

рого они обирают, монаха, которого они обкрадывают, графа и епископа, которых они безнаказанно дерзят. Два столетия высшие бароны и короли будут истощать силы, пытаясь подавить их разбой – неизлечимую язву феодального мира.

ЦЕРКОВНЫЕ СЕНЬОРИИ.

Среди светских сеньоров, наконец, перемешаны церковные бароны, владельцы земель и доходов, накопленных милосердием верующих: множество епископов и могущественные архиепископы Реймса, Санса, Руана, Лиона, Тура, Буржа, Бордо, Оша и Нарбонна. Некоторые из этих прелатов одновременно облечены гражданской властью, суверены с двойным ликом, вооруженные мечом и посохом. Таковы архиепископы или епископы-графы Реймса, Лана, Бове, Шалона, Лангра, Пюи, Манда и т.д. Эти церковные владения обязаны своим существованием милостям королей и постепенным узурпациям епископов. Пользуясь престижем Церкви и попустительством населения, они расширили за счет королевской власти свои привилегии иммунитета и мало-помалу отняли у графов все их полномочия, так что остались единственными хозяевами в городах. Таким образом, церковный феодализм господствует прежде всего в крупных городах. Там он чеканит монету, судит как суверен и, благодаря своим реквизициям или налогам, извлекает выгоду как из активности купца, так и из труда ремесленника.

II. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ФЕОДАЛЬНОГО РЕЖИМА[2] ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.

Уже к концу X века организация этого столь сложного сеньориального общества оказалась почти устоявшейся. Каролингский режим «верности» (*fidélité*), основанный на личных отношениях сеньора (*senior*) и вассала (*vassus*), защитника и подопечного, сменился – в результате естественного развития – режимом поземельных отношений, территориальной феодальности. Феодальный мир покоится в основе своей на владении землей, на взаимных связях и обязательствах владельцев. Не то чтобы прежнее вассалитетное подчинение, личные обязательства крупного собственника и свободных людей, военного вождя и его боевых товарищей полностью исчезли. Связи человека с человеком по-прежнему занимают определенное место в отношениях между дворянами: взаимная привязанность высшего барона и его солдат, сеньора и рыцарей, теснящихся при его дворе, не переставала быть источником особого вассалитета, сугубо добровольного, который сосуществует с вассалитетом обязательным – вассалитетом фьефа. Но из этих двух феодальностей последняя стала правилом, а первая – исключением.

Бесспорно, феодальные отношения еще не вполне упорядочены. Ни система вассальных обязательств, ни иерархическое здание не сложились сразу в том нормальном виде, какой опишут легисты времен Людовика Святого. Для упрочения режима фьефов потребуется труд нескольких поколений людей и освящение временем. Тем не менее, в начале

эпохи Капетингов этот режим сформирован, наделен своими основными органами, направлен по главным путям. Он сможет приобрести более четкие контуры, расширяться и углубиться: но общий его облик не изменится.

ДРОБЛЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА.

Первая черта нового общества – крайнее ослабление центрального органа. Суверенитет раздроблен; публичные полномочия распылены. Каждый сеньор осуществляет в своем фьефе верховную власть, творит суд, собирает налоги, набирает солдат. Государство съежилось, заключилось в пределы фьефа. Люди сеньории делятся: одни – вассалы, другие – подданные; одни – дворяне, другие – простолюдины; но все они повинуются теперь лишь местной власти. Законно они не могут поднимать взгляд выше сеньории или за её пределы. Едва ли они знают по имени короля, царствующего в Париже, и если их сеньор состоит (иногда лишь очень косвенно) в отношениях с этим далеким сувереном, то уж они-то, несомненно, никаких отношений с ним не имеют.

Принцип наследственной передачи фьефа окончательно восторжествовал. Сеньор обладает правом завещать свою землю потомкам. Однако нельзя сказать, что он приобрел полную и неограниченную собственность на неё. Его правоспособность как собственника ограничена обязанностями и службами вассалитета в той же мере, что и некоторыми прерогативами, оставленными сюзерену. Держатель фьефа пользуется им лишь условно. Этот прекарный характер бла-

городного держания, еще очень заметный в XI веке, является одной из самобытных черт системы. Со временем он будет ослабевать по мере упрочения и укоренения нового режима: но Средневековье не увидит его абсолютного исчезновения.

[1] – Более подробно о географическом распределении французских сеньорий в эпоху Капетингов см.: Auguste Longnon, Atlas historique de la France (текст и карты); – Lavisse, Histoire de France, т. II, ч. 2, гл. 1; – Jacques Flach, Origines de l'ancienne France, т. II, кн. 2; – Robert Parisot, Le royaume de Lorraine sous les Carolingiens.

[2] – О феодализме: Flach, Op. cit., т. I и II; – Paul Viollet, Précis de l'histoire du droit français; – Esmein, Cours d'histoire du droit français; – Luchaire, Manuel des institutions françaises; – Sée, Les classes rurales et le régime domanial en France au Moyen Âge.

СЮЗЕРЕНЫ И ВАССАЛЫ.

Каждый сеньор подчинен вышестоящему сеньору или сюзерену, от которого он получил свою землю и полномочия, связанные с земельной собственностью. Вассал обязан признать свою зависимость посредством основного обряда принесения оммажа и клятвы верности. Он приходит к своему сеньору, становится перед ним на колени, складывает свои руки в его и объявляет себя его человеком. Затем он клянется, положив руку на Евангелие или на реликвии, что исполнит обязанности своего положения. Одновременно он вру-

чает ему предмет, являющийся лишь символическим выражением вассалитета и платой за инвестицию: пару перчаток, копье, шпору, кубок, коня. Сюзерен, в свою очередь, признает связь, соединяющую его с вассалом, даруя ему поцелуй мира в уста и инвестируя его своим фьефом. Между ними отныне установлены феодальные отношения; они оказываются связанными взаимными обязательствами и не могут их нарушить, не совершив преступления «вероломства» (*violence la foi*).

ОБЯЗАННОСТИ ВАССАЛА.

Эти обязанности, естественно, более обременительные для вассала, бывают как моральными, так и материальными: они влекут за собой как права, так и службы. Верность требует не только того, чтобы вассал ничего не говорил и не делал такого, что могло бы повредить сеньору – его лично, его близким, его чести и его имуществу; она обязывает его также посвящать себя ему, жертвовать ради него даже своей свободой. В качестве поручителя и заложника он несет денежную и личную ответственность за обязательства, взятые на себя его сюзереном. Следовательно, он принадлежит себе лишь наполовину, и даже менее, если сеньор сурово пользуется предоставленными ему правом полномочиями.

Во время войны служба в «ополчении» (*ost*) и в «конном походе» (*chevauchée*) держит его в течение определенного числа дней под сеньориальным знаменем. Даже его собственный замок не принадлежит ему полностью; сюзерен мо-

жет потребовать у него ключи и разместить в нем гарнизон. Кроме того, он обязан охранять замок сеньора и нести в нем «пребывание» (estage) раз в год. В мирное время он должен являться по требованию сюзерена «судить» (juger) или «советовать» (conseiller) в его курии, то есть присутствовать вместе со своими пэрами на судебных заседаниях под председательством сеньора или его чиновника, или же просто окружать его во время великих церковных церемоний, во всех важных событиях его жизни и жизни его семьи.

К военной помощи добавляется денежная «помощь» (aide), законно взимаемая в предусмотренных и установленных обычаем случаях. Не будем думать, что денежная повинность свойственна лишь держанию виллана и не тяготеет над благородным держанием. Вассал платит сюзерену право получения фьефа по наследству, особенно если это боковое наследство; он платит право отчуждения, право освобождения своих сервов и право амортизации, то есть передачи земли Церкви. Он также облагается взносом, «феодальной помощью», всякий раз, когда сеньор несет чрезвычайные расходы. Наконец, он несет тяжелое бремя «постоя» (gîte) и «содержания» (procuration): он принимает и содержит сеньора и его свиту, как это делают также монахи и крестьяне, то есть подданные сеньории.

Когда вассал исполнил свой долг и выполнил свои службы, может ли он распоряжаться своей личностью и своим фьефом в полной независимости? Еще нет: власть сюзерена,

всегда присутствующая, ощущается даже в сфере частной жизни. Согласно строгому праву, феодал не должен покидать фьеф, путешествовать, предпринимать далекое паломничество, жениться, женить своего сына и особенно свою дочь без разрешения своего сеньора. Если он умирает, оставляя свою землю несовершеннолетнему, сюзерен законно вмешивается, чтобы осуществить право опеки (*garde*) или «управления» (*bail*). Сюзерен становится временным, но абсолютным хозяином фьефа до наступления совершеннолетия наследника или замужества наследницы. Существуют и иные обстоятельства, такие как выморочность и конфискация, которые позволяют сеньору окончательно вступить во владение вассальной землей. Вассалитет – это не просто ограниченная эксплуатация феодала сюзереном; кажется, что первый является в реальности лишь держателем фьефа, а второй обладает высшей и подлинной собственностью на него.

ОБЯЗАННОСТИ СЮЗЕРЕНА.

В свою очередь, сюзерен исполняет обязанности перед вассалом. Ему запрещено наносить ущерб своему феодалу, «иммедиатизировать» (*immédiatiser*) его людей, то есть становиться их непосредственным сеньором, строить крепости на фьефе вассала, увеличивать, без его согласия, повинности, установленные обычаем или договором. Он обязан отправлять вассалу справедливый суд и защищать его от врагов. Если неверность вассала влечет за собой конфискацию фьефа, то вероломство сюзерена наказывается отказом в ом-

маже и разрывом феодальной связи.

Но как неравны ситуации и какое превосходство закон о фьефах не дает господствующему сеньору над подчиненным! Обязанности сюзерена носят скорее негативный характер и, несомненно, менее обременительны. Что немного восстанавливает равновесие, так это то, что сюзерен сам является вассалом более высокого по достоинству барона. Правда, обязательства становятся менее тяжелыми и менее сложными по мере того, как феодал занимает более высокое место в «иерархии».

ФЕОДАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ.

Иерархия вносит порядок в совокупность этого феодального здания, где вассалитет служит связующим звеном между частями. Вместо того чтобы быть в равной степени подчиненными единой верховной власти, местные власти зависят друг от друга: они расположены ярусами. Различные сеньории имеют свое отмеченное и фиксированное место на лестнице; они не могут посягать друг на друга. Высокий барон вовсе не должен вмешиваться в сферу низшего сеньора: ему особенно запрещено переманивать к себе людей последнего, чтобы сделать их своими непосредственными подданными. Не следует, чтобы территориальные положения менялись; чтобы число иерархических ступеней увеличивалось или уменьшалось. Каждый сеньор держится своего ранга, имея законную власть лишь над собственными подчиненными. Следуя логике режима, всякая сеньория может вступать

в отношении лишь с непосредственно высшей или низшей властью. Контакт между высоким бароном и арьер-вассалом (вассалом вассала) допускается лишь в виде исключения или если промежуточный сеньор перестает исполнять обязанности, налагаемые на него обычаям и его положением.

ОСНОВАНИЯ ФЕОДАЛИЗМА.

Если рассматривать лишь внешнюю сторону этого феодального мира, где всё кажется столь строго предусмотренным и упорядоченным правом, возникает соблазн увидеть в нем совокупность институтов, способных заменить уничтоженное Государство. Такой режим, основанный на святости клятвы и уважении верности, не лишен моральных оснований. С другой стороны, он очевидно благоприятствует, более чем любой другой, проявлению индивидуальных сил и свободы.

Правда, совершают серьезную ошибку, предполагая, что феодальные отношения покоятся исключительно на договоре о фьефе: это значит забывать, что они часто имели своим происхождением длительное осуществление фактической власти, насильственную узурпацию и грубое завоевание; но нельзя отрицать, что они в некоторых случаях происходили из свободно установленного соглашения между защитником и защищаемым. Оммаж, требуемый при каждой смене сюзерена и вассала, предполагает в принципе всегда согласие сторон.

Постоянство обязательств, необходимость для сюзерена

получать согласие вассала на малейшее их изменение, и, наконец, особенно принцип суда «пэров», то есть равных вассалу, – всё это драгоценные гарантии независимости и безопасности индивида. Но тот, кто хочет оценить феодальный режим по достоинству, должен добраться до сути вещей и противопоставить реальность фактов теории и праву.

ПОРОКИ РЕЖИМА.

При ближайшем рассмотрении здание, воздвигнутое Феодализмом, кажется плохо скрепленным и находящимся в несовершенном равновесии. Закон устанавливает отношения между сюзеренами и вассалами сверху донизу иерархии; он забыл создать их по горизонтали между пэрами. Эти дворяне, стоящие на одной ступени, живут чуждыми друг другу: у них нет иной связи, кроме случайного сближения, вызванного необходимостью исполнения общего долга перед сюзереном. Здесь изоляция – обычное, почти правило. Но прочна ли сама вассальная связь? Не только феодал может ослабить её вплоть до уничтожения одной лишь силой инерции, оставаясь дома, воздерживаясь от появления при дворе сеньора, но и закон предоставляет ему тысячу возможностей или тысячу предлогов, чтобы её разорвать. Феодальное отношение устанавливается вначале лишь потому, что он соглашается на оммаж: когда оно ему в тягость, он может уклониться от него, ссылаясь на вероломство своего сюзерена, или даже, без законного основания, если объявит об отказе от фьефа. В некоторых предусмотренных случаях сюзерен, в свою оче-

редь, вправе денонсировать договор и расторгнуть союз.

Судебная организация Феодализма, сколь бы ни была она способна защищать права индивида, на практике приводит к самым пагубным последствиям. Этот суд пэров не имеет санкции; он разрешает трудности чаще всего посредством судебного поединка и, что еще хуже, посредством частной войны. Поэтому можно было сказать, не преувеличивая истины, что феодальный режим оставлял индивида скорее изолированным, чем свободным.

Закон иерархии не более, чем закон вассалитета, является реальной гарантией мира и единства. Неустойчивость держаний, обычай брать нескольких сюзеренов, вклинивание новых сеньорий, попытки иммедиатизации во всех формах искажают уже в XI веке установленные положения и стремятся извратить всю систему. Сочетание, которое должно было внести гармонию и порядок в хаос сеньорий, производит, напротив, слишком часто переплетение владычеств и смешение полномочий. Война рождается из иерархии так же, как и из вассалитета.

АНАРХИЯ И ВОЙНА.

Живая реальность, как она явствует из хроник и архивных документов, показывает нам господство материальной силы. Феодальные обязательства исполняются, договоры о фьефах соблюдаются, обычаи выполняются лишь тогда, когда сюзерен достаточно могуществен, чтобы навязать повиновение. Связь вассалитета тем слабее, чем выше поднима-

ешься в иерархии. Но как наверху, так и внизу, её постоянно видят разорванной, и верность постоянно нарушается как вассалом, так и сеньором. Укоренившиеся привычки воинственной расы, инстинктивная ненависть к соседу, столкновение плохо определенных прав и неуравновешенных интересов приводят к перманентной борьбе. Нет феодала, который не был бы в борьбе со своими разными сюзеренами, с епископами и аббатами региона, со своими пэрами, со своими вассалами. Война свирепствует не только между владельцами фьефов: она внутри всех семей. Споры о наследстве между родственниками добавляются к прочим, не менее ожесточенным.

Следовательно, это не клевета на Феодализм – констатировать в нем постоянную анархию, глубокое несоответствие права и факта. Он имел своё оправдание и свой час пользы в X веке, когда крах государственной власти и вторжение норманнов вынудили население принять покровительство местных властей как благо. Но ни один режим не переходил быстрее от легитимности к излишествам. Если он и был благотворен в определенный момент, в начале, то этот момент должен был быть очень кратким, и исторические документы, по крайней мере, мало тому свидетельствуют. Поклонники Средневековья утверждали, что Франция действительно знала эпоху, когда замок сеньора служил в основном убежищем для горожан и крестьян, угрожаемых внешним врагом, когда сеньор, в тени своей крепости, думал лишь о том,

чтобы обеспечить своим подзащитным безопасность материальной жизни и облегчение сделок и труда, открывая рынки, предоставляя пресс, печь, мельницу, устанавливая сроки жатвы и условия продажи в исключительных интересах жителей сеньории, чтобы избавить их от голода; взимавший налоги лишь для обеспечения общественной обороны и содержания мостов и дорог, создававший даже церкви или аббатства, чтобы дать группе людей, находящихся под его опекой, средства для удовлетворения их моральных и религиозных потребностей. Этот золотой век Феодализма, если он где-либо и существовал в полной мере, был уже лишь идеалом, когда режим представляется упрочившимся при падении последнего Каролинга.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ МЕЛКОГО ФЕОДАЛИЗМА.

Шатлены, виконты, адвокаты (фогты), то есть мелкий феодализм, самый многочисленный, тот, что был в прямом контакте с народом, менее занят организацией, чем разрушением, менее озабочены управлением, чем вымогательством, эксплуатацией и грабежом. Вместо защиты они угнетают. Сеньориальное покровительство, по-видимому, имело своими непосредственными следствиями, наряду с закабалением подзащитных, осуществление невыносимой фискальной системы, где все службы общего интереса, включая правосудие, став частным достоянием знатной семьи, превратились лишь в орудия вымогательства. Эти феодалы, которых нам представляют создателями всех экономических инсти-

тутов Средневековья, нашли их уже установленными и, возможно, даже функционирующими с незапамятных времен. Они просто конфисковали и монополизировали их в свою пользу. Феодалному режиму недостает не только порядка и правосудия, но и свободы, ибо свободы для большинства в нем не существует: она является привилегией дворян, которые пользуются ею главным образом для борьбы между собой. Мы слишком хорошо знаем, насколько люди Средневековья страдали от феодализма, чтобы верить, что историческая фатальность всегда выгодна народу по той лишь причине, что она существует и он её терпит.

III. ЗАМОК И ЕГО ОБИТАТЕЛИ[3]

ЗАМОК.

Эпоха изоляции и войны, феодальный век точно символизируется «замком».

Некоторое время послужив убежищем для крестьянина, которому угрожала опасность, крепость сеньора, почти всегда расположенная в труднодоступном месте, предложила прибежище разбою. Поначалу полезная для окрестного населения, она быстро стала его бичом. Мало-помалу это орудие защиты и нападения заняло свое законное место в обществе. Из него сделали центр политического округа, распространяющегося на окружающий кантон, единицу сеньориальной округи. Именно тысячи шатленов, укрепившихся на всех точках французской земли, составляют основную массу феодального войска. Именно их злоупотребления властью,

их поборы, их грабежи сделали режим ненавистным.

Роль замка в Средневековье столь велика, что повсеместно принятый обычай, регулируя отношения вассала и сюзерена, позаботился не оставить первому полного распоряжения своими крепостями. Сюзерен имеет право требовать сдачи всех замков, входящих в его округ, и занимать их военным образом в течение срока, установленного местным обычаем. Вассал не может без его согласия строить новые или увеличивать укрепления уже построенных. Сеньорам не дозволено возводить замок на части своей территории, прилегающей к соседней сеньории, то есть в «марке» (пограничной зоне), потому что он представлял бы постоянную угрозу и опасность для соседа. Те из высоких баронов, кто всемогущ в своем государстве, иногда даже запрещают своим вассалам (как это сделал герцог Нормандский Вильгельм Завоеватель) укреплять свои стены башнями и возводить свои донжоны на острове или на скале.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЗАМКИ.

В начале XI века замок отнюдь не имел внушительного вида, какой позже представят гигантские каменные постройки, за которыми дворяне времен Филиппа Августа и Людовика Святого считали себя неприступными. У входа в долины, у слияния рек, на перекрестках дорог, на естественной высоте или на насыпном холме, который навалили отработывающие барщину, возвышается строение квадратной или прямоугольной формы, в несколько этажей, целиком из досок и

бруса. Внизу, в толще насыпи, – погреб и колодец; еще ниже, у подножия холма, – ров, наполненный водой. Вот донжон первой эпохи, зародышевый тип всех феодальных поместий. Подступы к нему защищены внешним обводом, состоящим из второго рва, более широкого и глубокого, чем первый. За этим рвом тянется круглая частокольная ограда из крепких досок, прочно связанных между собой и поддерживаемых на расстоянии друг от друга несколькими деревянными башнями. Единственные ворота донжона сообщаются с внешним миром посредством наклонного моста, покоящегося на сдвоенных козлах или столбах, достаточно подвижного, чтобы его легко можно было убрать в случае опасности, и достаточно прочного, чтобы выдерживать вес людей и лошадей. Эта система обороны, рудиментарная до наивности, имела тот серьезный недостаток, что была легкой добычей для огня. Шатлены думали отвлечь эту опасность, покрывая платформу своего донжона слоем свежесодранных звериных шкур.

Таковы были первоначальные замки Нормандии и Ильде-Франса, те, что изображает анонимный художник, развернувший подвиги норманнов на знаменитой вышивке из Байё. Память о них живет еще в столь распространенных названиях Ла-Мотт, Ла-Ферте, Ла-Э, Ле-Плесси. Тогда энергичный глава сеньории мог легко сжечь и разрушить донжоны мятежных вассалов. Вильгельм Завоеватель и Людовик Толстый, хорошие стражи порядка, преуспели в этом деле. Но

поскольку деревянные замки так же легко отстраивались, как и разрушались, приходилось начинать заново без конца.

В других местах видели и более солидные. В некоторых горных странах замок предстает взгромоздившимся на крутые высоты, защищенный обрывистыми берегами оврага или потока. Толстая каменная стена в форме квадрата, прямоугольника или трапеции, сложенная «в елочку» (*appareil d'arêtes de poisson*), занимает целую вершину и заключает иногда в своей ограде несколько гектаров. Это скорее не замок, а маленький укрепленный лагерь под открытым небом, где гарнизону для защиты от непогоды служат лишь хижины из досок или ветвей, возведенные внутри четырехугольника. Таков этот старый замок Монмор, чьи стены еще видны на горе в Верхних Альпах, с его широким рвом, вырытым с трех сторон, и единственными воротами в виде полукруглой арки, открывающимися на наименее доступном склоне, на высоте 1300 метров.

ДОНЖОНЫ XI ВЕКА.

В равнинных регионах, например, в Анжу и Пуату, крепости, более ограниченные, имеют менее грозное положение. Это массивные башни, квадратные или прямоугольные, с толстыми контрфорсами, с редкими и узкими окнами, общающиеся с внешним миром через одни ворота, которые часто расположены на первом этаже. Чтобы попасть туда, нужна переносная лестница или подъемный мост. Наверху – ни зубцов, ни навесных бойниц (машикулей). Внутри – три

или четыре этажа, но без сводов, разделенные простыми перекрытиями. Поднимаются из одного зала в другой по маленькой лестнице, устроенной в углу стены, или даже, по более примитивной системе, сообщение происходит через лаз.

Самым древним донжоном такого рода является, возможно, донжон Ланже (Эндр и Луара), огромный прямоугольник с массивными контрфорсами, построенный, как говорят, Фульком Неррой, чьи руины до сих пор возвышаются над парком приятеля Людовика XI, Жана Бурре. Такими предстают перед нашими глазами грозный донжон Лош с его двумя сдвоенными прямоугольными массивами, из которых самый большой имеет 40 метров в высоту и 25 метров в ширину на 15; «Башня Цезаря» вытянутой формы в Божанси; квадратные крепости Шовиньи (Вьенна), Монконтюра (Вьенна) и Монбазона (Эндр и Луара); прямоугольные донжоны Монришара (Луар и Шер), Домфрона (Орн) и Фалеза (Кальвадос). Последний, со своими стенами толщиной в четыре метра и мощными контрфорсами, их защищающими, воздвигнутый на вершине утеса из нагроможденных скал, дает самое устрашающее представление об этих феодальных логовах XI и начала XII века. Они защищались сами собой, своей собственной массивностью, толщиной своих стен, трудностью, которую испытывал враг, чтобы до них добраться.

ШАТЛЕН (КАСТЕЛЯН).

Порода людей, населяющая эти замки, крепкая и закален-

ная, не заточается в них надолго в дневное время. Они проводят жизнь на свежем воздухе, разъезжая по дорогам или по соседним лесам. Воспитание молодого дворянина, направленное почти целиком на физическое развитие, стремится сделать из него ловкого и выносливого солдата. Преувеличивали, без сомнения, невежество наших баронов Средневековья: не все они были неграмотными головорезами; некоторые из них, во все времена, умели читать и писать, и получали даже от своих «педагогов» начатки латыни, истории, примитивных наук, которым обучали в школах. Но большинство детей дворян остаются чуждыми умственным упражнениям. Что они узнают прежде всего и с самого нежного возраста, с увлечением, так это верховую езду, фехтование, искусство охоты с псарней и птичьим двором. Едва достигнув разумного возраста, они уже умеют ездить верхом и травить оленя и кабана вместе с родителями. В двенадцать лет многие покидают отчий дом, чтобы быть «вскормленными» при дворе сюзерена или знатного барона, которому они служат в качестве оруженосца (*damoiseau*), слуги или конюшего. Им приходится носить щит сеньора, вооружать его для битвы или турнира, раздевать после сражения, ухаживать за его оружием, заботиться о его лошадях, прислуживать ему за столом и скакать с его поручениями. Суровая служба, но все через нее проходят, ибо это подготовка к рыцарству.

Мы поговорим в другом месте об этом крещении воина. Как только он опоясался перевязью и овладел рыцарским

мечом, молодой человек становится совершенным дворянином. Он женится, становится шатленом в свою очередь и ведет то феодальное существование, которое столь ярко рисуют нам хроники и песни о деяниях (*chansons de gestes*).

Война, его главное занятие, редко простаивает. С наступлением весны он отправляется в поход, сопровождаемый своими вооруженными людьми, с мечом с реликварием на навершии у бока, и в руке длинное ясеневое копье, на верхушке которого развеивается трехконечный разноцветный вымпел. В левой руке он держит свой щит, продолговатый, целиком из дерева и кожи, покрытый полосами золоченого металла и раскрашенный цветами и животными. В качестве доспехов – туника из стальных колец, «хауберг» (*haubert*), кольчужные чулки и «шлем» (*heaume*), стальной шлем в форме яйца, который, будучи пришнурован к кольчужному капюшону, оставляет открытыми только глаза.

ВОЙНЫ И ТУРНИРЫ.

Война столь же кратковременна, сколь и часта, а стратегия предельно проста. Никаких больших битв, много стычек и поединков один на один посреди неразберихи свалки. В редкие моменты затишья, когда серьезной войны, по случайности, нет, дворянин старается создать себе её иллюзию, сражаясь на турнирах. В Средние века турниры мало похожи на те карусели XV века, где сеньоры, соперничающие в роскоши и изяществе наравне с силой и умением владеть оружием, сражаются попарно, согласно сложным правилам рыцарской

куртуазности. Турнир феодальной эпохи – это в самом деле уменьшенная война; всё дворянство двух соседних стран собирается там; целые отряды сталкиваются с яростью, и убитые устилают поле.

ЗАНЯТИЯ ДВОРЯНИНА В МИРНОЕ ВРЕМЯ.

В мирное время барон предается охоте, своей любимой страсти, полезному для тела упражнению и подлинной школе войны. Он находит в ней, к тому же, незаменимый источник для своей кухни. Эти солдаты, прожорливые, мало ценят мясо из лавки. Они питаются в основном дичью, подаваемой четвертями или пирогами крупного калибра. Если верить нашим старинным поэмам, самыми вкусными трапезами были те, где куски кабана и медведя чередуются с жареными лебедем и павлином, всё это запивается щедрыми глотками вина, приправленного медом и пряностями. Время, которое он не проводит на охоте или за столом, дворянин употребляет на слушание ежедневной мессы, игру в кости или шахматы, нанесение сильных ударов копьем по «квинтане» – манекену, прибитому к столбу. То он забавляется, натравливая друг на друга диких зверей, запертых в своих ямах; то слушает музыку и грубые шутки бродячих жонглеров – самое интеллектуальное из своих развлечений. В воскресенье и в дни больших праздников он исполняет свой феодальный долг. В окружении своих верных и вассалов он председательствует в своем суде или решает вместе с рыцарями и уважаемыми людьми (*prud'hommes*) вопросы, касающиеся всего фьефа.

ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ДВОРЯНИНА.

Примитивные нравы, незамысловатый склад ума. Благодаря силе и изменчивости страстей, отсутствию общих идей, необдуманности, взрывам алчности, резким переменам чувства и мысли, дворянин этого времени смахивает на ребенка и дикаря. Прежде всего он восхищается физической силой, любит хвалиться своей и охотно представляет своих героев гигантами мощной жестокости. В нравственном отношении у него пороки и добродетели варвара: любовь к игре, вину, женщинам, вспыльчивость, жестокость в сочетании с хитростью, но также и отвага, которую ничто не пугает, наивный энтузиазм и щедрость, расточающая друзьям золото, богатые одежды, роскошные пиры. Он милосерден, столько же из тщеславия, сколько из человеколюбия, и особенно потому, что милостыня – благочестивое дело, полезное для спасения души. Барон, заботящийся о своей репутации и о рае, кормит бедных сотнями, но обращается с ними немного как с охотничьими собаками, которым он бросает остатки со своего стола. Глубоко презрительный, впрочем, ко всему, что не есть дворянство и военное ремесло, он доводит до невообразимой степени кастовый предрассудок и презрение к «виллану» (простолюдину).

Эти простые души движимы лишь одной мощной пружиной – религиозным чувством. Оно состоит из живой веры, детских страхов и грубого суеверия. Пылкая, цельная, неспособная к рассуждению и компромиссу вера питает в них

ненависть к еретiku, еврею, язычнику: она позднее вдохновит энтузиазм крестового похода. Умы столь ограниченные мало интересуются догматом и теологическими тонкостями. Для них возвышенная и философская часть религии – темный лес, всё сводится к культу, а культ в ту эпоху представляется почти целиком ограниченным внешними и материальными практиками: усердным посещением служб, милостыней, воздержанием, посещением гробниц святых, почитанием реликвий, пожертвованиями церквям. Они убеждены, что самые тяжкие нарушения нравственного закона могут быть искуплены добрыми делами; отсюда эти удивительные чередования распущенности и благочестивых практик, последовательность преступлений и покаяний, обычный союз порока и набожности.

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕЛИГИЯ.

Феодальный режим, по-видимому, сузил горизонт душ в той же мере, что и политический. Высшие и чисто духовные силы христианства: Бог, Сын, Дух Святой, отодвинутые на задний план, отступают в туманную даль, где их очертания становятся неясными и теряются. Средневековая набожность обращается прежде всего к промежуточным силам между Божеством и человеком, считающимся более доступными, – ангелам, Деве Марии, святым, у которых она вымаливает и покупает помощь. Не менее твердо она допускает постоянное действие в этом мире противоположного начала, дьявола, всегда готового искушать людей и заставить их раз-

делить вечное осуждение.

Религия, униженная, опошленная, феодализируется, становясь местной. Многие шатлены довольствуются для своих молитв и милостынь соседним со своим донжоном монастырем и хранящимися там реликвиями. Там они совершают свои благочестивые деяния, искупают совершенные злодеяния, посвящают Господу своих сыновей и дочерей, надевают монашескую рясу в случае тяжелой болезни; там они хотят быть погребенными и спать последним сном. Всё божественное для них сосредоточено в этой аббатстве, чей святой покровитель занят исключительно ходатайством за них. Будучи суверенами на своем клочке земли, им нужно иметь всё под рукой, даже религию; слишком удаленный монастырь или не принадлежащий им лично им не нравится; их идеал — основать такой, который был бы их собственностью, и иметь своих собственных монахов в пределах самого замка.

Высшие бароны, менее заточенные у себя и более богатые, посещают самые прославленные святилища Франции и заграницы. В глубине души они понимают религию так же, как и самые бедные рыцари. Малые и великие, отлитые в одну форму, имеют полную веру в чудеса, верят в привидения, явления, пророчества, боятся колдовства, дьявола и испытывают ужасный страх перед осуждением.

ШАТЛЕНА (ЗАМКОВАЯ ГОСПОЖА).

В этой среде суеверных и грубых головорезов женщина начинает занимать место, которое до сих пор ей отказывали.

Феодальный режим признает за ней право наследовать фьеф и владеть сеньориями. Наследуя землю и власть, она выходит из состояния полуприслуги, в котором её ещё держало каролингское общество. Христианство с трудом боролось с нравами за её освобождение: Феодализм заставил женщину сделать решающий шаг. Будучи аббатисой или сановницей аббатства, она считается способной управлять душами. Позднее развитие рыцарских идей и культа, воздаваемого Деве Марии, возвысит её до более высокого положения. Но этот прогресс женской судьбы, столь тесно связанный с прогрессом общей культуры, едва заметен в примитивную эпоху Феодализма. Образ жизни, который ведут дворяне, не имел важных последствий, на которые любят указывать многие историки. Позволительно не верить безоговорочно, что замок создал семейный дух, поощрил домашние добродетели, породил чувства благородной и утонченной галантности, облагородил сердца и умы.

Шатлена, какую описывают в XI веке история и поэзия, – это почти всегда женщина бурного темперамента, с живыми страстями, приученная с детства ко всем физическим упражнениям, разделяющая удовольствия и опасности окружающих её рыцарей. Феодальная жизнь, богатая неожиданностями и опасностями, требовала от неё крепкой закалки души и тела, мужественной осанки, почти военных привычек. Стыдливость и деликатность ещё неизвестны. Дворянская девушка принимает гостей, являющихся в отчий дом,

лично следит за их трапезой, ночлегом, баней. Вышедшая замуж, она сопровождает шатлена на охоту, с соколом на руке, ибо она умеет дрессировать птицу, выпускать её, призывать или поощрять криком, и успех охотников часто – её дело. Во время войны или когда муж в отъезде, она руководит обороной сеньории. Она не отступает перед самыми долгими и опасными паломничествами. Живя среди людей войны, как ей не перенять их привычки и нравы? Жадность, вероломство, жестокость (у женщины ещё более утонченная) – обычные пороки знатных дам, способных иногда дать фору самым грубым баронам.

ТИПЫ ЗНАТНЫХ ДАМ.

В Иври шатлена Обрея велела построить башню необыкновенной высоты, превосходившую все донжоны края. Она была так довольна своим архитектором, что приказала отрубить ему голову, чтобы он не смог приложить своё искусство на службу другим. В конце концов она выгнала своего мужа из знаменитой башни, желая жить там одной по своему усмотрению, пока тот, ворвавшись через брешь в супружеское жилище, не заколол ту, что его оттуда изгнала. Мабиль, жена Рожера, графа Монтгоммери, находила удовольствие в том, чтобы обирать дворян своей сеньории, доводя их до нищенства на больших дорогах. Взбешенные, они собрались вчетвером в один день, когда графиня укладывалась в постель после ванны, проникли в её комнату и обезглавили её. Жюльенна, побочная дочь английского короля Генриха I,

была поручена мужем защищать от своего отца замок Брестей. Осажденная в донжоне, она просит у Генриха встречи, затем, когда тот появляется, коварно пускает в него стрелу и промахивается. Вскоре голод вынуждает её капитулировать, но отец не позволяет ей выйти по подъемному мосту: он требует, чтобы она спустилась совершенно нагой с самой высокой башни до дна рва. Стояла глубокая зима. Несчастливая «удалилась вся в печали к своему мужу». В Суассоне графиня Аделаида, чтобы свободно владеть графством, приказывает еврею отравить своего брата и велит вырвать язык и выколоть глаза диакону, навлекшему на себя её ненависть. Эти грозные женщины – не персонажи романов; Одорик Виталий и Гибер Ножанский знали их; и скольких других, похожих на них, можно было бы назвать!

Не менее своих мужей, они умеют обирать монаха и крестьянина. «Однажды, – говорит автор "Чудес святого Бенедикта", – жена Аршамбо Белого (мелкого шатлена из Орлеанэ, соседа аббатства Флёри) разъезжала по округе в поисках бесчестных прибылей. Она прибыла на землю приората Пресси с великолепной свитой, как то принято у дам её звания. Была осень. Виноград собран; вино, выжатое из пресса, было разлито по бочкам; и в том году его было в изобилии. Дама приказывает монаху накрыть ей трапезу, и как можно скорее. Монах ответил, что не уполномочен растрачивать имущество владения на пиры, предлагаемые женщинам. Он был призван лишь собирать плоды земли, чтобы отдавать их

надлежащему получателю, и не желал допускать создания на земле приората обычая, который не нашел установленным. Дама удалилась в ярости и тотчас приказала Ансегису, мэру местности, изъять всё вино монахов, погрузить его на телеги и отвезти в свой погреб. Приказ был исполнен. Но Ансегису недолго пришлось радоваться. У него был маленький ребенок, которого он любил больше всего на свете. В тот момент, когда телеги, груженные украденным вином, достигли ворот сеньориального поместья, этот ребенок был охвачен такой сильной лихорадкой, что чуть не испустил дух. Тогда человек, сразу поняв, что это несчастье постигло его из-за того, что он повиновался приказам шатлены, вернул вино монахам, признал, что поступил дурно, и взмолился святому Бенедикту спасти его сына. Святой, приняв покаяние этого отчаявшегося отца, внял ему, и ребенок выздоровел». Потребовалось чудо, чтобы помешать этой эксплуататорше присвоить чужое добро.

СЕНЬОРИАЛЬНЫЕ БРАКИ.

Дворянская наследница – добыча, за которую соперничают претенденты, которую вырывают у отца, опекуна, даже у мужа. История Сибиллы де Шато-Порсьен красноречиво говорит о нравах той суровой эпохи. Пока её муж, Годфруа, граф Намюра, был на войне, сосед, Энгерран де Куси, является в башню Порсьена, куда удалилась графиня, замечает, что она опечалена долгим отсутствием супруга, и предлагает его заменить. Сибилла соглашается, и Энгерран овладевает

замком. По возвращении граф Намюра требует назад свою жену и своё владение, но ему одинаково отказывают. Следует ужасная война, в которой пленным выкалывают глаза и отрубает ноги. Сеньор де Куси, победив, остается во владении наследницей. Он даже находит епископа, чтобы тот его отпустил и успокоил его совесть.

Сеньор женится, чтобы увеличить свой фьеф в той же мере, как и чтобы обзавестись сыновьями, способными его защищать. В его глазах женщина представляет прежде всего землю и замок. Часто жениться выгодно; поэтому барон никогда не остается вдовцом. Разводы происходят по малейшему поводу: более или менее отдаленная или воображаемая степень родства, малейший физический недостаток, простое заболевание даже – частые причины развода. Дамы, три или четыре раза разведенные, в изобилии встречаются во Франции XI века. Некоторые сами привыкают менять мужей и упреждают развод. В этих феодальных союзах, столь же быстро заключаемых, как и расторгаемых, какая же может быть доля чувства? Брак обычно предназначен лишь для скрепления договора о союзе между двумя сеньориями. Будь он избран отцом или сюзереном, девушка пассивно принимает предназначенного ей супруга. Её даже не утруждают спросить.

Как удивляться тому, что любовь, изгнанная из брака, ищет компенсации в другом месте? Безнравственные теории, которые обретут плоть в XII и XIII веках в поэзии жон-

глеров и в судах любви (cours d'amour), – не просто игры ума. Теория последовала за практикой: но она хорошо объясняется фактами. Достаточно сказать, что один из самых пылких поклонников Средневековья[4] признал сам, «что феодализм оказал на брак пагубное влияние». Что такое, в конце концов, замок? Караульное помещение: почва, мало благоприятная для расцвета нравственной утонченности и чувств куртуазности, основанных на уважении, должном женщине.

IV. НИЗШИЕ ЗАВИСИМОСТИ ФЬЕФА. СЕРВЫ И СВОБОДНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ[5]

Вокруг замка люди сервального или свободного состояния живут трудом своих рук в полях, мастерских или лавках. Эти несчастные входят в низшие зависимости фьефа. Они не имеют веса в глазах властителей общества, разве что как объект для выжимания: у них лишь экономическая ценность; это доходные предметы.

КРЕСТЬЯНЕ.

Сельский класс XI века не обладает оседлостью и привычками к оседлости наших сегодняшних сельских жителей. Не все крестьяне, сервы или свободные и полусвободные держатели, прикреплены к земле. Есть и такие, которые перемещаются, и в большом числе, чтобы ходить туда-сюда, занимаясь расчисткой и распашкой земель. Эта категория работников, переезжающих из одного региона в другой, предлагающих свои руки тому, кто больше даст, называются «поселенцами» (hôtes, hospites, habitatores) или «пришель-

цами» (*convenae, advenae, pulverei, albanī*). Части подвижно-го населения деревни дают также старое название колонов (*coloni*), отклоненное от своего каролингского смысла.

ПОСЕЛЕНЦЫ ИЛИ КОЛОНЫ.

Колонизаторы селятся либо поодиночке, либо группами в несколько семей в лесах или на пустующих землях. Будучи скорее расчистителями, чем земледельцами, эти люди любят прежде всего рубить, жечь, делать просеки: раз работа закончена, они идут в другое место для новых подсек. Регулярный труд с плугом – не их дело. Однако по мере того, как продвигается век, эти пионеры, по-видимому, становятся менее подвижными. Многие из них сами устают от кочевой жизни и стараются осесть. Сеньоры, которые их нанимают, стараются побудить их поселиться и дать потомство земледельцев на земле, которую они сделали плодородной. Тот или иной господин требует, чтобы прямой наследник поселенца не бросал начатого дела и поддерживал очаг своего отца; другие доходят до того, что стовариваются между собой не принимать на своих землях поселенцев, не способных осесть, и постановляют, что через год и день поселенец, который не ушел, не будет иметь права уйти. Мало-помалу во многих регионах слово *hospes*, утрачивая свой первоначальный смысл, обозначает также оседлых земледельцев, «жителей» (*manants*). Везде встречаются поселенцы, которые принимают на себя положение свободных и полусвободных держателей или даже позволяют ввергнуть себя в серваж. Уже заметная в XI

веке, эта трансформация усилится в следующем столетии.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ.

Земледелие ещё в детстве. Почти повсеместно излюбленная система земледельца состоит в регулярном чередовании озимой культуры, яровой культуры и пара. Многие бедные крестьяне обрабатывают землю лопатой и мотыгой. Виноградников много: их можно видеть даже в северных странах, где они сегодня больше не существуют: но плохо умеют возделывать виноградную лозу и ещё хуже – готовить вино. Впрочем, обширные хозяйства немногим лучше мелких. Несовершенство сельскохозяйственных средств приводит к тому, что крупное земледелие не соответствует крупной собственности. Сеньор оставляет за собой домен (заповедную землю), которую обрабатывают непосредственно его барщинники, что удовлетворяет его личные нужды. В остальном он довольствуется тем, что имеет чиншевиков-держателей, которых обирает, сколько может, и которые платят ему более или менее плохо, натурой или деньгами.

ЛЕСА.

Повсеместно, но главным образом в горных регионах и на равнине, простирающейся к северу от Луары, Франция XI века была покрыта лесами. Лес играет большую роль в жизни людей того времени: в нем строят церкви, деревни, в нем пасут огромные стада. Многие сельские общины пользуются с незапамятных времен или по недавней уступке сеньора правом пользования мертвым лесом и даже, в опреде-

ленных пределах, живым лесом. Хотя расчистка поощряется Церковью и считается святым делом, не решаются слишком прореживать лес: ибо феодализм дорожит своей дичью, и сам крестьянин широко использует окружающие его леса для постройки своих хижин, для отопления и освещения с помощью смолистых продуктов. Особенно многочисленны и уважаемы дубовые леса, потому что желудь – ценная вещь. Поскольку скотоводство тогда обращалось гораздо менее к крупному, чем к мелкому скоту, стада свиней и овец составляют главное животное богатство. Разводят также много пчел; воск – предмет первой необходимости для Церкви, а мед занимает большое место в питании.

СЕЛЬСКИЙ СЕРВАЖ (КРЕПОСТНОЕ ПРАВО).

Самая характерная черта этого сельского общества – то, что подавляющее большинство его членов подчинено сервальному (крепостному) состоянию. Правда, серваж предполагает оттенки, которые нужно учитывать. Серв, называемый «коллиберт», весьма распространенный особенно в наших западных провинциях и по берегам средней и нижней Луары, избегал некоторых обязанностей, общих для людей его класса. Сервы короля и церковные сервы пользовались определенными привилегиями. В общем, серв-земледелец не был так несчастен, как серв-дворовый, прикрепленный к личной службе господина, но тем не менее он подвергался самой тяжелой, самой невыносимой из всех зависимостей. Он не может ни передвигаться по своей воле, ни жениться

вне сеньории. Он не имеет права распоряжаться своим имуществом в пользу другого лица, кроме своего прямого наследника, да и эта передача облагается пошлиной. Он может быть продан, заложен, подарен своим сеньором. Он считается неспособным выступать и свидетельствовать в суде, по крайней мере против свободных лиц. Для него юридические защиты не существуют. Его собственная личность, в случае проступка, не возмещенного штрафом, может быть отдана на произвол господина или его слуг.

Его дети могут быть поделены и разбросаны по рукам разных собственников. Прочитаем эту душераздирающую грамоту, выбранную среди сотен других: «Мы, монахи Мармутье, и Готье Рено, владели сообща сервами и сервками, которые подлежали разделу между нами. Итак, в год воплощения 1087, шестого дня июня, во времена аббата Бернара, мы приступили к разделу детей мужского и женского пола, принадлежащих нескольким родителям. Мы получили в свою долю, среди детей Рено де Виллана, одного мальчика, Бартелеми, и трех девочек, Эрсенду, Милезенду, Летгарду; и среди детей Гваселина, одну девочку, Аренбурггу, и одного мальчика, Готье. Была исключена из раздела совсем маленькая девочка, оставшаяся в своей колыбели. Если она выживет, она будет нашей общей собственностью до заключения соглашения, которое припишет её к той или иной сеньории».

Избежать этой участи, скрыть изначальное пятно – многие сервы пытались, но сеньор использует упрощенные про-

цедуры, чтобы заставить строптивых вернуться под ярмо. «Один человек из Вандома, по имени Гандельберт, серв нашего дома, женился на Герберге, ставшей также нашей сервкой в силу самого брака. Этот Гандельберт, отказавшись однажды признать себя нашим сервом, приор Эд захватил его личность, привел в Мармутье и держал в тюрьме, пока тот не признал себя сервального состояния. И чтобы показать, что он больше не хочет уклоняться от него, он предстал в нашем капитуле со своей женой, и там, в знак серважности, они оба положили себе на голову по четыре денье, которые господин аббат затем принял при свидетелях». Это монах Мармутье заносит этот факт на письмо от имени своей общины.

ТЕОРИИ О СЕРВАЖЕ.

Все церковные формулы, провозглашающие изначальное равенство людей и человеческое достоинство, не могут скрыть реальность фактов. Чувство глубокого отвращения, которое дворянин испытывает к виллану, тысячекратно выражено в исторических документах и литературных произведениях, особенно в нашей древнейшей эпической поэзии. В ту самую эпоху, когда выдающийся епископ, Ив Шартрский, пиша архипресвитеру Парижа и епископу Орлеана, провозглашал, «что перед Христом нет ни серва, ни свободного, и что люди, допущенные к одним и тем же таинствам, равны», архиепископ Реймса в проповеди, произнесенной в Лане, громил сервов, пытающихся ускользнуть от господства своего сеньора. «Сервы, сказал апостол, будьте покорны во

все времена вашим господам. И не приводите в оправдание их жестокость или алчность. Оставайтесь покорными, сказал апостол, не только тем, кто добры и умеренны, но даже тем, кто таковыми не являются. Каноны Церкви объявляют анафемой тех, кто побуждает сервов не повиноваться, прибегать к уловкам, и тем более тех, кто учит их открытому сопротивлению». Вот расстояние, отделяющее практику от теории.

Теория в этом железном веке не всегда даже благоприятна идее изначальной свободы. Монах аббатства Сен-Люд'Анжер написал эти строки в преамбуле акта об освобождении: «Всякая власть от Бога, и тот, кто противится властям, противится Божьей воле, которая, по удивительному и суверенному промыслу, поместила на земле королей, герцогов и других людей, призванных повелевать прочими. Они были установлены Богом, чтобы малые, как это логично, находились в зависимости от больших. Сам Бог пожелал, чтобы среди людей одни были сеньорами, а другие сервами, таким образом, чтобы сервы были обязаны почитать и любить своих господ, согласно этому слову апостола: Сервы, повинуйтесь вашим земным господам со страхом и трепетом».

Против доктрины, делавшей серваж божественным установлением и абсолютной необходимостью общественного состояния, протестовали некоторые избранные умы внутри Церкви и в окружении королей Франции, и это будет их вечной честью; но факты им противоречили. На практике сеньоры Средневековья (и те, кто принадлежал к церковному

обществу, как и прочие) почти всегда следовали идеям писца из Сен-Ло.

Сколь бы несчастным ни было его состояние, серв XI века, однако, кажется менее достойным сожаления, чем его собратья во времена античного рабства. Прикрепленный к земле, которую он обрабатывает, он превратился из движимого предмета в недвижимость. Он выиграл в стабильности, если не решаются сказать – в достоинстве. Он менее заперт в своей касте. Уже видно, как некоторые сервы исполняют в сеньориях функции подлинной важности. Суровость сервильных повинностей несколько смягчается. Если верить экономистам, лошадь стоила в среднем в XI веке сто су, мул – сто двенадцать, а серв – тридцать восемь. Следует ли заключить, что общественное мнение низводило человеческий род ниже скота? Более низкая цена серва доказывает, напротив, что сервальное состояние поднималось. Если серв стоил для своего собственника на две трети меньше, чем вьючное животное, то потому, что услуги, которые он был обязан ему оказывать, начинали ограничиваться.

СВОБОДНЫЙ КРЕСТЬЯНИН.

Положение свободного крестьянина немного выше, чем серва. Только не надо, чтобы это слово «свобода» вводило в заблуждение. Самый свободный из держателей всё равно обременен тяжелыми или отвратительными обязательствами, чей тиранический характер трудно преувеличить. Повсюду житель (*manant*) сгибается под тяжестью повинностей,

платежей, барщин. Он страдает от препятствий, чинимых его праву собирать урожай, продавать, покупать, передвигаться. Он жертва тех чудовищных монополий, что называются «сеньориальными баналитетами». Как бы далек он ни был от серважа, его труд и его имущество не принадлежат ему целиком. Непосредственный сеньор, приходский кюре, высокий сюзерен провинции требуют в свою пользу определенную долю. Эта двойная и тройная эксплуатация осуществляется не только в условиях, навязанных исконным обычаем или свободным договором. Крестьянин, купец, ремесленник подвержены непредвиденным требованиям, произвольным поборам, «вымогательствам» всякого рода. «Дурной обычай» (*mauvaise coutume*), как говорили люди Средневековья, – бич феодальной эпохи, характерная болезнь общества, где злоупотребление, рожденное насилием, освящалось временем, всеобщим беспорядком и мало-помалу становилось законом.

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ВЫМОГАТЕЛЬСТВА.

«Я, Ландри Толстый, соблазненный и увлеченный похотью, что часто проникает в сердца людей века сего, признаю, что задержал купцов из Лангра, проезжавших через мое владение. Я отнял у них товары и держал их до того дня, когда епископ Лангра и аббат Клюни пришли ко мне, требуя возмещения. Я оставил себе часть изъятого и вернул остальное. Эти купцы, чтобы получить остаток и иметь возможность впредь пересекать мою землю без опасений, согласи-

лись выплатить мне определенную сумму в качестве дани. Этот первый грех внушил мне идею второго, и я предпринял взимать и заставлял взимать моими слугами со всех, кто пересекал бы мою территорию по торговым делам или в паломничестве, сбор, называемый «пеаж» (плата за проезд). Сеньоры Клюни, зная, что мои предшественники никогда не взимали налога такого рода, сильно пожаловались и заставили меня через моего брата Бернара, камерария их аббатства, отказаться от этого несправедливого вымогательства, ненавистного в очах Божьих. Чтобы выкупить его и обеспечить безопасность путешественникам, они дали мне сумму в триста су».

Эта назидательная исповедь шатлена XI века показывает, как устанавливались пеажи. Этот был быстро выкуплен соседним аббатством, но сколько других, столь же незаконных, сохранились и приобрели силу обычая, поскольку жертвы не смогли с самого начала раздобыть деньги, необходимые для выкупа?

Повинности деньгами или натурой, взимаемые уже не с проезжих чужаков, а с людей или монахов, живущих на земле, часто имеют то же происхождение. Видно, как они рождаются и увековечиваются. «Один могущественный сеньор по имени Альдижье, строя замок Шаденак (в Виваре) близ приората аббатства Сен-Шаффр, попросил приора помочь ему в расходах, подарив пять мюидов вина. Монах дал их неохотно. В следующем году Альдижье попросил столько же.

Монах отказался на этот раз от взноса. Но сеньор взял его силой, и так родился дурной обычай на земле Сен-Шаффра. Сеньор категорически отказался от него отречься, и его сын пользовался им после него».

В другом месте шатлен даже не утруждает себя постепенным превращением добровольного дара в обязательный обычай: он создает его принуждением с самого начала. «Рыцарь Гоше, в то время как он держал фьеф Шато-Рено, ввел силой и незаконно на земле Святой Троицы Прюне (собственности аббатства Вандома) следующий обычай. Каждый год вилланы этой земли, хотя бы они того или нет, должны были платить ему по одному мюиду овса». Позднее тот же сеньор заявляет, «что откажется от этого отвратительного обычая, если монахи дадут ему двадцать су». Монахи смирились с этим, «предпочитая заплатить раз и навсегда то, что они не должны, нежели видеть свою землю навеки обремененной незаконным сбором».

После налогов – барщины. «Фульк Старый, граф Анжу, попросил однажды аббата Сен-Обена (Анжерского), не в качестве права, а как одолжение, одолжить ему своих людей из Меона, чтобы заставить их косить луга, которыми он владел в Монтрёе. Позднее Фульк Младший отдал эти луга казначею Рено. Это превратило в обязанность (*in coacticiam consuetudinem*) то, что Фульк Старый получил от монахов добровольно. Он требовал, чтобы люди из Меона приходили косить его луга. Монах Фулькрад, приор Меона, воспроти-

вился; тогда Рено приказал опустошить землю приората».

Когда вымогательство, дурной обычай вводится за счет церковных земель, Церковь может защищаться и защищать своих крестьян духовным оружием или, по крайней мере, заплатить угнетателю, чтобы первоначальный насильственный акт не превратился в традицию. Но на светской земле, когда король или герцог отказываются вмешиваться, крестьянин, запуганный и неимущий, терпит первое насилие; прецедент, раз установленный и возобновленный, становится обычаем, и грубый факт по прошествии нескольких поколений оказывается превращенным в право.

Эти каждодневные несправедливости, эти множасьиися создания «сеньориальных прав» тщетно навлекают на своих творцов возмущенные обличения клириков. «У этих людей когти, – кричит анонимный проповедник, – они стараются остричь своих подданных. Они живут с хищными зверями, то есть сообщниками жестокими и дикими, как они сами. Они пожирают своих подданных, простых людей, как агнецов, обложениями и вымогательствами». Кюре из Пуату, современник первого крестового похода, Рауль Ардент, сокрушается, что Церковь остается бессильной перед такими злоупотреблениями. «Мы отрицаем или замалчиваем истину из страха перед мирянами; мы отрицаем Христа, саму истину. Когда хищник набрасывается на бедняка, мы отказываемся помочь этому бедняку. Когда сеньор мучает сироту или вдову, мы не идем навстречу». Он преувеличивал, как это де-

лают проповедники; Церковь часто пыталась противостоять злу; но она сама, в лице своих епископов и аббатов, светских сеньоров, собственников сервов и вилланов, способствовала его увековечиванию.

Епископ Лана Адальберон в сатирической поэме, где он представляет себя беседующим с королем Франции Робертом Благочестивым, делит людей на две категории: с одной стороны, клирики, которые молятся, и дворяне, которые сражаются; с другой – труженики, объединенные под именем сервов. «Снабжать всех золотом, пищей и одеждой – такова обязанность сервального класса». Он не отличает свободного или полусвободного виллана от собственно серва. Между эксплуататором и эксплуатируемым расстояние так велико, что с высоты оттенки смешиваются и стираются. Этот епископ, однако, находит несколько слов жалости к жалкому положению низших. Он, без сомнения, не забывает, что король, к которому он обращается, – защитник смиренных и бедных и что у него душа благочестивая и нежная (кроме как к еретикам): «Этот несчастный класс не обладает ничем, чего бы не покупал тяжким трудом. Кто мог бы, перебирая косточки счетной доски, счесть муки, хождения, усталости, которые приходится выносить бедным сервам?» И далее он восклицает: «Увы, нет конца слезам и стенаниям этих несчастных!» Но епископ находит естественным и правильно упорядоченным это распределение общественных функций. Он даже жалуется, что в его время оно начинает слегка

искажаться «человеческой злобой». Он намекал, без сомнения, на крестьянские и городские восстания, которые уже происходили то там, то тут и грозили нарушить эту прекрасную гармонию.

БЕДСТВИЯ С НЕБА И ЗЕМЛИ.

К этому постоянному злу – «обычаю» – добавлялись чрезвычайные бедствия: война, непогоды, болезни, свойственные бедным средам. Слово «чрезвычайный» подходит лишь наполовину. Эти бедствия свирепствовали так часто, через столь короткие промежутки, что становились частью нормальной жизни.

Война заключалась, особенно для баронов и шатленов, в разграблении крестьян враждебной стороны, в их заклании, если они сопротивлялись, и в поджогах деревень. Опустошенная, обезлюдевшая вражеская земля становилась на какое-то время бесплодной. Затем бедствия с неба и земли: засухи, лютые морозы, наводнения, ураганы, неурожаи довершали отчаяние. Голод появлялся циклами, укоренялся как эндемическое зло: неизбежный результат несовершенства методов земледелия, малого числа обрабатываемых земель, трудности коммуникаций, недостаточности рынков, препятствий, чинимых феодальным фиском обращению зерна. В XI веке, в течение семидесяти трех лет, можно насчитать сорок восемь лет частичного или всеобщего голода. Хроники изобилуют душераздирающими подробностями: люди, вынужденные питаться травой и животными; путешественни-

ков нарезают и съедают; человеческое мясо варят и выставляют на продажу. Кантоны, целые провинции вымирали[6]. Чума, в самых различных формах, завершала дело голода.

Некоторые историки сомневались в реальности этих мрачных эпизодов, переданных ограниченными хронистами, пессимистичными монахами, которым, возможно, нравилось записывать ужасы. Без сомнения, нужно учитывать преувеличение происшествий. Верно также, что периодам голода иногда следовали эпохи изобилия. Но как отвергнуть эти рассказы о голоде, которые у наших анналистов XI века встречаются почти на каждой странице? Будут ли оспаривать правдивость архивных документов, показывающих крестьян, повсеместно гибнущих от опустошений людей войны и хищности собственных сеньоров? Если бы бедствия и несчастья не были столь всеобщими, народное возмущение, в котором нельзя сомневаться, осталось бы без объяснения.

НЕДОВОЛЬСТВО И НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ.

На протяжении всего XI века недовольство не переставало проявляться в большинстве французских регионов грабежами, поджогами и убийствами. Один бургундский сеньор жалуется в грамоте 1046 года: «что Гийом, его сын, был убит его сервами без всякой вины с его стороны». Гибер Ножанский рассказывает историю крестьянина, который так избавился от своей шатлены. Сервы и сервки монастыря Сен-Арнуль, отказываясь платить посмертный побор (mainmorte), желая жениться по своей воле, все поднимают-

ся против своих господ. Они заявляют в своем манифесте, «что будут выдавать своих свободных дочерей замуж за чужаков и что монахи должны будут довольствоваться требованием от них верности», что равносильно отрицанию наследственного серважа. В самом начале капетингской эпохи бретонские крестьяне массово восстают во время малолетства своего герцога Алена IV (1008 г.).

БУНТ НОРМАНДСКИХ КРЕСТЬЯН.

Волнение норманнских крестьян происходит примерно в ту же эпоху, при правлении герцога Ришарда II (996-1027). Со времен Огюстена Тьерри историки и литераторы наперебой повторяют знаменитую боевую песню, которую поэт Романа о Ру (Wace) вкладывает в уста норманнских мужиков: «Мы такие же люди, как они. – Такие же члены имеем, как они. – И столь же большие тела имеем. – И столь же много страдать можем. – Нам не хватает лишь сердца... – Добро, против одного рыцаря – тридцать или сорок крестьян». Они восхищаются этой сельской Марсельезой, «прошептанной вполголоса тысячами сервов и жителей, род далекого грома, возвещающего восстание пастушков и ужасный взрыв Жакерии[7]!». Но нужно было бы доказать, что Васс, писавший во времена Людовика VII, после великой коммунальной революции, не является попросту её выдумщиком!

Повествование Гийома из Жюмьежа (до 1087 г.), более простое, столь же драматично. Его крестьяне не излагают социалистических теорий: они довольствуются действием.

«Пока юный Ришар, – говорит он, – изобиловал добродетелями, в его герцогстве поднялось семя пагубных раздоров. Ибо крестьяне, единодушно, во всех графствах отчизны норманнской, собрались в несколько сходок и постановили жить по своей прихоти. Они хотели установить новые законы для использования лесов и вод, не считаясь с правом, практиковавшимся прежде. Чтобы эти законы были подтверждены, каждая группа этой взбунтовавшейся толпы выбрала двух делегатов, призванных доставить постановления на общее собрание в центре земель. Когда герцог узнал об этом, он тотчас послал против них графа Рауля с множеством солдат, чтобы подавить эту дикую жестокость и разогнать сельский сход. Тот, не медля с повинованием, схватил всех делегатов и некоторых других, велел отрубить им руки и ноги и отослал их искалеченными к своим, чтобы отвратить их от предприятия и сделать более осторожными из страха перед еще более жалкой участью. Крестьяне, наученные таким образом, прекратили свои собрания и вернулись к своим плугам».

История не сможет забыть эту смелую попытку вилланов заменить права сеньора на лес и воду свободно принятыми законами. Она с любопытством регистрирует это применение представительной системы к восстанию. Но сколько других фактов того же рода ускользнули от хронистов или упомянуты сухо, в двух строках? «Голод усиливается», – пишет Сигеберт из Жамблу под 1095 годом: «Многие страдают от нехватки пищи, и бедняки, нападая на богатых, мстят гра-

бежом и поджогом». Голод влечет за собой жакерию. Даже без малейшего шанса на успех крестьянин не уставал желать ответить насилием на жестокость социального порядка, где у него был лишь выбор между ролью жертвы и ролью мятежника.

V. ГОРОДА И ГОРОДСКОЙ СЕРВАЖ[8]

Против внутренних и внешних зол жители городов, казалось, лучше защищены самим своим объединением и имеющимися у них ресурсами.

ГОРОДА.

«Сите» (старый город, центр) или «бург» пользуется относительной безопасностью за своей стеной, которую страх перед норманнскими нашествиями заставил повсюду восстановить или построить. Обычно там находится епископство, монастырь или капитул с церквями и реликвиями, привлекающими паломника, купца. Там наблюдается определенное движение промышленности и торговли. Город имеет рынок, иногда даже периодическую ярмарку. Внутри купцы объединены между собой братствами религиозного характера или купеческими гильдиями. Не будучи более в состоянии рассчитывать на защиту общественных властей, они привыкли защищаться сами. Они часто живут в одном квартале, хорошо укрепленном прочными стенами, и помогают друг другу против разбойников и против врага еще более страшного – местного сеньора и его слуг. Вне города они пускаются в путь лишь длинными караванами, охраняемые отрядом сер-

жантов, которых содержат на общие средства. Ремесленники, сами, обычно сгруппированные по профессиям на одних и тех же улицах, начинают образовывать корпорации, сначала руководимые и контролируемые служащими епископа или сеньора, но которые мало-помалу освободятся до такой степени, что обзаведутся избранными начальниками и уставами по своему выбору. Эти коллективы купцов и промышленников – сила; они обладают богатством и уже получают от светской или церковной власти привилегии, призванные увеличить их безопасность и расширить поле их деятельности.

«Граждане» (citoyens) или «буржуа», особенно когда они живут в древних центрах, могли сохранить определенные права и вековые традиции. Хотя подчиненные сеньору и лишены хартии, они составляют юридическое лицо, представляющее коллективные интересы. Существует у них «власть общины», которая действует в определенных случаях на благо всего города. Она позволяет им иногда сопротивляться притеснениям господина, защищаться от внешних нападений, вмешиваться в выборы епископов, даже заключать союзы с соседними местностями. Кое-где проблески света пробиваются сквозь глубокий мрак истории городов до эпохи всеобщего освобождения, когда городской народ будет бороться при свете дня.

ПЕРВЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ГОРОДСКОЙ МОЩИ.

В Бове буржуа, обремененные налогами своим епископом

(1074 г.), объединяются против него с низшим духовенством города и королем Франции. Они изгоняют его, но попадают под отлучение, и кризис становится столь жестоким, что папе Григорию VII приходится вмешаться для восстановления порядка. В Нуайоне, напротив, жители объединяются с епископом, чтобы разрушить королевскую башню и изгнать оттуда шатлена (1027 г.). «Однажды, когда последний отправился наружу со своими людьми, оставив в крепости лишь жену и несколько служанок, епископ счел момент благоприятным и приказал буржуа взяться за оружие. Желая проникнуть в башню без применения силы, он прибег к необыкновенной хитрости, вполне удавшейся. Под предлогом принести шатлене шелковую ткань, которую желал употребить на церковное облачение, он вошел в замок как посетитель. Дамы, ничего не подозревая, сама открыла ему двери и приняла его с большими знаками радости. Когда он счел всех своих людей собравшимися и готовыми приняться за дело, епископ раскрыл ей обман и объявил, что в наказание за всевозможные вымогательства, совершенные ее мужем, решено разрушить башню. Шатлена согласилась, не без труда, позволить увезти себя. Башня была полностью скрыта с помощью железа и огня, со всеми укреплениями и постройками.[9]»

В этот первый век Феодализма народ городов появляется лишь в качестве союзника или орудия высшей власти. Он действует чаще всего от имени светского барона или церковного сеньора. Иногда, однако, он уже осмеливается отстаивать

вать в одиночку и в собственном интересе, против господствующей в городе власти, свои стремления к лучшему состоянию и свои обиды угнетенного. Жители Камбре не ждали конца X века, чтобы связать себя взаимными обязательствами и сговариваться с целью закрыть ворота своего города перед епископом, на которого они жаловались. Амьенцы в 1030 году тесно объединились с буржуа соседнего города Корби, чтобы совместно отправлять культ святых, чьи реликвии у них имелись. Под прикрытием этого религиозного праздника оба народа мирно улаживали свои разногласия, обменивались товарами и после общих молитв и дружественных сделок предавались развлечениям и танцам. Перечитывали договор об ассоциации, и ораторы произносили речи перед собравшимися буржуа. На юге многочисленные документы показывают жителей Арля, Марселя, Нарбонны, Монпелье, образующих публичные собрания, совершающих покупки, одобряющих акты сеньора.

ЗНАТНЫЕ ЛЮДИ ГОРОДОВ.

Эти общины могут владеть не только правом пользования лесами, пастбищами, болотами и пустошами, но и подлинным правом собственности на земли, иногда расположенные на довольно большом расстоянии от города. Самые значительные по богатству или древности рода буржуа, приравненные к дворянам (особенно на юге Франции), образуют вместе с ними и с клириками «патрициат» города. Они допущены к участию под именем «добрых людей» (*bons-*

hommes), «уважаемых людей» (prud'hommes), «почтенных» (honorés), «эшевеннов» (échevins), «судей» (juges) в общем управлении городскими делами. Это они позднее дадут коммуна́м Севера свои династии мэров и присяжных, а коммуна́м Юга – своих консулов. Их имена появляются среди имен служащих или дворян, скрепляющих сеньориальные хартии. Сеньор разрешает им присоединяться к его чиновникам для управления и суда над совокупностью жителей. Без сомнения, они осуществляют власть от его имени, но могут ею воспользоваться, если умелы, для улучшения участи своих сограждан или увеличения суммы своих прав.

НОВЫЕ ГОРОДА.

Наряду с сите и бургамы, чье существование восходит по меньшей мере к каролингской эпохе, в большинстве сеньорий образуются новые центры особого характера. «Новые города» (villes neuves), основанные бароном, желающим вновь заселить свою пустынную землю; «убежища» (sauvetés) или приюты, открытые церковными властями, были объявлены местами вольности, и отовсюду туда стекалось кочевое население. Крестьяне, сервы и рабочие оказывались обеспеченными с того дня, как там поселялись, особыми привилегиями, дававшими им не независимость, но безопасность повседневной жизни и некоторые гарантии благосостояния. Службы, налоги и барщины, которые они должны были сеньору, были определены и ограничены: они избегали вымогательств, произвола, одним словом, общего права. Они

не должны были подвергаться иным налогам, иной юрисдикции, кроме как учредителя нового города, наделенного, сверх того, экономическими свободами, призванными обеспечить его развитие.

ПОДЧИНЕНИЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ.

Старые или новые, буржуазии имеют перед сельским народом преимущество столь ошутимое, что возникает соблазн преувеличить его и приписать городскому классу в общей организации общества XI века место, которое он реально не занимал. Менее несчастные, чем крестьяне, горожане всё же терпят, как и они, суровость режима, не оставлявшего народной массе иной альтернативы, кроме бесполезного бунта или пассивного подчинения эксплуататорам.

Города этого периода, даже самые знаменитые, многолюдные, процветающие, такие как Реймс, Тур, Бордо, Тулуза, Лимож, Ним, не принадлежат сами себе. Все они подчинены власти главного сеньора или совладельцев. Это феодальные собственности, которые могут быть дарованы, проданы, переданы по наследству, разделены между несколькими владельцами, как поле или серв. Здесь граф Тулузы Понс дарит своей невесте «епископство, сите, монетный двор и рынок Альби» (1037 г.). Там виконт Безье завещает Безье своей дочери и Агд своей жене (990 г.). В другом месте Эрменгарда, сестра графа Рожера III, продает графу Барселоны сите и бурги Каркассона. Один епископ, Магелоннский, уступает Монпелье в фьеф семейству Гильемов и делит бург Монпе-

лье между тремя феодальными властями, включая свою собственную.

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДАМИ В XI ВЕКЕ.

Некоторые историки ложно утверждали, что до взрыва народных требований в конце XI века многие города управляли собой сами и имели собственную магистратуру и правительство. Наследственные и аристократические курии, восходящие к римской эпохе[10], выборные правительства, доверенные ежегодным магистратам[11], – всё это легенды или необоснованные гипотезы. Городские правительства XI века – это сеньориальные правительства. Именно светский феодализм, и особенно церковный, осуществляет верховную власть в крупных агломерациях. Есть господствующий хозяин – король, граф, еще чаще епископ, и ниже него феодальные власти низшего порядка, наследственные и более или менее независимые, – виконт, шатлен, видам, прево, видье или войе. Они делят между собой внутри города дома, жителей и налоги. Сан имеет двух господствующих хозяев – короля и архиепископа, не считая виконта. Париж разделен между королем и епископом; Амьен – между четырьмя сеньорами, королем, епископом, графом и шатленом, и многие города Северной Франции находятся в таком же положении. Тур принадлежит одновременно графу Анжу (или графу Блуа, в зависимости от эпохи) и аббатству Сен-Мартен; Перигё – своему епископу и аббатству Сен-Фрон; Нарбонна – своему архиепископу и своему виконту. В важнейших

центрах сеньории таким образом перемешивают свои суды, сборы, сержантства: странное соседство миниатюрных правительств, политическая инкрустация, где все господа буржуазии, кроме самого буржуа.

Не только город XI века обычно разделен между несколькими эксплуатациями, но у него нет даже того материального единства, которое давало бы жителям одной группы возможность договориться против общих врагов или угнетателей. Большинство крупных центров, местопребываний епископств, образует два абсолютно отдельных тела. В «сите» (старом городе) проживают епископ, каноники, дворянские семьи. В «бурге», выросшем вокруг укрепленного дома, церкви, монастыря, поселены главным образом купцы, ремесленные корпорации, плебс, те, кого хронисты называют *minores* или *humiliores* (низшие, смиренные). Иногда добавляется третья агломерация: замок (*castrum*), обитаемый светским сеньором, его вооруженными людьми и категорией буржуа, считающих себя равными тем из сите и выше тех из бурга [12]. Сите и бург, завися от разных сеньоров, имеют свое происхождение, свою судьбу, свою организацию. Нравственное объединение этих групп, хотя и смежных, предотвращается соперничеством интересов, сложившимися привычками и живой ненавистью, чью интенсивность, кажется, увеличивает близость.

И, кроме того, как могло бы установиться согласие между людьми различного состояния? Торжество феодального ре-

жима имело следствием ввержение в серваж низшего класса больших городов, а часто и всего населения простых бургов. Высшая буржуазия, в общем, не сервальна, но люди плебса не имеют никаких прав и не распоряжаются даже полностью своей личностью. Им недостает самых элементарных свобод. Ничего не встречается чаще в сеньориальных хартиях XI века, чем «буржуа», даримые церквям, продаваемые, завещаемые по наследству своим господином. Купцы и ремесленники должны еще сеньору часть своих продуктов и своего труда.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ ГОРОДОВ СЕНЬОРАМИ.

Чуть менее тягостная в городах, чем в деревне, сеньориальная эксплуатация всё же породила такие злоупотребления, что сами сеньоры сокрушались. Около 1091 года графы Амьена, два брата, Ги и Ив, по повторным жалобам буржуа и клира, решают положить конец злоупотреблениям виконтов. Преамбула хартии содержит это знаменательное признание, малоподозрительное свидетельство народной нищеты: «Учитывая, сколь плачевно народ Божий в Амьене был удручен виконтами новыми и неслыханными страданиями, подобными тем, что испытывал народ Израиля, угнетаемый в Египте вымогательствами фараона, мы были тронуты рвением милосердия: крик церквей и стенание верующих болезненно задели нас».

Чтобы вовлечь эти толпы сервов, привыкших к ярму, объединить их с буржуазным патрициатом и придать тело жела-

нию независимости, которое глухо бродит в городах, требуются великие потрясения конца века, и особенно расширение потоков торгового оборота между христианскими народами, как и между Востоком и Западом. При первых царствованиях Капетингов час избавления еще не близок. Города, хотя и обладая в самих себе средствами сопротивления и элементами организации, не существуют как политическая сила. Работая на высокого барона или епископа, которым принадлежат, они едва получают от него уступки, которых умелый хозяин не отказывает слугам, обогащающим его. В этой массе городских агломераций, более или менее сурово содержащихся в опеке, привилегия или свобода, за редкими исключениями, еще не установили никакого оттенка. Конечно, феодализм и буржуазия не ждали упадка XI века, одна – чтобы просить облегчения своей нищеты, другой – чтобы предоставить его и немного ослабить свое право. Но древнейшие уступки, сделанные жителям городов [13], – Като-Камбрези (1003 г.), Сен-Жан-д'Анжели (1050 г.), Орлеана (1057 г.), – изъятия из общего права, изолированные, исключительные, вовсе не доказывают существования течения идей, благоприятного стремления городов. Если некоторые города Юга – Арль, Марсель, Монпелье, Каркассон, Муассак, Альби, – наделенные определенными правами по традиции, образуют моральные и юридические лица, ничто, однако, не указывает, что они уже имеют свободно избранную муниципальную магистратуру. Официальные акты, фикси-

рующие автономное управление через консулов, принадлежат лишь периоду, достаточно удаленному от начала XII века.

До церковной реформы и Крестового похода буржуазии Франции живут в неизвестности, почти неизвестные тем, кто рассказывает историю, скрытые в тени сеньорий.

[1] Сочинения для справок. Лоньон, Исторический атлас Франции, 3-я тетрадь, 1889. А. Молинье, Феодальная география Лангедока, в новой Всеобщей истории Лангедока дом Васетта, изд. Прива, т. XII, 1889. П. Фурнье, Королевство Арль, 1891. Паризо, Королевство Лотарингия, 1898.

[2] Сочинения для справок. Фюстель де Куланж, Происхождение феодальной системы, 1890, и Преобразования королевской власти в каролингскую эпоху, 1892. Бутарик, Феодальный режим, в *Revue des Questions historiques*, т. XVIII, 1875. Ж. Флаш, Происхождение древней Франции, т. I и II, 1886-1893. Люшер, Руководство по французским институтам, 2-я часть, 1892. Эсмэн, Элементарный курс французского права, 1898. Ад. Бодоэн, Исследования о происхождении феодального режима, в *Annales de l'Enseignement supérieur de Grenoble*, т. I, 1889. Ш. Мортэ, статья Феодализм, в Большой Энциклопедии, 1893.

[3] Сочинения для справок. Леон Готье, Эпопеи, 2-е изд., 1892, и Рыцарство, 1890 и 1895. Виолле-ле-Дюк, Обоснованный словарь французской архитектуры с XI по XVI век, 1854-68, статья замок. Шульц, Придворная жизнь во време-

на миннезингеров, 1889. Ш.-В. Ланглуа, Работы по истории французского общества в Средние века по литературным источникам, в *Revue historique*, т. LXIII, 1897.

[4] Леон Готье, в своей книге Рыцарство, стр. 343. Ср. Фориэль, История провансальской поэзии, I, 497, и Э. Ланглуа, Происхождение и источники "Романа о Розе", стр. 3.

[5] Сочинения для справок. Л. Делиль, Исследования о положении сельского класса в Нормандии в Средние века, 1851. Предисловия или прологи картуляриев, изданных Гераром. Лампрехт, Исследование об экономическом состоянии Франции в XI веке, пер. Мареньяна, 1889. А. Сэ, Сельские классы и домениальный режим во Франции в Средние века, 1901. Г. Фанье, Документы, относящиеся к истории торговли и промышленности во Франции, 1898 (Введение). Флаш, Происхождение древней Франции, т. II, 1893. Юкель, Сатирические поэмы Адальберона, в *Bibliothèque de la Faculté des Lettres de Paris*, вып. XIII, 1901.

[6] Куршман, Голод в Средние века, 1900.

[7] Ш. Леньян, Сатира во Франции в Средние века, стр. 12.

[8] Сочинения для справок. Ж. Флаш, Происхождение древней Франции, т. II, 1893. Люшер, Руководство по французским институтам, 3-я часть, 1892. Доньон, Политические и административные институты страны Лангедока, 1895. Пиренн, Происхождение городских конституций в Средние века, в *Revue historique*, LIII, 1893 и LVII, 1895, и История

Бельгии, т. I, 1900 (кн. II, гл. I, Происхождение городов).
Ван дер Линден, Купеческие гильдии в Нидерландах, 1896.
Г. Фанье, Документы, относящиеся к истории промышленности и торговли во Франции, I, с I в. до н.э. до конца XIII века, 1898.

[9] Лефран, История Нуайона, стр. 22.

[10] Теория Ренуара, изложенная в его Истории муниципального права во Франции.

[11] Теория Огюстена Тьерри, Опыт истории третьего сословия.

[12] Тур состоял из сите (античного римского города) и укрепленного бурга Шатонэф. Жители Перигё распределялись между сите и бургом Сен-Фрон; жители Альби – между сите, бургом и замком, или Капель-Вьей; жители Тулузы – между сите, бургом Сен-Сернен и замком Нарбонна. То же было в большинстве крупных городов Юга, особенно в Ниме, где Замок Арен образовывал отдельный город. Монпелье состоял из двух совершенно различных бургов: собственно Монпелье и Монпелье-ле. В Арле Сите, Старый Бург, Новый Бург и Рынок были в действительности четырьмя городами, каждый заключенный в свою особую ограду.

[13] Хартии, которые обычно цитировались как восходящие к X веку, являются подложными актами или ложно приписываются отдаленной эпохе, которая не является их собственной. Не во времена последних Каролингов сеньоры могли задуматься записывать свои собственные права и обя-

занности подвластного населения.

II. – КРУПНЫЕ СЕНЬОРИИ И ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ДИНАСТИИ.

I. КРУПНЫЕ СЕНЬОРИИ[1]

ДОМЕН КАПЕТИНГОВ.

Пренебрегая тем, что происходит в мире сервов [крепостных], равнодушные к низвергнутой королевской власти, хронисты XI века предпочитают обращаться к могучим фигурам баронов, епископов и аббатов, внушавших современникам ужас или восхищение. Исторический интерес отделился от Центра, где исчезла регулирующая власть, и рассеялся по крупным феодальным владениям. Прежде чем познакомиться с сеньориальными родами и личностями, которые управляют тогда провинциями, необходимо показать сцену, на которой движется высшая знать.

Капетинг теперь сведен к тому, чтобы царствовать лишь в Иль-де-Франсе, над несколькими графствами в Бри, Босе, Бовези и Валуа: страна привилегированная, правда, где сходятся водные пути и дороги Севера, где в изобилии великие леса. Он владеет Парижем, столицей, расположенной превосходно, и Орлеаном, городом ученых, населенным клириками и студентами. Королевские епископы Бове, Нуайона, Шалона, Лана, Лангра и особенно архиепископ Реймса признают его прямую власть, поставляют ему деньги и солдат. Но его непосредственный домен весьма ограничен, его авторитет часто не признается мелкими шателенами [владель-

цами замков], которые размножились в самом сердце его владений: и повсюду вокруг него возвышаются, запирая его, границы крупных сеньорий, возникновение и рост которых пришлось на IX и X века.

ФРАНЦИЯ СЕВЕРА.

Север Франции – историческая территория по преимуществу, страна «сильной жизни», место прежних великих господств. Именно здесь новый режим укоренился с наибольшей силой, и где религия Средневековья глубже всего сформировала души. На этой земле языка ойль Феодализм и Церковь царствуют беспрепятственно. Там возникли обширные княжества, оставляя королю лишь пространство, необходимое для существования. На этих возделанных или лесистых равнинах, что теряются из виду вокруг Парижа, сообщения легки, земля богата и населена. Мощные феодальные государства – Фландрия, Анжу, Нормандия – смогли легко здесь утвердиться, процветать и захватить политическое верховенство.

ФРАНЦИЯ ЮГА.

По ту сторону Луары, вплоть до сурового края Оверни и, дальше еще, в долине Гаронны, над которой нависает Пиренейский массив, собираются другие группы фьефов, над которыми господствуют другие государства. Это Франция Юга, страна высоких земель, где горы, бурные потоки и глубокие долины разделяют сеньории, изолируют народы и делают невозможным единство, навязанное сильной властью.

Южная Франция, раздробленная столькими естественными препятствиями, не имеет центра; несколько больших городов: Лимож, Бордо, Тулуза, Ним, но нет истинной столицы. Огромный барьер Центрального массива заставляет Юг ориентироваться предпочтительно в сторону Средиземного моря, Италии и даже Испании. Там находятся его сильнейшие сродства, торговые связи, отношения в искусстве, литературе и дружбе.

АНТАГОНИЗМ ДВУХ ФРАНЦИЙ.

Эти две Франции были тогда глубоко отличны. Средневековье еще долго давало обобщающее имя «Аквитания» стране, ограниченной Луарой, Средиземным морем и Океаном. Хотя политически она была неотъемлемой частью королевства Капетингов, продолжали противопоставлять друг другу этнические господства «аквитанцев» и «французов». Уже в X веке аквитанской королевской власти фактически не существовало: ее место заняла феодальность герцогов и графов; и тем не менее идея и слово «королевство» не исчезли. «Короли франков и аквитанцев» – так иногда титулуются первые государи из рода Роберта Сильного, Эд и Роберт I, и последние Каролинги, Людовик Заморский и Лотарь, словно они носят двойную корону. Южная Франция никогда не была ничем иным, как придатком другой. Меровинги и Каролинги пребывали там лишь редко: они считали ее чужой страной, которую делили, как военную добычу, куда приходили совершать набеги и грабить. В IX веке феодальный ре-

жим распространился там, как и повсюду, но аристократический и воинственный дух был там менее интенсивен. Там говорили, впрочем, на другом языке, *lingua provincialis*, провансальском или языке ок, более близком к латыни по звучности и гармонии. Цивилизация менее грубая, более терпимая к низшим, даже к евреям; различия в положении между социальными классами менее резкие; сохранение многочисленных групп свободных людей, собственников аллодов, подчиненных только высшему сюзерену; использование римского права, сохраненного в местных обычаях и судебных актах; большая политическая важность богатых горожан: все, в конечном счете, отличало «аквитанцев» от собственно французов. Иные нравы, иная социальная организация, можно почти сказать, иная нация. Люди Севера и люди Юга мало общались, плохо понимали друг друга и не любили друг друга.

II. СЕВЕР[2]

ГРАФСТВО ФЛАНДРИЯ.

На крайнем севере, в низменной области, где между плато Арденн и морем заканчивается большая европейская впадина, «графство Фландрия», ограниченное с одной стороны Шельдой, простирается с другой на французском побережье до Канша. Оно охватывает таким образом приморскую равнину Гента, Брюгге и Ипра, фламандских городов с германским наречием, и «валлонскую» страну, где люди Лилля, Дуэ, Арраса и Сент-Омера говорят на сжатом и грубом диа-

лекте, самой северной и наиболее измененной форме французского языка. Со своими тучными лугами, пересеченными каналами, своим крепким и пылким населением, своими городами, уже переполненными купцами и рабочими, своими многочисленными шателенами, которые начинают почти повсюду образовывать наследственные линии, своими вассальными графствами Булонь, Гин и Сен-Поль, Фландрия – компактное, внушительное фьеф, чье положение между Францией, Англией и Германией предназначило ему самое блестящее будущее.

ГЕРЦОГСТВО НОРМАНДИЯ.

На западе, если король Франции хочет перейти за Мант, он наталкивается на «герцогство Нормандия», державу, которой ее истоки и характер ее политического устройства придают весьма резко очерченную физиономию. Древним пиратам скандинавов, норманнам, принадлежат древний город Руан с его архиепископом и корпорацией речных купцов, епископские города Эврё, Байё, Се, Лизьё и Кутанс, торговые центры Кан и Алансон, порт Дьепп, богатые аббатства Жюмьеж, Сен-Вандриль и Фекан. Договор в Сен-Клер-сюр-Эпт, уступивший Приморскую Нейстрию спутникам Хрольфа или Роллона, лишь завершил иммиграцию, восходившую далеко в прошлое. На этой питательной и привлекательной, как никакая другая, земле норманнский вождь встретил соотечественников, уже осевших во многих местах. Изучение топонимов провинции и даже слов нормандского диалекта,

имеющих скандинавское происхождение; исследование физического типа (еще характерного сегодня) крестьян Бессена и Котантена доказывают, насколько многочисленны были захватчики. Тем не менее они подчинились, как всегда, влиянию туземной цивилизации, превосходящей их собственную, так что через поколение галло-франкское население навязало большинству из них романский язык и религию Христа. Глубоко преобразенные, эти язычники пустили корни на родине по усыновлению, и Нормандия XI века будет одной из провинций, где французский гений проявится с наибольшим блеском.

ГРАФСТВА БЛУА И ШАМПАНЬ.

«Графства Блуа и Шампань» охватывают с востока и юга землю Короля. Тесно связанные родством, семьи, которые ими владеют, являются господами двух территориальных групп: Шартр, Блуа, Тур и Шатоден, с одной стороны; Труа, Мо, Провен и Витри, с другой. Они будут объединены в 1024 году, чтобы вновь разделиться. Вьерзон и Сансер в Берри составляют другую часть наследственного владения. Но все эти владения не образуют компактной и сплоченной массы. Блуаская династия будет тем более страдать от разбросанности своего фьефа, почвы плохо подготовленной для сильного правления, что она лучше, чем какая-либо другая, соблюдает германский обычай раздела наследства и постоянно отказывает себе в преимуществах права первородства. И тем не менее сеньор, которому принадлежит это раздробленное

господство, занимает положение первого порядка в феодальном мире. Он носит титул «пфальцграфа», унаследованный от дома Вермандуа. Важная роль, которую он будет играть в общей истории XI и XII века, объясняется главным образом положением его доменов, которые с нескольких сторон граничат с доменами короля Франции. Он останется на протяжении почти двухсот лет постоянным противником Королевской власти.

ГРАФСТВО АНЖУ.

«Графы Анжу», прежде простые виконты, поднялись в иерархии, когда герцог Франков, их сюзерен, сам захватил корону. Они постепенно возвысились во тьме IX века, в стране, где Мен приносит дань своих трех рек. Их фьеф, со своими столицами, Анжером и Сомюром, обладает единством, которого недостает фьефу Блуа, и когда он увеличится за счет Турени и Мена, своих естественных придатков, он займет первое место среди феодальных групп. Несмотря на старую поговорку, приписываемую Цезарю, об *Andecavi molles* [мягкие андекавы], анжуйцы XI века – суровые воины, закаленные вечной борьбой против норманнских и бретонских захватчиков, пытавшихся подняться вверх по долине Луары. Они начнут с того, что врежутся в Пуату и Бретань, и в конце концов, через полтора столетия, присоединят к себе половину Франции и Англию.

ГЕРЦОГСТВО БРЕТАНЬ.

При Капетингах, как и при Каролингах, Бретань остава-

лась отдельной и замкнутой нацией, с которой Королевская власть имела мало связей. Если даже сегодня этот «континентальный остров», который не служил путем миграции ни одному народу и находится в стороне от больших торговых путей, упорно сохраняет свою расу, свой язык, свои старинные обычаи и верования, можно судить, каков был ее оригинальный облик в начале XI века. Подлинная земля дикарей, по словам хронистов того времени, которые говорят, впрочем, о кельтизирующих бретонцах так, как можно говорить об отдаленных народах, чей язык не понимали: страна с первобытными нравами, где кюре и епископы имели обычай жениться и передавать свои должности детям. В эту бретонскую церковь, нетерпимую ко всякому иностранному господству, папы введут свою верховную власть и свою мораль лишь с трудом. Еще с IX века, чтобы стать независимой провинцией, она порвала с архиепископством Турским и сделала епископа Доля митрополитом. Епископства Корнуай, Леон, Доль, Алет (Сен-Мало), Сен-Бриё и Трегье были лишь преобразованными древними монастырями, ибо долгое время Бретань была, по преимуществу, как и Англия, землей монахов, и всемогущие аббаты там отправляли епископские функции. Их диоцезы, соответствовавшие разделению армориканцев на племена, являются подлинными территориальными делениями страны, подобно тому как приход (plou) и деревня или часовня (tref) образуют там реальные подразделения.

Светская власть принадлежит главному вождю, называемому «граф», «герцог», иногда даже «король», как в каролингскую эпоху. Ниже – наследственные князья или «махтерны», корольки кантонов, окруженные знатными и свободными людьми, с которыми они вершат правосудие и которые принесли им клятву верности. Эта организация бретонской знати, уже феодальной по многим чертам, восходит по меньшей мере к IX веку. Она легко приспособилась, таким образом, к сеньориальному режиму, как он устанавливался повсюду во Франции. Нижней Бретани, где говорили на кельтском диалекте, противопоставляется французская Бретань со своими главными центрами, Ренном и Нантом. Особенно Нант, цивилизованный торговлей с анжуйцами и пуатевинцами, отказывается подчиняться игу бретонцев, населяющих скалы Запада или вересковые пустоши внутри страны. Ванн, Кемпер и Леон отделялись почти непреодолимым антагонизмом от пограничных графств иностранцев. И потому именно во французской зоне Феодализм утвердился с наибольшей силой, умножая замки и военные сеньории: Ре, Клиссон, Ангран, Витре, Фужер, Комбур. Политическое преобладание принадлежит Ренну и Нанту, графы которых оспаривают друг у друга титул герцога, власть непрочную, весьма отличную от той, которую осуществляет высший сюзерен в Нормандии или Анжу.

ГЕРЦОГСТВО БУРГУНДИЯ.

На другом конце королевства, в долинах Верхней Сены

и Соны, Северная Франция и область языка ойлъ заканчивались герцогством Бургундия. Некогда, при первой династии наследственных герцогов или маркизов, чьим родоначальником был Ричард Заступник (877), герцогство (Дижон) и графство Бургундия (Безансон) составляли единое господство. В середине X века произошло разделение между Верхней и Нижней Бургундией; Сона отныне обозначала границу между королевством Франции и германской империей, и французское герцогство, постепенно ставшее наследственным, перешло в руки потомков Роберта Сильного. Герцог Франков, Гуго Великий, присоединил его к своему и без того обширному государству и завещал своему младшему сыну: отсюда вторая герцогская династия, которая сама угасла в начале XI века с Робертином Генрихом Великим. Мы увидим в другом месте, как король Франции Роберт Благодетельный завоевал Бургундию. Его преемник, Генрих I, отказался от нее, чтобы передать ее в полную собственность своему брату Роберту, родоначальнику третьей династии, которая, не будучи блестящей, будет долговечной (1031–1383). От этого великого фьефа зависят важные сеньориальные группы: графства Невер, Осер, Санс, Труа, Шалон, Макон, сеньории Семюр и Божё, буйная феодальность, трудно поддающаяся укрощению. И все же не она господствует и привлекает взоры. В Бургундии церковные сеньории, богато наделенные, собственники обширных владений и многочисленных сервов, занимают почетное место. Епископы Макона, Шало-

на, Осера, особенно Отёна и Лангра, зависят не от герцога, а от Короля, что обеспечивает им независимость. Там умножились великие аббатства – Клюни, Везуле, Флавиньи, Турню, Сен-Пьер-де-Без, Потьер, Сен-Бенинь-де-Дижон, которые принадлежат только Богу или Папе. Перед этой мощью Духовенства все меркнет: герцог Бургундии, несмотря на свой титул, – всего лишь простой барон, лишенный власти и денег.

III. ЮГ[3]

АКВИТАНИЯ И ЕЕ ПЕРЕМЕНЫ.

Титул «герцог Аквитании» в конце IX века вызывал смутную идею верховенства, простиравшегося на Тулузу, Нарбонну и Монпелье, так же как на Пуатье, Лимож и Клермон. Все феодальные династии, утвердившиеся к югу от Луары, стремятся присвоить его: графы Пуатье, виконты Лиможа, графы Оверни, графы Тулузы, маркизы Готии оспаривают его с ожесточением. Но постепенно происходит процесс упрощения и подчинения, который ограничивает конкуренцию двумя семьями: графов Пуатье, преобладающих в долине Луары; и графов Тулузы, господствующих в долине Гаронны. Их ссора наполняет X век. Она весьма смущала королей Франции той эпохи, которые еще сохраняли право жаловать герцогство Аквитанию в бенефиций. Кажется, они хотели разрешить затруднение способом, наиболее выгодным для их собственной власти, попеременно покровительствуя каждой из соперничающих сеньорий. В 932 году,

по воле короля Рауля, герцогство принадлежало графу Тулузы Раймунду Понсу; в 951 году, по приказу Людовика Заморского, оно переходит к Гильому Патлатой, графу Пуатье.

В конце X века притязания герцогов Франции еще более осложнили спор. Не довольствуясь заменой своей власти властью Каролингов в собственно Франции, они хотели также управлять, издавляя и свысока, областью Юга. Гуго Великий оспаривает графство Пуатье у Гильома Патлатой. Гуго Капет получает от короля Лотаря титул герцога Аквитании. Наконец, когда короли Каролинги исчезают, дело решено. Герцогство Аквитании будет отныне принадлежать линии графов Пуатье, и Овернь войдет в его округ. Жеводан (Манд) и Веле (Ле-Пюи), какое-то время колеблющиеся между двумя великими господствами Юга, перейдут немного позже под верховенство Тулузы.

Когда открывается XI век, четыре главные сюзеренитета – герцогов Аквитании, герцогов Гаскони, графов Тулузы и графов Барселоны – делят между собой южные народы. Четыре королевства фактически, на которые король Капетинг, слишком далекий и слишком слабый, не может оказывать никакого воздействия. Он должен считать себя счастливым, когда они соглашаются признать его и вписать его имя и год его правления в публичные акты, исходящие от их суверенной власти.

ГЕРЦОГСТВО АКВИТАНИЯ.

«Герцогство Аквитания», самое обширное феодальное

государство Франции, охватывает весь центр страны. В эту несколько искусственную рамку вместились самые несхожие области: равнины Берри и Бурбонне, холмы Пуату и Ангума, лесные уголья и побережье Вандеи и Сентонжа, террасы Перигора, гранитные плоскогорья Лимузена и, чтобы господствовать над всем, великие пюи Оверни. Разнообразию географических условий соответствует разнообразие языков: французский в равнинной части (Берри, Пуату, Сентонж, Ангума), провансальский в возвышенных землях (Лимузен, Перигор, Овернь). Почва там расчленена на сеньории, более мощные, чем те, что у вассалов Северной Франции, которые являются лишь шателенами: на севере – сеньоры Деоля или Шатору, Исудёна, Бурбона, граф Марша, виконты Туара и Шательро; на юге – графы Оверни, Перигора и Ангулема, виконты Тюренна и Лиможа.

Сюзерен Аквитании должен также считаться с Церковью, очень сильной в Берри, где архиепископ Буржа – господствующий сеньор, в Ангулеме и Лиможе, где епископ, почти всегда знатного рода, проводит жизнь в кровавых распрях со светскими властями. Благодаря знаменитым святыням Шарру, Сен-Максан, Сент-Илер-де-Пуатье, Сен-Жан-д'Анжели, Сен-Марсьяль-де-Лимож, Нотр-Дам-де-Сант, монах в свою очередь становится крупным собственником и сувереном. Герцог Аквитании, который хочет навести порядок в подобном фьефе, наименее однородном из всех сеньориальных государств, должен быть крепко закален телом и духом.

ГЕРЦОГСТВО ГАСКОНЬ.

С Жиронды начинается «герцогство Гасконь», которое, с другой стороны, четко ограничивают Пиренеи и Океан. Это по-прежнему область языка ок, но «гасконский», своими оригинальными чертами, связан с Испанией почти так же, как и с Южной Францией. Плодородная долина Нижней Гаронны и большая ландийская равнина, полная вересковых пустошей и болот, соединяются там с холмами Арманьяка, веером расходящимися, и с пиренейскими долинами, изливающими свои воды в Адур. В крайнем юго-западном углу живет в неизвестности, уже изолированный, как сегодня, маленький народ с таинственными истоками, баски, близкие родичи гасконцев, но родство это теряется во тьме доисторических времен. Область сложная, как видно, и столь же неблагоприятная, как Аквитания, для установления единой власти.

Гасконцы имели, начиная с Карла Лысого, свое независимое существование и свою особую династию герцогов, сначала сменяемых, затем наследственных. Но округ этих герцогов далеко превосходил границы их реального господства. Они почти не владели собственно чем-либо, кроме западной части Гаскони; графство Бордо с большим городом, где они приходили короноваться архиепископом в базилике Сен-Серен, и графство Гасконь, то есть область Ландов, Суля и Лабура. Повсюду в другом месте развилась густая и упорная поросль крупных вассалов и независимых шателенов;

на Гаронне – виконты Безома, Кастигона, Фронсака, Ломани; в Арманьяке – четыре графа, происходивших от герцогского дома, но абсолютных господ у себя (Фезансак, Астарак, Арманьяк и Пардьяк); в Пиренеях – виконт Беарна, графы Бигорра, Ора, Комменжа и Кузерана, подлинные короли гор. Церковь здесь лишена авторитета и средств. Архиепископ Оша, духовный глава Гаскони, не повинуется вне собственного диоцеза; архиепископ Бордо имеет всех своих суффраганов в Аквитании; а епископства Запада: Лескар, Олорон, Дакс, Эр, Байонна, которые образуют «епископство Гасконь», управляемое епископом Базаса, тесно подчинены светской власти. Аббатства этой области, такие как Сорд, Сен-Север и Ла-Реоль, далеки от того, чтобы быть приютами мира и размышления. Эти гасконские монахи сражаются с соседними сеньорами, предаются между собой худшим распрям, калечат или даже убивают своих аббатов, как это сделали в 1004 году монахи Ла-Реоля, убийцы Аббона из Флэри. Нация еще дикая, которую расовая ненависть, более пылкая на ее границе, чем где бы то ни было, яростно отделяет от аквитанца, а тем более от француза.

ГРАФСТВО ТУЛУЗСКОЕ.

Феодальным доменом графа Тулузского является средняя долина Гаронны, с большой впадиной, где господствует Тулуза, долиной Арьежа, высокими плато Керси, Альбижуа и Руэрга, горами Жеводана и Веле, наконец, бассейны небольших средиземноморских рек Од, Эро и Гар.

Это Лангедок, подлинный Юг, более чуждый Северной Франции и королю Парижа, чем вся остальная часть королевства. В X веке большинство лангедокских сеньоров упорствовали в своей верности династии Каролингов и отказывались, с большей или меньшей стойкостью, признавать королей феодального происхождения, которые пришли прервать череду последних преемников Карла Великого. Двум первым Капетингам будет стоить некоторого труда добиться принятия их фактически не существующей власти, и, поскольку сопротивление длилось, последние действенные связи Лангедока с людьми языка ойль окажутся разорванными. Странный вассал – глава тулузской династии! Он не приносит оммаж Королевской власти (по крайней мере, до XII века), не присутствует на коронациях, не посылает никакого контингента в королевскую армию и лишь удостоивается того, чтобы датировать свои хартии годами правления сюзерена. Действуя так, будто Короля не существует, он воплощает саму идеал высшей феодальности. Ему недостает лишь того, чтобы его собственные вассалы ему повиновались.

Графы Комменжа, Фуа, Каркассона и Родеза, виконты Альби, Нима, Нарбонны, Агда, Безье, Минерва – могущественные сеньоры, которые поистине зависят лишь от своего меча. Даже Церковь независима. Большинство лангедокских епископов – в Нарбонне, Лодев, Манде, Ле-Пюи, Магелонне – имеют обширные владения, где пользуются светской властью, и претендуют на то, чтобы быть вассалами

только Короля, то есть никого. Старые каролингские аббатства: Фижак, Муассак, Конк, Вабр, Ле-Ма-Гренье, Леза, Але – также правят многочисленными группами вассалов, горожан и крестьян.

ГРАФСТВО БАРСЕЛОНСКОЕ.

Последняя из великих княжеств Королевства, самая удаленная от Парижа и Короля, – «маркизат Испанский», который станет в середине XI века «графством Барселонское», образованное из Каталонии и Руссильона, перекидывается на два склона Пиренеев. Но все тогда связывает его с Францией скорее, чем с Испанией: его язык, его интеллектуальные сродства и политическая связь. Постоянно угрожаемые сарацинами, рыцари этой «Испанской Марки», дозорные каролингского королевства, остались верны своему происхождению. В X веке, несмотря на расстояние, могли сохраняться непрерывные связи между последними преемниками Карла Великого и этой феодальностью авангарда. Короли Севера щедро жаловали привилегии церквям Эльна, Уржеля, Вика, Жироны, Сан-Микель-де-Куша, Сан-Мартин-ду-Канигу. В ответ хартии графов Барселоны и их вассалов – графов Руссильона, Сердани, Бесалу, Ампурьяса, Уржеля, Аусоны – тщательно датировались годами правления французских государей. Династическая революция 987 года ничего не изменила в отношении каталонцев, которые первыми признали новый королевский дом. Они даже надолго останутся связанными с Францией религиозной связью. В начале XI ве-

ка архиепископ Нарбонны, духовный глава древней Готии, еще осуществляет власть митрополита над Каталонией, как и над Нарбоннезой. Что касается политического главы региона, графа Барселоны, преемника первого наследственного графа (875), Вифреда Волосатого, арабы называют его «королем франков». Он сам титулуется в своих хартиях «герцог Готии и маркиз аквитанцев». Он пользуется фактической независимостью, но не забывает (и будет помнить об этом вплоть до времен Филиппа Августа), что его графство – французский фьеф.

IV. ДИНАСТИИ. ГРАФЫ ФЛАНДРСКИЕ[4] ГРАФЫ ФЛАНДРСКИЕ.

Маркизы или графы Фландрские, которых от отца к сыну звали Арнульф, Бодуэн или Роберт, являются вассалами короля Франции за большую часть своего домена, и императора – за земли Алста, Граммона и Четырех Метье (Имперская Фландрия). Их тенденция – не подчиняться ни одному из двух сюзеренов и расширяться за их счет.

У Империи они хотят отнять Камбре, которое сумеет защитить его епископ; за устьями Шельды их вождение подстерегает острова Зеландии и затопленные земли голландцев; но более всего они желают страну Монса и Валансьена, Эно. Благодаря терпению и дипломатии, брачным союзам еще более, чем завоеваниям, они в конце концов, уже к середине XI века, утверждаются там. Фландрия и Эно сохраняют свое отдельное существование; у них иногда будут

отдельные правительства, но они останутся во власти того же дома.

У династии Капетингов графы Фландрские оспаривают Понтьё; они стремятся к Вермандуа и медленно продвигаются на Амьен. Чтобы остановить этих честолюбцев, французы и имперцы, в несколько приемов, считали необходимым вступать в коалицию. Особенно император не перестает применять суровость против вторгающейся Фландрии, всегда готовой поддерживать мятежи лотарингской феодальности. Графы знают, что их главный враг – в Германии: потому они обычно ищут дружбы французских сюзеренов, вплоть до заключения с ними родственных связей. Став политическими союзниками и родичами Капетингов, они тем не менее ревниво сохраняют свою независимость феодальных князей. В некоторых актах X века их барония уже называлась «монархия Фландрии»; в конце XI граф Роберт II продолжает титуловаться «монархом фламандцев». Никакое серьезное препятствие внутри не ограничивает их власть. Перед ними лишь один епископ – Теруанский, лишенный светской силы. Им нечего бояться ни городов, которые еще не охватила коммунальная лихорадка, ни их вассалов, мелкого дворянства, чьи скромные владения едва ли выходят за пределы территории, прилегающей к замку. Среди глав этой беспокойной династии внимание современников особенно привлекли Бодуэн V, Роберт Фриз и Ришильда.

БОДУЭН ЛИЛЬСКИЙ.

Бодуэн V, которого называют также Бодуэном Лилльским, носил графскую корону более тридцати лет (1036–1067). С этого правления датируется величие дома. Вечно в движении и на войне, он принуждает графа Голландии признать его сюзеренитет над зеландским архипелагом, вступает в лигу с ним и с герцогом Нижней Лотарингии против императора Генриха III и идет жечь императорский дворец в Неймегене. Чтобы осуществить объединение Фландрии и Эно, он приходит с оружием в руках, прямо в Монс, за наследницей последней страны, Ришильдой, и женит на ней своего сына Бодуэна. Германия пытается взять реванш; в 1054 году имперская армия заливает Фландрию, но проходит как поток, опустошив Слэйс и Турне. Бодуэн V, прочно укрывшийся за Шельдой, презрел усилия Генриха III, который потерпел неудачу под Лиллем. Смуты малолетства Генриха IV свели Империю к бессилию, и победа осталась за фландрским графом.

Преобладающее положение, которое тот занимает на Севере, еще более упрочивается удачными союзами. Шурина короля Франции Генриха I, тестя Вильгельма Завоевателя, он в течение нескольких лет покровительствует и даже управляет домом Капетингов, как опекун юного короля Филиппа, в то же время помогая своему зятю захватить Англию. Этот фламандец, враг Германии, основал свою столицу во французской стране; центр его государства – не Гент или Брюгге, а Лилль, чей замок он перестроил и чью коллегии-

альную церковь (Сен-Пьер) основал. С тремя своими церквями, графским дворцом, важным рынком, своей школой Сен-Пьера, вскоре прославившейся, столица валлонов быстро растет. Благодаря благосклонности Бодуэна и воинственному характеру своих жителей, она входит в историю славно.

РОБЕРТ ФРИЗ.

Подлинным преемником Бодуэна V был не его старший сын, Бодуэн VI или Монсский, который правил Фландрией после него и лишь промелькнул (1067–1070), а его младший сын, Роберт Фриз. Этот был из породы искателей больших дорог, которых мы увидим повсюду снующими со своей кипучей деятельностью и поражающими Европу разнообразием своих приключений. Бродяжий нрав Роберта увлекает его, с самой юности, искать счастья в Испании. Его отец, рад избавиться от этого беспокойного и отвести от Фландрии причину смут, дает ему людей и корабли. Роберт высаживается в Галисии и начинает с выгодных грабежей неверных, но сарацины, сначала захваченные врасплох, оправляются и отбрасывают фламандцев в море. Вынужденные вернуться в отцовский фьеф, Роберт тут же организует новую экспедицию, на этот раз в Норвегию. Буря разрушает его корабли и выбрасывает его голым на берег. Он не унывает, набирает небольшую армию норманнских наемников и направляется сухопутным путем в сторону византийской империи. Его мечта – выкроить себе в Греции феодальное господство, и многие другие западные люди сделают это по-

сле него. Для большей безопасности его спутники, разделенные на маленькие отряды, надели одежду паломников; но греческий император, предупрежденный, велит казнить первых прибывших. Роберт снова возвращается домой беглецом. Наконец, в 1061 году он находит вблизи родной страны более благоприятную почву для завоевания. Вдова графа Голландии, Флориса I, нуждалась в деятельном и храбром человеке, который защитил бы ее фьеф от соседних баронов и диких крестьян Фрисландии. Роберт является, отбрасывает фризские банды, женится на вдове, чтобы лучше защищать ее, и становится таким образом регентом Голландии во время малолетства сыновей покойного.

РИШИЛЬДА.

Самый серьезный кризис в его жизни наступил, когда умер его брат, граф Бодуэн VI, оставив двух малолетних детей. Старший, Арнульф, наследует графство Фландрия; младший, Бодуэн, – графство Эно; но первый помещен под опеку своего дяди, Роберта; второй – под управление своей матери, Ришильды, женщины энергичной и весьма способной противостоять Фризу. Вскоре между двумя регентами вспыхивает истребительная война, питаемая расовой ненавистью, которая сталкивала фламандское и валлонское население. Ришильда пользуется отсутствием Роберта, занятого тогда сражениями с врагами Голландии, берет в свои руки опеку над Арнульфом и графством, вводит новые поборы, действует как абсолютная властительница. По менее до-

стоверным рассказам, она даже велела отрубить головы шестидесяти бургерам Ипра, взявшимся сделать ей внушение, будучи вполне готовой поступить так же с представителями Гента и Брюгге. Ее жестокость отталкивает умы: эмиссары Роберта Фриза принимаются с радостью по всей области, и сам Роберт появляется, готовый начать решительное действие. Ненавидимая во Фландрии, Ришильда обращается к иностранцам. Она подкупает Капетинга Филиппа I и обеспечивает себе помощь Нормандии, выйдя замуж за одного из самых могущественных людей этой страны, Гийома Осберна. Битва, о которой не известно ничего, кроме смутных и противоречивых сведений, происходит 21 февраля 1071 года у Бавинкхове, у подножия горы Кассель. Развязка была странной. Ришильда потеряла там своего сына Арнульфа, своего нового мужа, Осберна; сама была взята в плен; ее союзник, король Филипп, полностью разбит. Фриз также попал во власть врага, но, обменянный на свою соперницу, вскоре обрел свободу.

Вернувшись побежденной в Эно, Ришильда не была женщиной, чтобы отчаиваться. Французы не могли более ничего для нее сделать, она обратилась к Империи. Чтобы добыть денег и людей, она совершает феодальный государственный переворот: превращает Эно в вассальный фьеф епископства Льежского. Это унижение, остро пережитое ее подданными, мало ей помогло. Ей пришлось удовлетворить императора Генриха IV, раздраженного этим пожалованием Эно;

а солдаты, присланные ей епископом Льежа, были изрублены Фризом близ Монса, у Брокруа, что стало последним ударом по ее надеждам. Все препятствия один за другим смирялись перед ее удачливым противником. Роберт вскоре добился признания от Императора. Епископ Камбре, который упорствовал в том, чтобы считать его узурпатором, был осажден в своем городе (1075) и спасся лишь внушив графу Фландрскому религиозный ужас. Герцог Нижней Лотарингии, Готфрид Горбатый, который отнял у него часть Голландии и готовился захватить остальное, был найден посаженным на кол в потайном убежище замка Антверпена. Теруанн, церковная столица Фландрии, сопротивлялся один довольно долго; но там, как и везде, последнее слово осталось за Фризом. Папа Григорий VII вмешался, чтобы утихомирить страсти, и способствовал всеобщему признанию господства сильнейшего. Сама Ришильда, поняв, что все потеряно, покорилась свершившемуся. Она заточилась в аббатстве Мессен, которое сама некогда сожгла, надела монашеское платье и поразила мир суровостью своих покаяний.

Полновластный господин Фландрии, избавленный от соперников и врагов, Роберт Фриз решил, что может дать последнее удовлетворение своей склонности к приключениям (1085). Он отправился в Иерусалим с большим числом фландрских баронов, пробыл два года в Святой Земле и вступил в дружеские отношения с императором Алексеем Комнином, которому послал воинов для защиты Ни-

комедии. Вернувшись на Запад, этот воин, столь много суетившийся, умер спокойно, почти восьмидесяти лет от роду (1093). К его смерти Фландрия, уважаемая своими двумя сюзеренами, Германией и Францией, могла бы затмить свою могущественную соседку, Нормандию, если бы та не завоевала Англию, что сразу поставило ее в ряд великих суверенных государств.

V. НОРМАНДСКАЯ ДИНАСТИЯ[5] ПЕРВЫЕ ГЕРЦОГИ.

Первые норманнские герцоги, которые передавали наследство Роллона, – Гильом Длинный Меч (927–943), Ричард I (943–996), Ричард II (996–1027), Ричард III (1027), Роберт Великолепный или Дьявол (1027–1035), вплоть до самого Вильгельма Бастарда – сохранили отпечаток своей родины: высокий рост, светлые или рыжие волосы, голубые глаза, румяный цвет лица людей Севера. Самые древние, из X века, предстают еще с длинными волосами, знаком знатности. Христианство мало изменило их нравы. Они продолжают жениться «по-датски», то есть с минимальными формальностями, и мало различают своих законных сыновей и бастардов. Последние имеют столько же прав, как и другие, на отцовское наследство, получают епископства, графства, даже герцогскую корону. Из шести первых герцогов трое были сыновьями наложниц. Всякий след язычества у них не исчез сразу. Роллон ходил босой перед ракой святого Авена; но тот же человек велел продавать в Англии множество

норманнских реликвий. Хронист Адемар Шабанский даже утверждает, что, приближаясь к смерти, он велел принести в жертву скандинавским богам пленников, в то же время раздав множество золота церквам, – эклектизм вполне правдоподобный. Второй герцог, Гильом Длинный Меч, кажется, еще привержен, если не религии, то древнему скандинавскому языку. Он посылает своего сына в Байё, чтобы тот выучил норвежский язык.

ХРИСТИАНСТВО У НОРМАННДСКИХ ГЕРЦОГОВ.

Начиная с Ричарда I, изобилуют легенды и чудеса и покрывают герцогов той христианской окраской, которая уже не позволяет отличить их от баронов других областей. Внук Роллона уже государь по сердцу монахов. Великий строитель церквей (первоначальный собор Руана, Сен-Уэн, Сен-Мишель-дю-Мон, Тринити в Фекане), он борется с дьяволом, берется быть судьей между ангелом и демоном, назидает мир своей щедростью к бедным. При Ричарде II, современнике короля Роберта, христианизация завершается. Герцог проявляет такое же рвение, как Король, к великому делу монастырской реформы. Он специально призывает из Бургундии «божьего человека», Гильома из Сен-Бениня. Фекан, реформированный его стараниями, становится образцовым аббатством, очагом религиозного рвения и школой, весьма посещаемой. Сам Роберт Великолепный, несмотря на inferнальные легенды, прилипшие к его памяти, не менее благочестив, чем его предшественники. Как и они, он име-

ет уважение к священнику и монаху. Он также основывает аббатства (Серизи, чья прекрасная церковь еще существует) и расточает свое имущество клирикам, бедным, прокаженным. Наконец, первым в своем роду, он решает покинуть свое Государство, чтобы вступить в опасное предприятие паломничества ко Гробу Господню. Он отправился и, как многие другие, никогда не вернулся.

ГЕРЦОГСКАЯ ПОЛИТИКА.

Главным делом этих герцогов было прочное устройство их герцогства, которое занимает особое место в общей системе французской феодальности. Оно отличается от других фьефов почти полным отсутствием иерархии и обширностью герцогской власти. В Нормандии не найти бароний первого порядка, которые создают постоянное препятствие власти главы провинции. Светские графства (Э, Арк, Эврэ, Мортен) немногочисленны, неважны и почти всегда в руках правящей семьи. Герцог тщательно сохраняет их для своих младших сыновей, братьев или племянников. Единственная значительная сеньория, Беллем, зависела непосредственно от короны и могла сохранять независимость: потому она постоянно была мишенью для подозрений и предприятий высшего сюзерена. Нормандское дворянство не отделено от верховного главы рядом промежуточных ступеней: его члены, если и не равны между собой, все непосредственно зависят от герцога. Вопреки тому, что случилось в других местах, ему удалось сохранить свое прямое действие на самых мел-

ких вассалов. Он держит монополию высшей юстиции и даже монополию опеки или «попечительства» над детьми знати. Церковная феодальность, столь стеснительная в других местах для светской власти, не затрудняет его более. Его епископства принадлежат ему так же, как его графства; он сохраняет их для членов своей семьи, из которых делает архиепископов Руана или епископов. Исключительная мощь, обязанная, без сомнения, особым обстоятельствам, в которых оказались Роллон и его спутники в момент их поселения в Нейстрии. Она также развилась мало-помалу, благодаря деятельности и энергии принцев, которые подготовили путь Вильгельму Завоевателю. Их история, сильно затемненная легендами, слишком плохо знакомит с ними, чтобы можно было ясно приписать каждому его долю действия и его собственную физиономию. Мы видим их дело лишь в целом; но результаты доказывают, что, несмотря на серьезные трудности, их политика удалась.

СОПРОТИВЛЕНИЕ СКАНДИНАВСКОГО ЭЛЕМЕНТА.

В X веке им пришлось одновременно бороться со скандинавской партией, чуждавшейся принятия языка, нравов и религии туземцев, христиан, и с королями Каролингами, которые хотели вновь подчинить герцогство своей власти. Мятеж норманнского вождя Риульфа (935) и попытка Людовика Заморского овладеть Нормандией и ее юным герцогом, Ричардом I (944), вызвали два серьезных кризиса, в кото-

рых независимость герцогской власти едва не исчезла. Позже, когда скандинавский элемент полностью слился с романским населением и нормандская феодальность обрела устойчивость, достаточную, чтобы бросить вызов всякой монархической попытке, возникли другие трудности. Герцоги боролись против принцев своей семьи, братьев или младших сыновей, недовольных долей владений и власти, которую оставлял им глава дома, и против буйного дворянства, которое в Нормандии, как и везде, с трудом терпело иго высшего сюзерена. Чтобы избежать этих опасностей, они вынуждены были оставаться в сношениях со странами Севера или, по меньшей мере, с датскими или норвежскими бандами, постоянно курсировавшими в Ла-Манше. Хотя став христианами и французами, они сохранили привычку призывать своих старых товарищей по грабежам и бросать их на континент на службу своим частным распрям. Так еще действовал, сто лет спустя после договора в Сен-Клер-сюр-Эпт, герцог Нормандии Ричард II, когда противопоставил графу Блуа, своему врагу, двух скандинавских вождей Лакмана и Олафа. Удивительно ли, что историк Ришер продолжал обозначать владык Руана именем «вожди или герцоги пиратов»? Они, дабы быть в ладу с христианским общественным мнением, неблагоприятным к этим компрометирующим союзам, отправляли пиратов на Север, хорошо оплаченных и крещеных. Помощь скандинавских моряков не была бы достаточной, чтобы обезопасить герцогство Нормандия от врагов внутренних

и внешних, если бы потомки Роллона не имели умения приобрести других союзников. Одним из самых полезных пружин их правления был союз, заключенный с королевской династией, заступившей место Каролингов.

СОЮЗ НОРМАНДЦЕВ И КАПЕТИНГОВ.

Роллон и Гильом Длинный Меч оставались верны дому Карла Великого; но в середине X века, когда Людовик Заморский угрожал конфисковать автономию герцогства, политика герцогов изменила направление. Ричард I обратился к Гуго Великому, герцогу Франков, и вступил в его васалитет. Союз, основанный между нормандцами и Капетингами, весьма удачный для обоих домов, длился век. Нормандия почерпнула из него безопасность и силу сопротивления, которые помогли ей выдержать многие натиски. Капетинги извлекли из него еще большую выгоду. Услуги, которые норманнцы им оказывали, далеко превосходили те, что феодальный закон налагал как обязанность на всех вассалов. Гуго Капет и Роберт Благочестивый были обязаны Нормандии успехом нескольких трудных предприятий; Генрих I, без убежища и помощи, которые она ему предложила, вероятно, пал бы во внутренних раздорах, потрясших королевский домен при его восшествии. Война, однако, вспыхнула между союзниками уже в середине XI века. Она станет постоянной и навсегда разлучит тех, кого общность интересов так долго соединяла. Завоевание Англии, прорыв пропасть между французами и нормандцами, скоро сделает ее непрохо-

димой. Но задолго до того, как Вильгельм Бастард переправился через пролив, разрыв уже совершился. Растущее процветание этого феодального государства, очевидное для всех внимательных умов, в конце концов вызвало у короля Капетинга опасения, которые не прощают.

Превосходство Нормандии уже отмечено бургундским монахом, писавшим во времена Роберта Дьявола: «Французы, – говорит Рауль Глабер, – а также бургундцы сочетались браками с нормандцами, ставшими католиками. Отсюда вышли превосходные герцоги: Гильом и, после него, три Ричарда. Столицей их герцогства был Руан. Герцоги превосходили всех прочих сеньоров и доблестью своего оружия, и любовью к общему миру, и щедростью. Вся провинция, которая была подчинена их власти, как дом или очаг одной семьи, жила в нерушимом уважении к доброй вере. В Нормандии считали воров или разбойником всякого, кто на рынке продавал вещь по слишком высокой цене или обманывал покупателя относительно качества товара». Прекрасная похвала нормандскому крестьянину! Но что бы сказал Глабер о Нормандии, если бы знал герцогскую власть в зените ее силы и величия, каковой она предстанет в мощных руках Вильгельма Завоевателя?

VI. ЭД БЛУАСКИЙ[6]

ФЕОДАЛЬНЫЙ ИСКАТЕЛЬ ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ЭД БЛУАСКИЙ.

Династия графов Блуа не произвела в XI веке ни одно-

го выдающегося человека, кроме Эда II (995–1037). Искатель приключений величественного склада, почти болезненно неутомимый, он грезил коронами и королевствами и безрассудно бросался в самые трудные предприятия. Менее набожный, чем большинство других сеньоров, и мало заботящийся о церковных делах (за исключением самого конца своей жизни), он не предпринимал дальних паломничеств и не расточал своего золота монахам. Он осмелился шокировать свое время, сделавшись официальным покровителем сеньора, подозрительного для Церкви, – графа Санса, Райнара, прозванного Королем Иудеев. Само аббатство Мармутье, получившее от него благодеяния, не всегда было к нему благосклонно. Там сложилась легенда, распространявшая мысль, что граф Блуа заслужил вечное проклятие и что лишь заступничество святого Мартина было достаточно могущественно, чтобы спасти его от наказаний, уготованных ему адом: «Эд был неверен, если не словами, то поступками, противными законам христианства».

КОНФЛИКТЫ С НОРМАНДЦЕМ И КАПЕТИНГОМ.

Со своей сумбурной деятельностью он вмешивался во все распри своего времени. Мы поговорим об ожесточенной и несчастной войне, которую он вел со своим соседом, графом Анжуйским Фульком Неррой. Его брак с нормандской принцессой принес ему половину города и графства Дрё. Овдовев, он отказывается вернуть приданое и вступает в борьбу с герцогом Нормандии Ричардом II. Военные действия

разворачиваются вокруг донжона Тильер-сюр-Авр, крепости, построенной нормандцем, чтобы дразнить своего врага и держать в руках спорную страну. Эд разбит (что случилось с ним часто) и бежит, но продолжает войну. Ричард, чтобы вести ее, призывает отряды бретонцев и даже пиратов-скандинавов. Встревоженный, король Роберт II навязывает воюющим сторонам свой арбитраж. Эд был обойден, как если бы он был победителем; королевский приговор сохранил за ним владение Дрё (1006–1007).

Он не был более признателен государю, который женился на его матери, Берте, и защищал его детство от покушений Фулька Нерры. С Капетингом можно было отважиться на все и, возможно, даже преуспеть без особого труда. Наследство графства Шампань открывается в 1023 году после смерти Этьена I, графа Труа. Кто одержит верх – Король или граф Блуа, оба родственники покойного сеньора? Эд разрешает вопрос действием: он спешит занять шампанские владения и уже не выйдет из них. Но это новое приобретение становится для него источником конфликтов. Едва он утвердился, как оказывается в войне со всеми соседями. Он отнимает у архиепископа Эбля де Руси графство Реймс и чеканит монету вместо него. Он нападает на герцога Лотарингии Тьерри и графа Тульского Ферри и строит крепости на их территории. Империя, подвергшаяся прямому нападению, волнуется. Король Роберт и император Генрих II заключают союз в Ивуа (1023) против этого несносного вассала. Ассамблея в Верде-

не под председательством самого Императора приговаривает графа Шампани вернуть Лотарингии захваченное и срыть построенное. Эд должен был подчиниться, но его дерзость, выдвигавшая его на первый план, пошла ему на пользу.

ВИДЕНИЯ ЭДА ОБ ИТАЛИИ И ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ.

Когда в 1024 году, при восшествии Конрада II, северные итальянцы захотели сбросить иго Германии, они предложили корону Италии сначала королю Роберту, который отказался за себя и за своего сына, затем одновременно двум великим вассалам короля Франции – Эду и Гильому V, герцогу Аквитании. Эд охотно принял бы ее: чего бы он не принял? Но Капетинг понял, сколь опасно для него самого допустить, чтобы королевской властью был облечен страшный сосед, со всех сторон сжимавший его домен. Он сделал так, что выбор итальянцев пал на Гильома V. Граф Блуа утешился в своей неудаче, видя, как его аквитанский соперник вернулся из Италии с пустыми руками, и особенно, создав новую мечту о величии, на этот раз, возможно, менее неосуществимую.

Он был племянником короля Бургундии Рудольфа III, медленно угасавшего без прямого наследника; но и здесь он встречал соперничество императора Конрада II, другого племянника бургундца. Королевство Арль, земля в значительной части французская, – будет ли оно передано французскому принцу или приумножит и без того огромную агломерацию германской империи? Поставленный таким об-

разом вопрос не давал королю Роберту колебаться. Примириться с Эдом, договориться с ним и с герцогом Аквитании о совместных действиях против Конрада, вырвать у Германии три королевства – Италию, Бургундию и Лотарингию, – такова была мысль, которая, кажется, промелькнула в 1026 году в воображении короля Франции и его высших баронов. Но действительность быстро взяла верх над этой химерой. Гильом был слишком далек от восточной границы страны; у короля Роберта было слишком мало средств, а у графа Блуа – слишком мало терпения и последовательности. Лотарингия, чья независимость оказалась под угрозой, поворачивается к Конраду II, а умирающий король Бургундии составляет завещание в пользу сильнейшего, то есть Императора. Эд, однако, продолжает преследовать свой замысел. После смерти Рудольфа (1032) он вторгается в Бургундию, захватывает Вьенну, Невшатель, Мора и позволяет называть себя «королем» в дипломах своих сторонников. По крайней мере, для поддержания борьбы против Цезаря ему следовало бы оставаться в тесном союзе с королевской властью Капетингов. Именно этот момент он избрал, чтобы броситься очертя голову в коалицию, образованную королевой Констанцией против ее сына, нового короля Франции Генриха I. Графу Блуа была обещана крепость Санс, но он не смог взять ее и был трижды разбит своим сюзереном. Когда он вернулся в Бургундию, то оказался перед коалицией, заключенной Конрадом II и Генрихом I, ставшим его непримиримым врагом.

Его неумелость навлекла на него одновременно и Францию, и Германию.

ЭКСПЕДИЦИЯ В ЛОТАРИНГИЮ.

К несчастью, он не был из тех, кого время и неудачи благоразумят. В 1037 году враги Империи предпринимают новую попытку. Архиепископ Миланский, Ариберт, в открытом мятеже против Конрада II, обещает графу Блуа железную корону и даже императорскую корону. Император в Италии, занят возвращением своего королевства: Эд счел момент подходящим для решительного удара. Он бросается на Лотарингию, берет Бар-ле-Дюк, где к нему присоединяются итальянские послы, и направляется на Ахен. Там должен был завершиться, взятием императорского скипетра, ослепительный сон, его преследовавший. Но лотарингская армия собралась, чтобы остановить его на пути. Последняя битва разыгрывается 15 ноября 1037 года на равнине Оно, между Баром и Верденом. В разгар схватки, несмотря на начинающийся успех, Эд, охваченный паникой, дает сигнал к бегству. Две тысячи шампанцев убиты, знамя графа Блуа попадает в руки победителей. Сам Эд остается среди мертвых. Его тело было найдено на следующий день, обнаженным и изувеченным. Один хронист утверждает, что его голова была отрублена и отправлена Императору.

Так закончился этот высший вассал, который нападал на всех своих соседей, гонялся за несколькими коронами, стремился ко всяким завоеваниям и добился лишь того, что по-

гиб жалко, вдали от своих, между Францией, которую он не переставал тревожить, и Германией, которой он напрасно страдал. Его сравнивали с Карлом Смелым, чей темперамент и почти чью судьбу он действительно имел. Более умеренный и благоразумный, он, возможно, сумел бы отодвинуть к востоку границу королевства Капетингов, избавив таким образом наших королей от тяжелого труда на несколько столетий.

VII. ОСНОВАТЕЛИ АНЖУЙСКОГО ГОСУДАРСТВА[7]

ГРАФЫ АНЖУЙСКИЕ.

Исключительно занятые расширением своих владений за счет соседних государств, графы Анжуйские были столь же практичны, сколь мало были таковыми графы Блуа. Фульк Нерра, Жоффруа Мартел и их преемники в XII веке, Жоффруа Красивый и Генрих Плантагенет, самые суровые воины своего времени, не были вульгарными предводителями банд. Они видели в войне нечто большее, чем череду засад, беспорядочных набегов, выгодных грабежей, осад, предпринятых наугад. Эти бароны вели большую войну, давали настоящие сражения в строю, одним словом, были тактиками, насколько Средневековье допускало стратегию. Один из них изображен хрониками руководящим осадой с книгой Вегеция в руке. Такая битва, данная Жоффруа Мартелем в Аквитании или Турени, обнаруживает план, заранее начертанный, умело принятые меры, довольно сложные сочетания атаки

и обороны. Эти завоеватели без угрызений совести – также ученые принцы, любящие книги и знающие им цену. Анжер – место знаменитой школы. Вокруг них довольно блестящий маленький двор, который в некоторые эпохи задавал тон и навязывал свои моды другим сеньориям королевства. В этой стране военное искусство не слишком вредило искусствам мира.

ФУЛЬК НЕРРА.

Народный герой среди анжуйцев, называвших его «этим другим Цезарем», Фульк Нерра (987–1040) остался менее знаменитым своими политическими и военными деяниями, чем блеском своих преступлений и покаяний. Буйный, изменчивый, с всепоглощающей деятельностью, Фульк являет в себе, но увеличенные и доведенные до крайности, черты, свойственные большинству высших баронов того времени: жадность, свирепость, суеверие. Он пошел особенно дальше других в наивной практике той веры Средневековья, основанной на культе реликвий, которая позволяла человеку купить ценой паломничества или благочестивого дара право удовлетворять свои худшие инстинкты. Чтобы искупить убийство или «избиение христиан» на поле битвы, Фульк расточает земли и привилегии церквям, четырежды с великолепным безрассудством смело бросается на опасности посещения Гроба Господня, велел себя волочить, полуобнаженным, с веревкой на шее, по улицам Иерусалима, бичуемого двумя слугами и кричащего: «Господи, помилуй пре-

дателя». Публичное покаяние мало ему стоит, и он бросается в унижение и публичное раскаяние с тем же пылом и запалом, с каким совершил преступление. Аффектация театральных поз, желание поразить воображение; но искренность веры не подлежит сомнению. Фульк проводит жизнь, оскорбляя и умиротворяя святых, которых он боится.

В 990 году он нарушает ограду Сен-Мартен-де-Тур и разрушает дом каноника. Капитул немедленно велит спустить распятие, положить на землю и закрыть покровом раки, окружить реликвии оградой из терний, запереть дверь церкви. Граф Анжуйский, испуганный, спешит прийти босым, в одежде кающегося, искупить свою дерзость у гробницы святого Мартина. В 1025 году он берет Сомюр, который грабит и сжигает. Монастырь Сен-Флоран сожжен. «Святой Флоран, – восклицает Фульк, – позволь себя потребить, я построю тебе в Анжере более прекрасное жилище». Удастся спасти тело мученика, которое кладут в лодку на Луаре; но лодка не может двинуться, несмотря на все усилия гребцов. Граф Анжуйский, в ярости от этого сопротивления, обвиняет святого в том, что он «нечестивец и грубиян, который предпочитает оставаться в Сомюре, чем позволить увезти себя в великий город Анжер». Однако он не решается силой принудить святого Флорана, которого монахи Сомюра поместили в церковь, в ожидании, пока можно будет восстановить аббатство.

ЛЕГЕНДА О ФУЛЬКЕ.

Такой человек чрезвычайно способствовал возникновению легенды; она овладела им почти при жизни. Его жена Элизабет погибла в пожаре, который затем охватил весь город Анжер; тут же распространился слух, что графиня, уличенная в прелюбодеянии, была сожжена заживо мужем. Легенда сопровождает Нерру в Иерусалим, где представляет его во время второго путешествия ускользящим, по благочестивой хитрости, от святотатства, которое хотели навязать ему неверные. Она следует за ним в Рим, где отважный барон будто бы освободил папу Сергия IV от разбойников, державших его в плену, и убил тирана Кресцентия, – рассказ чистой фантазии, ибо Кресцентий был взят императором Оттоном III в 998 году и повешен при понтификате Григория V. К несчастью, не всегда так хорошо известно, где кончается правда и где начинается вымысел...

Для истории Фульк Нерра останется создателем Анжуйского государства. Он поставил себе трудную задачу – увеличить родовое наследство за счет графов Бретани и графов Блуа. Ему удалось глубоко врезаться в соседние государства.

ФУЛЬК И БРЕТОНЦЫ.

Бретонская феодальность, чью вассальную присягу оспаривали графы Ренна и Нанта, расколота на две непримиримые части, не представляла серьезного препятствия для столь цепкого честолюбца. Фульк объявляет себя за Нант против Ренна и ведет ожесточенную войну с графом Конаном. Тот осаждал Нант, который отдался графу Анжуйско-

му (992). Анжуйцы спешат защитить его; страшная битва разыгрывается на вереске Конкерёя; Фульк, сначала застигнутый врасплох бретонской хитростью, берет верх, рассеивает вражескую армию и беспощадно избивает пленных. Конан лежал среди мертвых. Нант был отдан победителю, который взял его во владение от имени малолетнего бретонского принца Жюдикаэля и велел управлять им через одного из своих вассалов.

ФУЛЬК И БЛУАСКИЕ.

С сюзереном, правившим в Блуа, борьба, уже начатая при Эде I (990–995), должна была быть более трудной, а успех – менее блистательным. Фульк нашел в Эде II противника своего калибра, который угрожал ему вблизи, ибо причудливое переплетение их владений делало войну для них ежедневной необходимостью. Главной целью графа Анжуйского было завоевание Турени. Прочно опираясь на Амбуаз и Монтришар, он сжимал город Тур во все более тесном кольце. В 1016 году Эд поспешил его освободить: страшный удар происходит между блуаскими и анжуйцами на плато Понлевуа. Сначала отброшенный и раненый, Фульк возвращается в атаку с войсками, которые в последний момент приводит ему его союзник, Эрберь Пробуждающий-Собак, граф Менский. Конница Эда, прорванная, обращается в бегство, оставляя пехотинцев графа Блуа беззащитными перед яростью победителя, который велит им отрубить головы. Более трех тысяч человек остаются на поле битвы: избиение необычное для

этого периода Средневековья.

Кровавый подвиг Нерры отозвался во всей Франции и даже за ее пределами. Один немецкий хронист отмечает эту бойню, обагрившую королевство Роберта, «короля миролюбивого и во всем достойного уважения». Победа при Понлевуа принесла, впрочем, графу Анжуйскому более славы, чем непосредственной выгоды. Он не смог взять Тур; но несколько лет спустя он бросился на Сомюр, который сохранил окончательно, несмотря на многочисленные попытки Эда вернуть его (1025). После смерти своего соперника (1037) последнее энергичное усилие сделало его хозяином замков Ланже, Монбазон и Сент-Эньян.

Аппетит Фулька Нерры был возбужден, но не удовлетворен. Его вождение скоро обратилось на Мен, граф которого Эрберь так удачно помог ему при Понлевуа. Вероломный удар бросил его союзника в его руки (1026): он продержал его два года пленником, но коалиция его врагов заставила его выпустить добычу. Препятствия и неудачи раздражали, но не смиряли неутомимого барона. В шестьдесят семь лет он предпринимает свое четвертое паломничество в Иерусалим. Счастливее многих других, он вернулся оттуда и ступил на землю Франции, пройдя через всю Венгрию и всю Германию, когда умер в Меце 12 июня 1040 года. Он выразил желание, чтобы его тело было перевезено в Лош и погребено в Больё, его любимом аббатстве. Каменный саркофаг, где покоились его останки, был найден в 1870 году; раскоп-

ки обнаружили в нем несколько костей и череп квадратной формы, с выступающими буграми, низким лбом и глубоко впавшими глазницами. Вот и все, что история знает о физическом сложении Фулька Нерры, одного из самых беспокойных бойцов Средневековья, искусного строителя донжонов и церквей, в целом личности могучей и чье творение должно было продлиться.

ЖОФФРУА МАРТЕЛ.

Это творение было укреплено и завершено самим сыном Нерры, Жоффруа Мартелем, столь же сильным, как его отец, наследником его жадности и пыла, но с более высокой культурой ума, большим военным знанием и более высокими политическими замыслами. Совсем молодым, еще при жизни отца, он действовал в полной независимости. Фульк не желал делить с ним ни власть, ни владения, Жоффруа находит способ создать себе сеньорию, в которой ему отказывают. Он сначала бросается на графство Вандом, которое получает, наполовину покупкой, наполовину насилием, затем вторгается в Пуату и дает герцогу Аквитании настоящее сражение при Монконтуре, близ Сен-Жуэн-сюр-Марн (1033). Разбитый и взятый в плен, герцог оставался в тюрьме своего победителя пять лет. Жоффруа согласился освободить его лишь за крупный выкуп и окончательную уступку Сентонжа.

Он уже имел репутацию завоевателя, когда еще даже не вступил во владение своим наследством. Старый Фульк все еще жил и был не из тех, кто отрекается. Однако во время

своего третьего паломничества на Восток (1035) он оказался вынужден оставить сыну временное управление графством Анжу. По его возвращении временное стало окончательным. Жоффруа отказался вернуть вверенное. Отсюда между отцом и сыном страшная война, обагрявшая Анжу кровью в течение четырех лет. Жоффруа, тяжело раненный в бедро, в конце концов был разбит и подчинился. Легенда добавляет, что победитель приговорил его пройти несколько миль, с седлом на спине, а затем предстать на коленях в этом снаряжении: «Наконец, ты укрощен, – сказал Фульк, поставив ему ногу на голову. – Да, но моим отцом», – ответил Жоффруа.

ЗАВОЕВАНИЯ МАРТЕЛА.

Смерть Нерры сделала Мартеля хозяином обширного края, усеянного крепостями: Анжу, восточная часть Турени, угол Берри, область Луден и Сентонж. От имени сыновей Агнессы Бургундской, герцогини Аквитании, на которой он женился, он управлял также графством Пуатье. Чтобы дать анжуйской мощи ее логическое расширение, ему не хватало лишь Тура и Ле-Мана.

Тур пал первым. Тибо III, граф Блуа, владевший им, не был соперником, которого следовало опасаться. Жоффруа сумел добиться от короля Франции Генриха I передачи ему сюзеренитета над Туренью. Но он рассчитывал гораздо больше на закаленную армию, которой руководил его сенешаль Лизуа Амбуазский, опытный стратег, которому он был обязан большинством своих успехов. Он одержал полную по-

беду над блуаским в битве при Нуи или Сен-Мартен-ле-Бо (21 августа 1044 г.). Тибо был окружен там, как в сети, с более чем полутора тысячами рыцарей. Он мог бы разделить участь герцога Аквитании, если бы не поспешил отдать в качестве выкупа Тур, Ланже, Шинон и поклясться, что не построит ни одной крепости ближе семи лье от границ Анжу.

ГРАФ АНЖУЙСКИЙ И ПАПСТВО.

Жоффруа потратил больше времени и усилий, чтобы овладеть Меном. Он натолкнулся там на тройное препятствие: популярная местная династия, епископ, враждебный притязаниям Анжу, и воинственный город, уже стремившийся к независимости. Борьба графа Анжуйского и епископа Ле-Мана Жерве де Шато-дю-Луар длилась около двадцати лет. В 1047 году измена бросила епископа в руки врага. Неслыханное в Средние века дело: Жоффруа продержал его в тюрьме семь лет! Мольбы, угрозы, отлучения – ничто не могло заставить его выпустить добычу. Самая высокая власть христианского мира тщетно пыталась. Жоффруа горько жаловался в письме, которое написал папе Льву IX в 1052 году, на поддержку, которую римская курия оказывала его жертве, «этому преступному епископу, этому человеку, недостойному не только своего епископского сана, но и всякой иной чести, этому несчастному, этому дикому зверю, чей ядовитый язык все развращает». И он прибавил высокомерно: «В конце концов, достопочтенный Отец, я всего лишь мирянин, поглощенный мирскими делами, и вполне мог бы

не беспокоиться о страданиях, причиненных церкви Ле-Мана твоим нерадением и нерадением людей, которые под твоей властью руководят судьбами церквей».

Полвека спустя ни один из высших баронов Франции не посмел бы держать подобную речь Папе. Чувствуется, что Григорий VII еще не подчинил себе христианский мир. Жоффруа, однако, человек набожный, поскольку набожность измеряется в ту эпоху числом дарений церквям и оснований аббатств. Трините-де-Вандом, Эвьер, Сен-Лод'Анжер, Нотр-Дам-де-Сант, Сен-Жан-д'Анжели, Сен-Никола-д'Анжер обязаны ему своим возникновением, восстановлением или богатствами. Ему нужно было получить прощение не только за заключение епископа, защиту, оказанную ересиарху Беренгару Турскому, но и скандалы своей частной жизни. Возле него легитимные жены и наложницы быстро сменяют друг друга: с совершенным легкомыслием он берет их, бросает и берет вновь. Он не оставил, впрочем, никакого наследника.

Этот победитель, которого мы застаем утвердившимся в Ле-Мане в 1051 году, в Нанте в 1057 году, и перед которым фортуна, казалось, нарочно ломала все преграды, почувствовал предел своих успехов и своей силы, когда напал на Нормандию. Он встретил там себе равного. Против Вильгельма Завоевателя он дважды вступает в союз с королем Франции Генрихом I; дважды он оказывается вовлечен в поражения своего союзника. Вильгельм отнимает у него Дом-

фрон, Алансон и воздвигает в двух шагах от анжуйской границы, как постоянную угрозу, высокие стены замка Амбриер (Майен), чей донжон, подпертый массивными контрфорсами, все еще стоит. Когда Жоффруа не станет, он пойдет дальше и возьмет Мен. Но сын Нерры не испытал горя видеть, как нормандцы захватывают Англию и надевают королевскую корону. Он умер 14 ноября 1060 года, в одеянии монахов Сен-Никола-д'Анжер. Еще в XVIII веке можно было различить на стенах клуатра живописное изображение Жоффруа Мартеля, широкого лица, с надменной физиономией, смуглым цветом лица, черными и кудрявыми волосами.

VIII. ГЕРЦОГИ БРЕТОНСКИЕ[8]

До окончательного установления феодального режима вся Бретань повиновалась Номиноэ, счастливому противнику Карла Лысого, затем Алену Великому, графу Ваннскому, наконец его внуку Алену Кривобородому, – эти двое последних очень популярны как освободители страны и победители норманнских пиратов. Следует долгий период анархии (952–1066), в течение которого главные бретонские сеньоры оспаривают друг у друга титул герцога.

БРЕТОНСКИЕ СЕНЬОРЫ ОСПАРИВАЮТ ГЕРЦОГСКИЙ ТИТУЛ.

У графов Нанта, Ренна, Ванна и Корнуайя – кто будет иметь верховную власть? Будет ли политическим и правительственным центром кельтская Бретань или французская Бретань? Сначала, кажется, преобладает Ванн, но вскоре

бретонский элемент отходит на второй план. Борьба сосредоточивается между Нантом и Ренном. В начале XI века эта последняя сеньория становится преобладающей. Случайность наследований пожелала, однако, чтобы в 1066 году граф Корнуайя, Хоэль V, оказался наследником других графств. С ним территориальное объединение прогрессирует; готовится единство Бретани, герцогская власть укрепляется. Правда, что в самый разгар этого смутного периода династия Ренна совершила серьезную ошибку. Она создала в пользу своих младших сыновей значительный аппанаж, который под именем графства Пентьевр охватывал большую часть центральной Бретани: уступка неполитичная, которую народ и герцоги должны будут однажды горько искупить.

Действующие лица бесконечной войны Нанта и Ренна – Конаны, Алены, Хоэли, Жоффруа, Эды – не имеют отличительной физиономии. Ни одна личность с явно выраженным характером. Эти графы и герцоги сражаются друг с другом свирепо. Их история, череда трагедий и ужасных преступлений, напоминает историю принцев Меровингов. За два столетия девять герцогов погибли насильственной смертью – зарезанные, убитые на охоте, задушенные в бане, особенно отравленные. Возможно, воображение людей Средневековья находило удовольствие в драматизации бретонских анналов. Однако не все легенда. Остается достаточно установленных фактов, чтобы выявить состояние насилия и судорог этого общества, еще наполовину варварского и весьма страшимо-

го соседними странами.

ФРАНЦУЗСКОЕ ДУХОВЕНСТВО В БРЕТАНИ.

Когда в конце XI века клирики из Анжера и Тура, избранные за свои добродетели или ученость, отправляются занимать епископские кафедры полуострова, они считают себя в изгнании. Можно подумать, что это епископы «in partibus» [на территориях (нехристианских)], которые в наше время получили миссию проповедовать среди дикарей. Марбод, утонченный поэт, назначенный епископом Ренна (1096), не мог удержаться, чтобы не написать сатиру латинскими стихами о пороках своего епископского города, «пустом от благ, полном зол, достойном ада». Другой поэт, Бодри де Бургей, немного позже (1107) принимает, как покаяние, кафедру в Доле, и по этому случаю папа Пасхалий II обращается к бретонцам со следующими мало лестными строками: «Нам говорят, что в вашем крае процветает одно лишь беззаконие, что христианская религия, кажется, чахнет и что (не можем сказать без боли) не только миряне, но еще клирики и монахи бросаются очертя голову во все незаконные действия».

БОРЬБА БРЕТОНЦЕВ ПРОТИВ ИНОЗЕМЦЕВ.

Бретонская феодальность той эпохи интересна только тогда, когда перестает терзать сама себя, чтобы броситься на иностранца. Эти дворяне, ожесточенные во взаимном уничтожении, имеют лишь одно общее чувство, но живучее и глубокое: любовь к независимости «нации». Преемники Но-

миноэ не забыли, что их предок носил корону. «Конан I (990), – говорит Рауль Глабер, – надел диадему, следуя королевской традиции, и тиранствовал в своем уголке земли»; Ален V и его брат Эд (1015–1022) титулуют себя «монархами», называют свое государство «королевством», *regnum postrum*. Хроники дают этому Алену имя Руибрис, «король Бретани». Враг для бретонских герцогов – не король Франции, который слишком далек, а великий соседний вассал, тот, что у ворот полуострова, – анжусец и особенно норманд. Они сами вызывают, ненавидя ее, вмешательство иностранца; ибо, чтобы одолеть своих соперников, они вынуждены опираться то на Нормандию, то на Анжу.

В X веке независимость страны была впервые поколеблена графом Блуа и Тура, Тибо Мошенником, которого мы находим в 951 году облеченным верховной властью, по крайней мере как регент, в Ренне и даже в Ванне. Почти в тот же момент, с Фульком Добрым, начинаются попытки анжуйцев. Позже видели, как Эд II и Фульк Нерра вновь оспаривали Бретань, Жоффруа Мартель вступал в Нант и угрожал завоевать всю французскую часть страны. После них опасность отдалается, чтобы вернуться более настойчивой с северо-востока.

С первого момента своего поселения на берегах Сены герцоги Нормандии, считая Бретань придатком своего фьефа, предъявляли права на сюзеренитет над ней. Нет ни одного из них, кто бы не совершил экспедицию в бретонскую зем-

лю, не опустошил сельскую местность Доля и не потревожил Ренн; по другую сторону границы вскоре поднимается нормандская крепость Понторсон. Но бретонцы сопротивляются с энергией: то разбитые, то победоносные, они отказываются подчиниться игу. Вильгельм Завоеватель, нападая на этот гранитный массив, потерпел там единственную серьезную неудачу, от которой пострадало его самолюбие. В 1086 году он требовал оммажа от герцога Алена Фержан и осадил Долю. Вся Бретань поднялась как один человек. Норманд, застигнутый врасплох, оставил осаду, которую клялся не снимать, и поспешно отступил, что походило на бегство, оставив врагу свой багаж и сокровище в 15 000 ливров.

IX. ГЕРЦОГИ БУРГУНДСКИЕ[9]

РОБЕРТ СТАРЫЙ.

Принцам капетингского корня, утвердившимся с 1032 года в герцогстве Бургундия, местная феодальность не оспаривала титул герцога, но не оставляла им ни власти, ни владений. Первый из них, Роберт I или Роберт Старый, иногда называется также, и не без причины, «Роберт Безземельный». Потребуется, чтобы после него его преемники по кусочку накапливали замки, поля и виноградники, чтобы составить прямую собственность и доходы высшего сюзерена. За неимением денег и власти они имеют, впрочем, полную независимость; их родство с правящей семьей не мешает им действовать во всех отношениях, как другие главы феодальных государств. Герцог Роберт I титулует себя в одной хар-

тии: «Я, Роберт, по могуществу верховного властителя мира, призванный управлять королевством Бургундия».

Буйный и мстительный, как его мать, королева Констанция Прованская, сварливая жена Капетинга Роберта Благочестивого, этот герцог Бургундский был всего лишь трудолюбивым шателеном, проводившим время в грабежах церковных земель. Сен-Этьен-де-Дижон и Отён стали особенно жертвами его хищений и хищений его слуг. Он осмелился даже напасть на почитаемое святилище Сен-Жермен в Осере, которое разграбил (1058). Для него Божий мир и епископские декреты о всеобщем мире остаются мертвой буквой. Он прогоняет свою жену, Элию де Семюр, которая мешала ему в его прелюбодейных связях, и убивает своего тестя, Далмация, собственной рукой. Бургундские епископы в конце концов наложили интердикт на его владения и отлучили его. Вызванный на собор в Отёне, он сначала отказывается явиться, затем, опасаясь небесных наказаний, подчиняется. Аббат Ключи, святой Гуго, хвастается, что «сделал его кротким, как овечка». Роберт приносит публичное покаяние в церкви Сен-Этьен-де-Дижон и предпринимает путешествие в Рим, чтобы уладить дела с Богом. Этот «тиран», как называет его один монах Ключи, умер в возрасте семидесяти лет от «постыдной» случайности, о которой хронисты не объясняются (1076).

ГУГО I.

Его внук и преемник, Гуго I, царствовал лишь три года.

Казалось, он хотел отреагировать против поведения своего деда и загладить его вины, осыпая церкви щедротами. Вдруг ему приходит мысль оставить мир. Он заточается в аббатстве Клуни, где ведет жизнь самую назидательную, доводя умерщвление плоти до того, что чистит обувь братии. Григорий VII предпочел бы, чтобы он продолжал управлять своим герцогством. Он строго отчитал аббата Клуни за то, что тот позволил ему принять монашеское облачение. «Этим, – говорит он, – сто тысяч христиан остаются без пастыря. Нигде более не видно добрых князей. У нас довольно монахов, священников, воинов и особенно бедняков, боящихся Бога; но во всем Западе едва найдешь несколько князей, боящихся и любящих Господа. Я не пишу вам больше об этом, потому что надеюсь, что милосердие Христово, обитающее в вас, отомстит мне, пронзив вам сердце и заставив почувствовать, какой должна быть моя скорбь при виде доброго князя, отнятого у его матери. Если же, однако, у Гуго будет преемник, герцог, который его стоит, мы сможем быть утешены».

Эд I.

Утешение было посредственным. Эд I, новый герцог, был скорее склонен возобновлять дурные традиции основателя династии. Клуни, Флавињи, Сен-Пьер-де-Без, ежедневно подвергающиеся нападениям и грабежам со стороны высшего сюзерена, который должен был бы их защищать, изливаются в бесполезных сетованиях. Нужно жить, и герцог Бургундский заполняет пробелы своей казны доходом от своих

разбоев. Он обирает путешественников на больших дорогах.

В 1097 году его люди пришли уведомить его, что английский прелат, архиепископ, вступил в герцогство с богатым эскортом, чтобы затем направиться в Италию. Прельщенный, Эд прискакал, окруженный отрядом солдат. Путешественники немного отклонились от дороги, чтобы отдохнуть. «Кто архиепископ и где он?» – спрашивает герцог Бургундский грозным голосом. Ему показывают того, кто держался на коне с бесстрастным лицом. То был знаменитый Ансельм, примас Кентерберийский.

Эд бросает на него мало обнадеживающий взгляд, затем вдруг, смутившись и опустив голову, краснеет, не зная, что сказать. Тогда архиепископ: «Позвольте мне, герцог-сеньор, обнять вас». Герцог не может не ответить: «Предлагаю вам, сеньор, не только лобзание мира, но и мои услуги, я радуюсь вашему прибытию». Они обнимаются; Ансельм узнает от герцога, почему он пустился в путь и как, изгнанный из Англии, вынужден отправиться в Рим. Эд, прощаясь с прелатом, приказывает одному из своих дворян защищать его во время всего проезда через Бургундию. Вернувшись домой, он рассказывает своим, что ему показалось, будто он увидел «лик ангела Господня».

Легенда ли это? Ее рассказывает очевидец, абсолютно достойный доверия. Если сцена и подверглась некоторой обработке, основа истории подлинна. Она доказывает, что в деле разбоя высшая феодальность весьма походила на мелкую.

Тот же Эд, столь грозный для безобидных путешественников, позорно повернул спину со своей армией, охваченной паникой, в тот день, когда ему пришлось сразиться с маленьким сеньором из Боса, Гуго дю Пюизе, против которого король Франции Филипп I потребовал его помощи. Бургундская феодальность и ее глава интересны лишь с одной стороны, когда видишь их участвующими в экспедициях французского рыцарства против сарацин Испании и Португалии. Мы найдем их на этом поприще.

Х. ГЕРЦОГИ АКВИТАНИИ[10]

Гильомы или Вильгельмы, короли центральной Франции, были государями величественной внешности. Их коронация, происходившая обыкновенно в Лиможе, стала в XII веке пышной церемонией, очень религиозного характера, почти королевским миропомазанием. Епископ Лиможский набрасывает на плечи нового герцога мантию из шелка, возлагает ему на голову золотой обруч, вручает герцогский меч, в то время как декан церкви Сент-Этьен прикрепляет ему шпору и надевает на палец кольцо святой Валерии, драгоценную реликвию. Формула инвеституры знакомит нас с обязанностями, которые герцог должен исполнять по отношению к своему народу. Это те же обязательства, что налагаются на короля Капетинга: «Опясываю тебя этим мечом во имя Того, Кто есть Господь господствующих, дабы ты осуществлял власть правосудия, разрушал беззаконие, защищал святую Церковь и ее верных; дабы ты ненавидел и истреблял невер-

ных и врагов Христовых, защищал вдову и сироту, восстанавливал разрушенное, сохранял то, что осталось стоять, и наказывал злых».

На этой линии великих пуатевинских сеньоров две фигуры выделяются рельефно: герцогов Гильома V и Гильома VIII, основавших величие дома.

ГИЛЬОМ V.

Сын Гильома Железной Руки, современник короля Роберта и Фулька Нерры, Гильом V (990–1020) по некоторым сторонам похож на всех феодальных государей своего времени. Он любит строить церкви, давать деньги или земли аббатствам и даже иностранным монастырям; те Бургундии и Италии получили долю его щедрот. Никто более не чтит Ключи: он поспешил вызвать в Аквитанию святого аббата Одилона и всеми силами содействовал ему в великом деле монастырской реформы. Неутомимый паломник, он едва ли проводит год, не отправляясь в путь в Рим или к Сантьяго, – религиозные перемещения, в которых политика находила свой расчет. Восторженный портрет, который рисует с него хронист Адемар Шабанский, подошел бы скорее монаху, чем высшему барону. Очень ученый, он проводит часть ночей за чтением и трудится над созданием библиотеки. Кнут Великий, король Англии и Дании, знавший его слабость к книгам, послал ему великолепную рукопись золотыми буквами, украшенную миниатюрами с изображениями самых знаменитых святых. Герцог Аквитании любит окру-

жать себя писателями и учеными. Он дает аббатство Сен-Максан философу Реналу и сокровищницу Сент-Илер-де-Пуатье знаменитому Фульберту Шартрскому. Ученость не заставляет его, впрочем, забывать обязанности государя. Он пристально следит за своими вассалами, держит их в строгости, вмешивается в их дела, судит их интересы и ревниво осуществляет малейшие прерогативы своего титула. Его бесспорный авторитет позволил ему созвать соборы в Пуатье и Шарру для декретирования всеобщего мира. «Никто, – говорит Адемар Шабанский, – не смел поднять на него руку».

Его независимость по отношению к королевской власти Капетингов абсолютна. Он иногда титулует себя в своих дипломах «герцог всей монархии Аквитании». Он не забывает, однако, что он племянник Аделаиды, жены Гуго Капета, и что в кризис, вызванный его восшествием в герцогство, королевская армия пришла защитить его от покушений опасного вассала, Альдебера Перигорского. Король Роберт оказывает ему живую дружбу. В 1010 году, когда по всему миру распространился слух, что глава Иоанна Крестителя была обнаружена в Анжели, Король, Королева и весь двор переехали в Аквитанию, где Гильом принял их великолепно. Эта большая привязанность охладела немного позже, когда Король и вассал оказались в конфликте по поводу назначения епископа Лиможа.

Герцог Аквитании не допускал уже даже этой смутной и общей власти, которую Капетинг еще претендовал сохранять

над церквями Юга Франции. Не рискуя открытой борьбой, он дошел до того, что стал поощрять против государя враждебные действия графа Блуа и формально проявил свое противодействие, когда увидел, что Роберт заранее сопричисляет своего сына Генриха к осуществлению королевской власти. Он чувствовал себя равным королю Франции. Разве он не был в прямых отношениях со всеми иностранными государями? Император Генрих II, король Кастилии Альфонс, король Наварры Санчо, король Англии Кнут обменивались с ним послами и подарками.

Он сам поверил, что находится на грани прибавления королевской короны к герцогской, когда итальянские князья в 1024 году пришли просить короля у французской феодальности. Выше видели, как граф Блуа Эд II бросился очертя голову по этому опасному следу, в конце которого его ожидали поражение и смерть. Гильом V не был авантюристом; он продвигался лишь с осторожностью и сначала принял корону Италии только для своего сына. Однако, сильно прельщенный, он не жалеет ни денег, ни хлопот, пытается снискать поддержку французского двора, обещая королю Роберту «тысячу ливров и сто драгоценных одежд для него, пятьсот ливров для королевы Констанции», не упускает ничего, чтобы привлечь на свою сторону ломбардских епископов, и сам спускается в Италию. Но он очень скоро замечает, что итальянцы хотят французского принца лишь для того, чтобы сделать его своим пленником; он легко отказывается от

своих иллюзий и возвращается во Францию, счастливый выбрать из этой западни.

ГИЛЬОМ VIII ИЛИ ГИ-ЖОФФРУА.

Некоторые историки называют его «Гильом Великий»; быть может, лучше было бы оставить эту честь за его вторым сыном, Гильомом VIII или Ги-Жоффруа (1058–1086), политиком предусмотрительным и тонким, воином первого порядка и всегда удачливым завоевателем. Этот, быть может, менее покровительствовал ученым и монахам, но лучше удалось ему упрочить и развить сеньорию, главой которой он был. Внутри своего фьефа он сумел заставить уважать себя вассалов. Страшная месть, которую он извлек из мятежа Люсона, показала, сколь опасно было пытаться выскользнуть из-под его ига. В 1060 году он осаждает сеньора Люзиньяна, который убит при защите своей крепости. В 1082 году он блокирует виконта Лиможа Адемара III в его городе и заставляет его бессильно присутствовать при пожаре его домов и церквей. Временный упадок анжуйской мощи позволяет ему отомстить за поражения Аквитании и окончательно изгнать графов Анжу из Сентонжа. Он даже осмеливается перейти в наступление против преемников Жоффруа Мартеля и сжигает замок Сомюр (1069). Десять лет спустя, спровоцированный нападением графа Тулузы, он вступает в Лангедок и, если верить единственному свидетелю, захватывает Тулузу, чтобы вскоре возвратить ее побежденному врагу. Наконец, уже в середине XI века он осуществляет самое

важное из всех своих присоединений – герцогства Гаскони, что добавляло Бордо к Пуатье и отодвигало Аквитанию до Пиренеев.

ГЕРЦОГИ ГАСКОНСКИЕ.

Главы гасконского народа, почти все по имени Санчо, Гарсия или Гильом, происходили от Гарсии Санчо, который появляется в 904 году и чье происхождение не установлено. Нет феодальных князей, менее известных. Их род угас в 1032 году, и до конца XI века хроники юго-западной Франции, весьма малочисленные, отчаянно скудны. Видно лишь, что интересы и удовольствия этих герцогов увлекают их гораздо менее в сторону Гаронны, чем в сторону Пиренеев и Испании. Последний, Санчо-Гильом, кажется, и не подозревает, что его герцогство – фьеф королевства Капетингов. Подлинный испанский принц, он постоянный гость короля Наварры Санчо Великого, подписывает свои дипломы и сражается с ним против сарацин. Едва ли указание года правления Капетинга напоминает время от времени, что герцоги гасконские принадлежат к великой французской феодальности. Они сами имеют все основания называть свое герцогство «королевством». Их связи с Испанией были столь тесны, что браки и наследования могли бы точно так же привести к присоединению Гаскони к королевствам Наварры или Арагона.

ЗАВОЕВАНИЕ ГАСКОНИ ГИ-ЖОФФРУА.

Случайность пожелала, чтобы сестра последнего герцога,

умершего бездетным, была принцессой дома Пуатье. Герцоги Аквитании предъявили права на наследство и победно боролись, чтобы сохранить его, против гасконских боковых родственников. Один из последних, Бернар II, граф Арманьяка, был окончательно лишен владений завоевателем Ги-Жоффруа (1070).

Аквитания охватывает отныне территорию, примерно равную трети сегодняшней Франции. Это ее герцог – истинный король Франции. Папа Григорий VII обращается к нему, когда задумывает бросить на Восток, для помощи византийской империи, угрожаемой турецкими ордами, часть военных сил латинского христианства. Этот великий проект не был осуществлен, но герцог Аквитании сам вел священную войну в Испании, где прославился взятием Барбастро.

Ги-Жоффруа пожелал быть погребенным, в монашеском облачении, в великой базилике Монтьернёф в Пуатье, которую он основал. Крест, лоскутья одежды и башмаков, скелет крепкого сложения и высокого роста – вот что нашли в 1822 году те, кто вскрыл внутренность каменного саркофага, где герцог Аквитании покоился более семисот лет.

XI. ГРАФЫ ТУЛУЗСКИЕ И БАРСЕЛОНСКИЕ[11]

Господствуя от Луары до Пиренеев и от Алье до Океана, династия Пуатье, казалось, мало что должна была сделать для восстановления древнего аквитанского королевства. Ей оставалось лишь взять Лангедок. Но Тулуза оказалась неприимой, и Юг продолжал быть разделенным.

ГРАФЫ ТУЛУЗСКИЕ.

Нам нечего сказать о тулузских графах XI века, тех, что жили до Крестового похода: они проходят перед историей, бесцветные и невыразительные тени, с единственной заслугой сохранения своего фьефа и продолжения своего рода. Предшественники Раймунда Сен-Жильского, Гильом Тайлефер III (951–1037), Понс (1037–1061) и Гильом IV (1061–1093) известны лишь по актам дарений. Вынужденные уступить титул герцога Аквитании графам Пуатье, феодальные главы Лангедока вознаграждают себя, титулуясь маркизами Готии, затем, когда этот термин вышел из употребления, – герцогами Нарбонны и пфальцграфами. Звания весьма пышные для власти столь ограниченной.

Единственный прогресс дома Тулузы в XI веке – присоединение части Прованса (1037). Остановленная на западе и севере мощью герцогов Аквитании, она не могла ничего завоевать во французской стране. Ей пришлось расширяться за Роной, в королевстве Арль, за счет германской империи. Но тулузцы не извлекли из этого расширения всей выгоды, которая им причиталась. Их династия соблюдала с чрезмерной строгостью закон о разделе земли между наследниками мужского пола. Фьеф обычно делился. Старшему – Тулузен и Верхний Лангедок; младшему – Руэрг, Нижний Лангедок и Прованс. И еще им не повезло встретить в этой последней стране соперничающие притязания государя Каталонии и Руссильона.

ДОМ БАРСЕЛОНСКИЙ.

Владыки Испанской марки и Септимании, Боррели и Рамон-Беренгеры, оспаривали даже у тулузских общее верховенство над Лангедоком. В начале XII века брак одного из них, Рамон-Беренгера III, с Дульсой, наследницей со стороны отца части Жеводана и Руэрга, а со стороны матери – графства Прованс, делает конфликт постоянным. Они имели честолюбие восстановить Готию и, более того, создать франко-испанскую монархию, господствующую в Западном Средиземноморье. В этой дуэли между Тулузой и Барселоной казалось, что преимущество было на стороне каталонцев, сильно закаленных их непрерывным крестовым походом против сарацин Испании и обогащенных торговлей своих портов. Граф Барселонский Рамон-Беренгер I (1035–1076), купивший в 1070 году сюзеренитет графств Каркассон и Разе, называется в своих хартиях: «пречестивейший и светлейший Август, славный граф и маркиз, защитник и оплот христианского народа, принц Барселоны». Эти звучные титулы уже «вещи испанские», но тот, кто их носил, помышлял расширяться во Франции, в сторону Нарбонны и Монпелье.

К несчастью, графы Барселоны находили во внутреннем устройстве своего государства затруднения, замедлявшие его прогресс. Область Восточных Пиренеев была одной из точек Европы, где феодальный режим пустил корни с наибольшей силой и действовал с наибольшей регулярностью,

что служило постоянной помехой и затруднением для высшего сюзерена. С другой стороны, линия графов страдала, более чем другие династии, от отсутствия закона о престолонаследии, обеспечивающего наследственную и полную передачу баронии по праву первородства. Она оставалась верна принципу территориального раздела между братьями или осуществления власти нераздельно, что было источником внутренних распрей и иногда кровавых трагедий. После смерти Рамон-Беренгера I, оставившего управление своими государствами двум своим сыновьям Рамон-Беренгеру II и Беренгер-Рамону II, этот трудный вопрос был разрешен убийством. Один из двух братьев был убит другим. В 1131 году вернулись к разделу. Старший из сыновей получил графство Барселону и древние владения семьи; младший – новые приобретения в Лангедоке и Провансе. Случайность наследований должна была сделать так, что в XII веке единство каталонского господства восстанавливалось несколько раз в пользу старшей ветви. В разные времена графы Барселоны упорствовали в том, чтобы разбивать его, давая тот же аппанаж младшей ветви. Этот органический порок задерживал естественное развитие одной из самых сильных сеньорий, которые насчитывала феодальная Франция. Он не помешал, однако, блестящим судьбам, которые будущее ей уготовляло. Но когда они пришли к осуществлению, графство Барселонское, меняя отечество, окончательно ориентированное на Испанию, перестало быть французским.

ФЕОДАЛЬНАЯ ФРАНЦИЯ.

Феодальные господства, историю которых мы только что набросали, составляют в своей совокупности «Королевство Франков», *Regnum* или *Patria Francorum*, рамку еще неопределенную и подвижную, где появляется, фрагментарно и в плохо определенной форме, то, что станет позже «французской нацией». Люди XI века не чувствуют себя солидарными. Об общности интересов и судеб у них есть лишь смутное представление в Северной Франции; еще более смутное – к югу от Луары; а жители крайних областей – кельтской Бретани или Гаскони – не имеют его вовсе. Они знают и понимают еще лишь «местные отечества», те, что соответствуют естественным делениям, начертанным физическими особенностями, диалектами и расами. Элементы национального тела существуют: само это тело еще не сформировано.

Внешние границы феодальной Франции не имеют никакой устойчивости, феодальный режим не принимающий в расчет ни естественных границ, ни этнических и языковых сродств. Присмотревшись к восточной границе королевства Капетингов, замечаешь, что ни Маас, ни Сона, ни Рона, ни Севенны не отделяют точно королевство от империи. Граница капризно перекидывается через обе страны так, что оставляет, например, французский Велэ вонзаться, как клин, в имперскую землю, в то время как Форез и Виваре уже не находятся на французской земле. Благодаря союзам и бракам, ставившим каждый день в тесные отношения баронаж

Лангедока и Гаскони с баронажем Каталонии, Арагона и Наварры, множество французских фьефов переливаются на испанский склон и наоборот, так что знаменитое выражение «нет более Пиренеев» было более верным для Средневековья, чем когда-либо для нового времени. В довершение всего, религиозные округа приходят усложнять и без того бесчисленные неправильности. Церковь, власть европейская, не заботясь о физических и политических границах, безразлично простирает округ своих епископств и архиепископских провинций на самые различные области. В то время как архиепископство Реймса протягивается в Лотарингию и оспаривает приматство у Трира, митрополит Нарбонны претендует исполнять свою функцию вплоть до Таррагоны, а митрополит Оша – вплоть до Памплоны.

Внутри территория, подчиненная двумя веками ранее единой власти, наполнилась автономными княжествами и наследственными династиями. Все эти сеньориальные группы предстают еще в неопределенном состоянии. Их центр плохо закреплен, и их границы часто перемещаются случайно, в зависимости от наследований и браков, по прихоти завоевательного нрава высших баронов. Это лишь зародыши государств, лишённые организации и устойчивости. За редкими исключениями, герцоги и графы XI века еще не умеют концентрировать свои власти, методично собирать земли и замки вокруг своего родового владения, навязывать порядок и мир своему вассалитету. Беспечные и жадные бойцы, они

живут со дня на день доходом со своих земель или грабежей. Они оплачивают рыцарей, которые им служат, давая им деревни, взятые у подвластных аббатств или отчужденные от их собственного домена. Государи без администрации, без финансов, без полиции, они наказывают с варварством, когда имеют силу, неповиновение своих вассалов и подданных, но не помышляют о мерах, которые могли бы предупредить недовольство и беспорядок. Редко они повинуются политической идее: их единственная цель – посягнуть на чужой фьеф и накопить владения, которыми они неспособны управлять. Когда земли для захвата не хватает вокруг них, они удаляются за пределы отечества и идут вдаль искать, за счет иностранца или неверного, добычу и приключения, которые Франция им больше не дает.

[1] Источники. *Recueil des Historiens de France*, т. X и XI.

Литература для справок. Пфистер, Исследование о правлении Роберта Благочестивого, 1885. Ф. Ло, Последние Каролинги, 1890. Имбар де ла Тур, Епископальные выборы во Французской Церкви с IX по XII век, 1890. Лоньон, Исторический атлас Франции, 1884-1889. Люшер, Справочник по французским институтам, 1892, ч. 2. Глассон, История права и институтов Франции, т. IV, 1891.

[2] Литература для справок. Г. Курт, Языковая граница в Бельгии, в т. XLVIII *Memoires couronnés et autres mémoires*, изд. Академией Брюсселя, 1896. Жоре, Очерки о характере и распространении нормандского патуа, в *Bulletin de la*

Société des Antiquaires de Normandie, т. XII, 1884. Стенструп, Предварительные исследования для истории норманнов и их вторжений, там же, т. X, 1882. Мабиль, Введение к хроникам графов Анжуйских, 1871. Селестен Пор, Исторический, географический и биографический словарь Мен-и-Луары, 1875-78. Ф. Ло, Наследование Труа в 1024 году в *Annales de l'Est*, 1901. А. де Ла Бордери, История Бретани, 1896-1898. А. Се, Исследования о сельских классах в Бретани в Средние века, 1896, гл. I, Патриархальный режим и истоки феодализма.

[3] Литература для справок. А. Молинье, География провинции Лангедок в Средние века, примечание XVIII к т. XII *Histoire générale de Languedoc*, изд. Прива. Доньон, Политические и административные институты страны Лангедок, 1895. А. Леру, Центральный массив, 1898.

[4] Литература для справок. Варнкёниг, Фламандская государственная и правовая история до 1305 года, 1835-42, и перевод Гельдольфа, 1835-1864, менее полный, но обогащенный полезными приложениями и доказательными документами. Л. Вандеркиндре, История формирования бельгийских княжеств в Средние века, т. 1, 1899. Анри Пиренн, История Бельгии, т. I, гл. II и III, 1900. Э. Штайндорф, Ежегодники Германской империи при Генрихе III, 1881. Де Смиттер, Роберт Фриз, граф Фландрии, и битва в долине Кассель в 1071 году, 1890. Жири, Григорий VII и епископы Теруана, в *Revue historique*, 1876 г. В. Райнеке, История го-

рода Камбре, 1896.

[5] Литература для справок. Лике, История Нормандии до завоевания Англии, 1855. Лабют, История герцогов Нормандии до смерти Вильгельма Завоевателя, 1866. Вайц, Об источниках для истории основания норманнского господства во Франции, в *Göttingische gelehrte Anzeigen*, 1866. Ж. Лэр, Прологомены и примечания к изданию Дудона Сен-Кантенского, 1865, в *Mémoires de la Société des Antiquaires de Normandie*, т. XXIII. Де Фревилль, Очерк о морской торговле Руана, 1857. Кёртинг, Об источниках "Романа о Ро", 1867. Марион, О союзе норманнских герцогов с Капетингами и его разрыве, 1892. Ж. Лэр, Исследования о жизни и смерти Гильома Длинного Меча, 1893. Эккель, Карл Простоватый, 1899. Ф. Лоэр, Людовик Заморский, 1899.

[6] Литература для справок. Лекс, Эд II, граф Блуа, 1892.

[7] Литература для справок. Кейт Норгейт, Англия при Анжуйских королях, т. I, 1887. Ф. Ло, Жоффруа Гризегонель в эпопее, в *Romania*, т. XIX, 1890. Де Сали, История Фулька Нерры, 1874. Де Грандмезон, Жоффруа II, по прозвищу Мартел, граф Анжуйский, в *Positions des thèses des élèves de l'École des Chartes*, 1887.

[8] Литература для справок. Артур де Ла Бордери, Сборники неопубликованных актов герцогов и принцев Бретани, изд. в *Mémoires de la Société archéologique d'Ille-et-Vilaine*, 1885-1893. Тот же автор, История Бретани, 1896-1898. Р. Мерле, Происхождение монастыря Сен-Маглуар в Париже, в

Bibliothèque de l'École des Chartes, т. LVI, 1895. Тот же автор, Введение и примечания к изданию Хроники Нанта, 1896.

[9] Литература для справок. Сеньобос, Феодальный режим в Бургундии до 1360 года, 1882. Э. Пти, История герцогов Бургундских капетингской династии, т. I, 1885.

[10] Литература для справок. Ж. Бели, История графов Пуату и герцогов Гиени. Дюфур, История Пуату до его воссоединения с короной при Филиппе Августе, 1828. Л. Палюстр, История (незавершенная) Гильома IX, герцога Аквитании (о Гильоме VIII или Ги-Жоффруа), в Mémoires de la Société des Antiquaires de l'Ouest, 1880.

[11] Литература для справок. Вэссет, Всеобщая история Лангедока, изд. Прива, 1872-1892: см. в т. XII примечание А. Молинье, Генеалогия дома Тулузы от Эда до восшествия Гильома IV и Раймунда Сен-Жильского. Бофаруль, Оправданные графы Барселоны, 1836 (2 т.), и Введение М. де Туртулона, Хайме I Завоеватель, король Арагона, 1867.

III. – ФРАНЦУЗСКОЕ ДВОРЯНСТВО ЗА ПРЕДЕЛАМИ ФРАНЦИИ.

I. ФЕОДАЛЬНЫЙ МИР В ДВИЖЕНИИ. ПАЛОМНИЧЕСТВА[1]

МОБИЛЬНОСТЬ ФЕОДАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

Феодализм, казалось бы, по самой своей сути был строем разобщенности, который приковывал дворянина к его замку, а крестьянина – к его наделу. Редкость и плохое состояние дорог, разнообразные опасности, подстерегавшие путни-

ка на каждом шагу, неведение всего, что выходило за пределы ближайшего горизонта замка, кантона или провинции, – всё, казалось, должно было отвращать человека Средневековья от мысли покинуть родную землю и отправиться в далекое странствие. И тем не менее, Франция IX века была ареной непрерывного, всеобщего, интенсивного движения, превосходящего все imaginable. Это общество, которое, как полагали, застыло в своих рамках, предстает постоянно находящимся в движении.

ПРОСТОЙ НАРОД.

Даже простонародье, несмотря на недостаток средств и суровость феодального закона, не сидит на месте. В деревне, как мы видели, были свои бродячие расчистители земель – «гости» (hôtes), а в городах были свои купцы, бороздившие на своих судах французские реки, отправлявшиеся в дальние края, сушей или морем, чтобы продать или обменять свои товары. Задолго до XI века купцы Нормандии стекались в Англию, фламандские и лотарингские – посещали германские, итальянские и испанские рынки. По закону, вилланы должны были оставаться запертыми в пределах сеньории, которая их эксплуатировала. На деле же суровое или невыносимое положение, от которого они страдали, ежедневно вызывало побег, индивидуальные или коллективные переселения. Крестьяне и ремесленники перебежали из провинции в провинцию, заселяя места убежища, новые города, приманки, расставленные перед бродячей нищетой. Грани-

цы фьефов не были непреодолимым барьером. Серфы двигались незаконно, но они двигались.

ДУХОВЕНСТВО.

Клирики всегда в пути, обязанные являться на различные синоды, которые Церковь созывает на всех ступенях иерархии. Церковный закон обязывает простого священника идти к своему начальнику, чтобы явить акт послушания и получить его указания; начальника – посещать церкви своей епархии, чтобы осуществлять там право исправления и контроля. Все более частые связи высшего духовенства с римской курией способствуют тому, чтобы превратить для епископов визит *ad limina Petri* в обязательный обычай. Поездок в Рим станет не счесть, когда Папа сделается верховным судьей церковных процессов. Удивляешься, как тысячи клириков и монахов могли ежегодно переносить опасные тяготы перехода через Альпы и пребывания в Италии. Другие профессиональные необходимости вменяются членам духовенства. Те, кто умен и честолюбив, отправляются в монастырские и епископские школы, где дается высшее образование. Кто хочет преуспеть, должен идти слушать уроки учителей в Орлеан, Париж, Анжер, Реймс, в Бек, Пуатье, Клуни. По всем большим дорогам – скачут студенты.

ДВОРЯНЕ.

Для дворян вассалитет требует частых поездок, в мирное или военное время, ко двору сюзерена. Невыезд феодалария – симптом враждебности, ему необходимо являться лично.

Лишь в поздний период Средневековья будет терпим обычай поручительства. Чем выше ранг сюзерена в иерархии, тем больше число тех, кто приезжает, даже из очень далека, исполнить свой вассальный долг. К регулярным и законным перемещениям добавляются для наших рыцарей и баронов те, что порождаются их воинственными склонностями. Война, как мы знаем, ведется в фьефах постоянно. Весной и особенно летом дороги кишат всадниками, которые едут в войско своего сеньора или возвращаются оттуда: вассалы на службе, сотоварищи по оружию, связанные привязанностью или признательностью с предводителем отряда, наемники и профессиональные авантюристы. Но феодальные войны имеют и другие последствия: конфискации, изгнания, временные или бессрочные ссылки. Барон-победитель вынуждает своих самых заклятых врагов покинуть провинцию, чтобы идти жить в соседний фьеф или за границу. У каждой сеньории есть своя группа изгнанников, укрывшихся вдали, поджидающих удобный момент, чтобы вновь явиться и взять реванш.

Мир ничуть не меньше, чем война, служит деятельной причиной перемещений. Воинственные инстинкты дворян, обузданные миротворческими установлениями епископов и соборов, должны где-то находить себе пищу. Не имея возможности вести войны внутри фьефа, рыцари отправляются сражаться вовне. Полицейская строгость некоторых глав феодальных государств, несомненно, производит тот же эф-

фект. Те из их подданных, кто во что бы то ни стало хочет грабить и пускать в ход копье, бегут удовлетворять себя за пределами своей провинции или даже за пределами Франции, за счет иностранцев. А когда иностранец – язычник или мусульманин, военная экспедиция окрашивается оттенком благочестивого деяния. Какой иной идеал может снится солдату?

НОРМАНДСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ.

Из всех наших феодальных групп Нормандия была той, где среди дворян проявилось самое сильное течение эмиграции. XI век видел, как из нее хлынули, плотным потоком, неиссякающий поток авантюристов и бессовестных грабителей. Происходя от древних скандинавских пиратов, эта раса имела в крови любовь к просторам и прибыльным путешествиям. К тому же, Нормандское герцогство было самым сурово управляемым фьефом, тем, где власть верховного сюзерена оставляла меньше всего места беспорядкам. Слишком скованные у себя дома, норманды отправлялись повсюду пытаться счастья. Грозный герцог Вильгельм Завоеватель так говорит об одном из своих дворян: «Я отнял у Бодри, сына Николая, все его земли, дабы наказать его за то, что он безрассудно оставил мою службу и, без моего разрешения, отправился в Испанию. Я возвращаю их ему теперь, ради любви к Богу. Я не думаю, что можно найти под оружием лучшего рыцаря: но он непостоянен, расточителен и бродит, скитаясь по разным странам». Вот именно характер норманда, кото-

рому Нормандии недостаточно. Но как оставаться под рукой у герцога, который мешает своим вассалам грабить сельскую местность и расширяться за счет церквей или соседей? Когда Вильгельм умер, несколько его феодалов, которых он лишил наследства, оказались в Риме и даже в Южной Италии. Легенда утверждает, что они были извещены о его смерти в тот же самый день, когда он скончался.

Это французское дворянство, и норманндское более всякого иного, было жертвой собственной плодовитости: результата легкости разводов в той же мере, что и жизненной силы расы. На каждой странице хроник идет речь о шателенах, баронах, высоких сеньорах, у которых восемь, десять, двенадцать сыновей и даже больше. Дочери в счет не идут. Норманд Танкред Отвиль, отец завоевателей Италии, женился дважды: от первой жены у него было пять сыновей, от второй – семь. Как наделить землей всех этих юношей? Не всегда было возможно от них избавиться, постригая в монахи, чтобы заточить в капитуле или аббатстве. Если родовое имущество ничтожно или скудно, младшим сыновьям приходится самим добывать себе место под солнцем и искать за границей обширные владения, которые может предоставить им только меч.

ПАЛОМНИЧЕСТВА.

Религиозная идея также толкает это общество вон из дома. Большинство путешествующих носят костюм и знаки паломника. Паломничество, следствие культа святых и по-

читания реликвий, – важная часть религии Средневековья. Франция и соседние страны изобилуют святилищами, привлекающими толпы. Чтобы говорить лишь о гробницах первого разряда, француз XI века находил у себя дома Сен-Мартен в Туре, Мон-Сен-Мишель, Нотр-Дам де Везле, Сен-Марсьяль в Лиможе, Нотр-Дам дю Пюи, Рокамадур, Сент-Фуа де Конк, Сен-Сернен в Тулузе. Вне дома он отправлялся в Сантьяго-де-Компостела, в Рим, в Монте-Кассино, в Сан-Микеле-дель-Гаргано. Дальше всего, самое дальнее, самое опасное, но и самое заслуживающее паломничество увлекало его в Иерусалим, ко Гробу Господню, мечту смелых людей или преступников высшей марки! Регулярный, организованный институт, паломничество отвечало тогда подлинной социальной потребности. Немногочисленные большие дороги, которые удосуживаются содержать, ведут к самым знаменитым гробницам. Больницы, основанные вдоль этих дорог для паломников, бедных и больных, – единственные дома, где путешественник может найти приют.

РЕЛИКВИИ.

Истинно благочестивые посещают святилища, потому что паломничество – гарантия спасения, и чем дальше идешь, тем больше возрастает духовная польза. К тому же, святые и реликвии имеют свою иерархию, как и земные власти. Счастливы те, кто может почитать кости апостола, одного из этих привилегированных существ, которые были в соприкосновении со Христом; еще счастливее те, кто молится у самой

гробницы Иисуса, перед местами, свидетелями Его страстей! Благочестивые путешественники часто отправляются с намерением, открытым или тайным, привезти к себе домой частицу тех реликвий, которые они ищут так далеко, с такими трудами. Многочисленны истории клириков или монахов, которые покидают свою церковь или аббатство, чтобы скакать в поисках реликвий. Учреждения, обладающие этими святыми останками, обычно хранят их с ревливой заботой: но жестокие необходимости иногда вынуждают их от них избавляться. Реликвии продаются. Тот, кто не может их купить, все же находит способ добыть их обманом. Кража реликвий – факт достаточно обычный, который общественное мнение извиняет, принимая во внимание мотив. Не одно только духовенство стремится завоевать, чего бы это ни стоило, кость, зуб, волос святого или знаменитого мученика. Бароны, основавшие монастырь, церковь, дорожат тем, чтобы придать своему творению всю его ценность, поместив туда добрую реликвию. Свидетель – этот нормандский рыцарь Гильом Пантуль, о котором нам говорит Ордерик Виталий, который отправился аж до Бари и, «поддерживаемый божественным покровительством», имел счастье привезти в свою церковь зуб святого Николая и два фрагмента, уворованных из его мраморной гробницы.

КАЮЩИЕСЯ ГРЕШНИКИ.

К благочестивым присоединяются грешники, которые посещают святилища, чтобы исполнить покаяние доброволь-

ное или предписанное Церковью. Многие клирики и особенно дворяне отправляются так вдаль, чтобы привести себя в согласие с Богом и обрести мир совести. Высокие бароны, могущие наделать зла, искупают несправедливости и жестокости войны: зарезанных крестьян, оскверненные монастыри, церкви, преданные огню, презренные отлучения, не говоря уже о злодеяниях частного характера, прелюбодеянии или убийстве. Можно судить о тяжести преступления по удаленности места, куда направляется паломник.

БОЛЬНЫЕ.

Тысячи больных идут просить исцеления у святилищ. Великая польза от Девы, святого и реликвии – творить чудеса: и в эту эпоху глубокой веры чудеса неисчислимы. Уже пишут *libri miraculorum*, назидательные журналы, где записываются в мельчайших подробностях чудесные исцеления, совершенные в святилищах. Врач, физикус, клирик или еврей, – редкость: иметь врача при своем доме – роскошь первого разряда, которую могут позволить себе лишь короли, князья, епископы, крупные аббатства. Впрочем, медицина того времени, чистейший эмпиризм, внушала лишь посредственное доверие. Святые исцеляли надежнее.

КУПЦЫ И АВАНТЮРИСТЫ.

Остается легион лжепаломников или, по крайней мере, путешественников, для которых паломничество – предлог, которые ставят духовную пользу на второй план и ищут, в действительности, нечто иное, нежели радость прикоснуть-

ся к реликвии. Многие из них, простые купцы, рады извлечь выгоду в этом мире, одновременно подготавливая себе место в ином. Часто посещаемые места паломничества, национальные или международные рынки, имеют высокое коммерческое значение. Паломник – лицо священное, для кого гостеприимство обязательно и кто освобожден от всех пошлин, нет ничего выгоднее, чем злоупотреблять этим именем и костюмом. К купцам примешиваются авантюристы из мелкой и высокой знати, жаждущие битвы, полные решимости использовать возможности, которые представятся на пути, чтобы нанести добрые удары мечом и собрать добычу всякого рода. Для них паломничество, благочестиво начатое, часто кончается мирским образом. Если Бог и обстоятельства позволяют, эти паломники становятся завоевателями, основателями империй, историческими личностями первого разряда. Благочестие, пусть даже корыстное, всегда получает свою награду.

Паломничество ко Гробу Господню, которое приведет к крестовому походу, имело особую важность. С конца Римской империи западные люди не переставали быть озабоченными Святой Землей. Те, кто не мог выехать из дома, посылали деньги христианской колонии в Иерусалиме. Те, кто чувствовал в себе силы и мужество дойти до гробницы Христа, составляли завещание и отправлялись, без всякой уверенности в возвращении. Посетители Сирии никогда не прекращались. С IX по XI век их видели проходящими непре-

рывно, все более многочисленными группами; и не только анонимная толпа, но и самые знаменитые кающиеся, главы государств, окруженные своими рыцарями. Когда им выпадало счастье вновь увидеть родную землю, они возвращались туда с необычайным престижем, возросшими в восхищении обществу.

ПАЛОМНИЧЕСТВО В ИЕРУСАЛИМ.

Частота этих экспедиций доказывает, что мусульманское завоевание не сделало доступ в Иерусалим и ко Гробу столь трудным и что придирки стражей святого города не всегда носили невыносимый характер, который им приписывают. Дурное обращение, которому подвергались паломники, чаще всего было делом кочевников пустыни, великих грабителей караванов в Средние века, как и в XIX веке. Все меняется, кроме нравов бедуинов. Западные хронисты едва ли могли отличать этих грабителей от египетских властей. Впрочем, если Иерусалим политически зависел от глав ислама, он оставался под протекторатом великой европейской державы. Опека над святыми местами, осуществлявшаяся сначала Карлом Великим и его преемниками, перешла в руки греческих императоров. В начале XI века Гроб Господень, разрушенный по приказу полубезумного халифа, был почти сразу же восстановлен на средства и попечением «автократора» Константина IX Мономаха. Благодаря этому протекторату и терпимости арабов, христиане, проживавшие в Иерусалиме, хорошо запертые в особом квартале, окруженном прочными

стенами, поддерживаемые дарами, которые непрерывно стекались из Франции и Италии, пользовались относительным спокойствием. Документы свидетельствуют о процветании и богатстве их церквей и больниц. Почему же путешествующие христиане должны были встречать больше враждебности? Обращение короля Венгрии, святого Иштвана, еще более облегчило связи со Святой Землей, открыв паломникам дорогу по Дунаю, «самую надежную, какую только можно было найти», говорит Ральф Глабер. Тот же хронист утверждает, что с тех пор «бесчисленное множество не только дворян, но и простых людей» хлынуло на Иерусалим.

Вторжение турок-сельджуков, которое так глубоко изменило положение Сирии и состояние верующих Гроба Господня, должно было охладить этот энтузиазм, привести к смене терпимости преследованием и привлечь на ислам громадный гнев христианского мира.

II. ФРАНЦУЗСКИЕ РЫЦАРИ В ИСПАНИИ[2]

Перемещения наших рыцарей XI века привели к военным экспедициям, завоеваниям, основанию государств, которые стали прелюдией к грандиозному исходу крестового похода. Феодалный поток затопит Азию, но уже разлился по Испании, Италии, островному королевству англосаксов.

ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ ИСПАНИИ.

Помимо живого притяжения, которое южные страны всегда оказывали на людей Севера, были превосходные причины, чтобы инстинкт грабежа и завоевания дал себе полную

волю по ту сторону Пиренеев. Отвоевать христианскую землю у осквернявших ее мусульман, быть угодным небу, истребляя врагов веры, видеть все насилия войны оправданными и заранее благословленными Церковью, – какая выгода для французского дворянина! Он не ждал Клермонского собора, чтобы быть убежденным, что война, ведомая против неверных, свята и что солдат, павший в этих боях, отправляется прямо в Рай. Папство, которому угрожали сарадины, грабившие Италию и наводившие ужас на Рим, уже давно трудилось над распространением этой идеи. Папы каролингской эпохи, как Лев IV и Иоанн VIII, уже обращались с частыми призывами к населению Франции и Германии. «Те, кто погибает, защищая святую Церковь Божию, – писал Иоанн VIII епископам короля Людовика Заики, – получают отпущение своих грехов и покой вечной жизни».

Ежедневные опустошения варваров-мусульман из Берберии, Сицилии или Сардинии на побережьях Лангедока, Прованса и Италии; дерзость, с которой они бросались на Альпы, чтобы занять перевалы и взимать выкуп с паломников, направлявшихся в Рим; шаткое существование христианских королевств Испании и постоянные препятствия, которые сарадины этой страны чинили паломничеству в Сантьяго: все эти факты глубоко волновали христиан X и XI веков. Они были прикованы взглядами к Африке, Испании, Сицилии чаще, чем к Сирии. Потому и предшественники Урбана II не упускали ничего, чтобы направить военные силы Феода-

лизма на испанскую землю. Бароны и рыцари, прибывшие из Франции, устремлялись туда с тем большим пылом, что, прибыв на полуостров, находили путь подготовленным и отличные опорные пункты в христианских княжествах Кастилии, Наварры и Каталонии, где их братья по оружию ожидали их.

ЭКСПЕДИЦИИ XI ВЕКА.

Самая древняя экспедиция (1018 г.) была возглавлена норманном, Роже де Тёни, сеньором де Конш. Здесь, как почти повсюду, авантюристы Нормандии взяли инициативу и составили самую значительную часть. Нет феодальной армии, вышедшей из Бургундии или Аквитании, в рядах которой не было бы норманнского отряда.

Но все французские провинции сотрудничали в освобождении Испании. В 1063 году аквитанец Ги-Жоффруа перешел Пиренеи с многочисленной свитой, осадил неверных в Барбастро и взял город. Предав весь регион огню и мечу, он вновь перешел горы, увозя несметную добычу и стада рабов. В 1073 году шампанец Эбль II, граф де Руси, ведет, в свою очередь, против сарацин Испании «поистине королевскую армию», по словам историка Сюжера. Экспедиция была подготовлена стараниями пап Александра II и Григория VII. В письме, адресованном «всем князьям, которые пожелали бы вести войну в Испании», Григорий изложил договор, заключенный между римской курией и графом де Руси. Странное соглашение, которое показывает нам Папство

менее озабоченным обеспечением торжества веры, нежели успехом его собственных притязаний на испанскую землю, данницу и вассала апостола Петра! Эбль II и его товарищи обязуются принести Святому Престолу оммаж за территории, которые они смогут завоевать, и платить ему ежегодный чинш. Если найдутся те, кто откажется взять на себя обязательства, не только римская Церковь не поможет им, но и воспрепятствует их предприятию. Григорий говорит это с ясностью, не оставляющей никаких сомнений: «Он предпочел бы, чтобы земли, принадлежащие вселенской Церкви, продолжали оставаться во владении неверных, нежели видеть их занятыми христианами на условиях, неблагоприятных для спасения их душ».

Эти вспомогательные войска из Франции имеют свою добрую долю в победах, одержанных испанцами. Они не колеблясь углубляются порой вплоть до Андалусии, в самое сердце арабского господства, и отдают свою жизнь, когда нужно. Столь же алчные, сколь и храбрые, они не всегда связывают себя обязательством сражаться в христианских армиях. Они охотно вмешиваются в распри мусульманских эмиров, служат тому против этого и отдают свой меч на торги. Без угрызений совести они исполняют свое ремесло кондотьеров, ибо даже в этих условиях они всегда сражаются против врагов Христа. Ничто не любопытнее поведения этих чужеземных баронов, внезапно перенесенных в среду столь отличную от их родной страны. Обосновавшись на мусульманской земле,

они легко усваивают привычки и образ жизни тех, кого пришли лишить владений.

ОДИН ФРАНЦУЗСКИЙ БАРОН В БАРБАСТРО.

Хронист Ибн-Хайян рассказал историю одного графа из армии Аквитании, который после взятия Барбастро остался в городе, чтобы защищать его от возвращения неверных в наступлении. Этот француз устроился в доме прежнего мусульманского правителя: он надел его одежды и проводит дни, лежа на софе, где сидел тот, окруженный своими самыми красивыми пленницами, ставшими его женами. Посетителям, которых он принимает, он с гордостью показывает свою долю добычи, мешки, полные золота и серебра, тюки шелка и парчи. Богатый еврейский купец пришел торговаться с ним. Чтобы оказать ему честь, граф зовет одну из девушек, стоявших поодаль, и говорит ей, «коверкая арабский»: Возьми свою лютню и спой нашему гостю несколько твоих напевов. «Она тогда взяла свою лютню и села, чтобы настроить ее, но я видел слезы, катящиеся по ее щекам (говорит еврей, передающий подробности этой встречи). Затем она принялась петь стихи, которых я не понимал и которые, следовательно, христианин понимал еще меньше. Но что было странно, так это то, что последний непрерывно пил, пока она пела, и выказывал величайшую веселость, как если бы понимал ее слова. Мое изумление было безгранично, когда я увидел огромное количество женщин и богатств, оказавшихся в руках у этих людей».

БУРГУНДЦЫ В ИСПАНИИ.

Рассказы того же рода, распространявшиеся по всем провинциям Франции, воспламеняли воображение, возбуждали воинственные призвания. Бургундия, в частности, стала в конце XI века подлинным очагом энтузиазма по поводу испанского крестового похода. Под предводительством своего герцога Эда I или его баронов, с 1075 по 1095 год, бургундцы стекались почти каждый год за горы. Не то чтобы они были более склонны к авантюрам, чем многие другие, но великое аббатство Ключи вербовало их и бросало против неверных. Эти монахи имели очень тесные отношения с королевствами Кастилии и Наварры, которым они поставляли французские вспомогательные войска. Война, ведомая против арабов, и постепенное отодвигание сарацинской границы приносили им многочисленные приораты и обширные владения. В свою очередь, испанские христиане были обязаны Ключи, помимо помощи бургундского феодализма, большинством религиозных учреждений, которые связывали их с Западной Церковью.

Отношения, установившиеся между Дворянством Франции и таковым полуострова, имели в политике последствия высокого значения: матримониальные союзы, заключенные домами герцогов и графов Бургундии с правящей семьей Кастилии; графство Португальское, образованное в пользу бургундского принца Энрике; другой барон той же расы, Раймон, призванный стать зятем Альфонсо VI и родоначаль-

ником новой династии Кастилии и Леона. Французы не довольствовались отвоеванием у сарацин части испанской земли. Они выкраивали себе там княжества и вливали новую и мощную кровь в туземные династии, прибегавшие к их помощи.

III. НОРМАНДЦЫ В ИТАЛИИ[3] ПАЛОМНИКИ ИЗ САЛЕРНО.

В ту же эпоху норманды совершали по ту сторону Альп, с большим успехом и блеском, дело еще более трудное. Перенесенные в Южную Италию и Сицилию, они основали там менее чем за шестьдесят лет (1016–1073) политическое господство первого разряда.

Отправной точкой послужил эпизод из истории паломничеств и культа, воздаваемого святым.

Между святым Мишелем знаменитого норманнского острова и базиликой того же имени, что с вершины Гаргано господствовала над Адриатикой, духовные связи существовали по меньшей мере с VIII века. Здесь и там святой был один и тот же. Многие норманды посещали оба святилища на пути в Иерусалим или обратно. Так поступила горстка паломников, которые, возвращаясь из Сирии в 1016 году, радушно приняли предложения жителей Салерно, обеспокоенных сарацинами. В мгновение ока норманды обратили в бегство мусульман, непривычных к столь суровым противникам. Салернитанцы, изумленные, хотели бы, чтобы эти паломники остались у них, чтобы продолжать защищать их, но те, «по-

ступившие так лишь из любви к Богу», отказались что-либо принять и извинились, что не могут обосноваться в Салерно. «Тогда, – говорит хронист Аймон из Монтекассино, – горожане этого города послали гонцов к нормандам-победителям. Они дали им лимоны, миндаль, засахаренные орехи, пурпурные мантии, железные орудия, украшенные золотом, дабы побудить их соотечественников поселиться в стране, где в изобилии было молоко, мед и все эти прекрасные вещи. Вернувшись в Нормандию, паломники действительно засвидетельствовали о том, что видели. Они побудили норманнских сеньоров приехать в Италию. Некоторые приняли решение и отважились отправиться туда из-за богатств, которые там находились».

СЫНОВЬЯ ТАНКРЕДА ОТВИЛЯ.

Таково было скромное начало завоевания Обеих Сицилий. Религиозный мотив быстро исчез, уступив место просто любви к земле и грабежу. Норманды, приманенные, распространились по Италии все более многочисленными бандами под предводительством Рауля де Тёни, затем Ранульфа, наконец, сыновей Танкреда Отвиля, Гильома Железной Руки, Онфруа и Дрого. Значительная эмиграция, регулярно организованная, не переставала увлекать к Альпам поток людей, которых норманнское дворянство обрамляло, но которые происходили также, без сомнения, из других провинций Северной Франции. Как иначе объяснить быстроту завоевания и распространение этой новой власти на стольких пунк-

тах Южной Италии уже к середине XI века? В этом политическом и религиозном хаосе, где говорили на всех языках, где беспорядочно суетились греки, итальянцы, сарацины и лангобарды, хитрым и бессовестным чужеземцам была раздольная игра. Норманнские вожди эксплуатировали с удивительным искусством раздоры, сталкивавшие друг с другом княжества, города и аббатов Апулии и Калабрии. Они вмешивались во все конфликты, мастерски умея ловить рыбу в мутной воде и всегда делая хороший улов.

НОРМАНДСКАЯ ЖЕСТОКОСТЬ.

Эти продувные рыцари, впрочем, терроризировали итальянцев своими безжалостными приемами боя. Вооруженный грабеж, разбой, систематическое уничтожение посевов, утонченные жестокости, чинимые над людьми, делали из этих захватчиков зловредных существ, одно имя которых наводило ужас. Папа Лев IX говорит о них в своих письмах с подлинным ужасом: «Я видел, как этот недисциплинированный народ, с невероятной яростью и нечестием, превосходящим языческое, опустошает в разных местах церкви Божьи, преследует христиан, иногда даже умерщвляет их в ужасных и доселе неведомых мучениях. Они не щадят ни детей, ни стариков, ни женщин, не различают священное от мирского и грабят церкви святых, которые сжигают и сносят до основания». Монах из Беневенто возмущается, видя, как они вырывают виноградники, поджигают нивы, превращают в пустыню то, что не могут взять. Свидетельства врагов, прав-

да, но и благоприятно настроенные также выдают правду. «В 1058 году Калабрия была во власти трех ужасных бичей, посланных гневом Божиим за грехи людей. Первый – меч нормандов, не дававших пощады никому; два других – чума и голод». Так выражается хронист Готфрид Малатерра, чья книга, посвященная королю Рожеру, прославляет норманнское завоевание.

ИТАЛЬЯНСКИЕ РЕПРЕССАЛИИ.

Против этих вероломных и жестоких победителей туземцы иногда пускали в ход репрессалии! Калабрийские крестьяне однажды проникли в замок Леукастро под предлогом исполнить долг верности и вырезали одним махом шестьдесят нормандов, которые его охраняли. В другом месте итальянцы убивают в церкви одного из сыновей Танкреда Отвила, Дрого. Когда нормандам удалось схватить убийцу, они отпилили ему все члены и, так как он еще дышал, закопали живьем. Ненависть итальянцев доходила до исступления. Все, что носило норманнское имя, стало для них ненавистно. Аббат Фекана, прибывший в Рим в 1053 году и облеченный миссией от Святого Престола, был схвачен и ограблен жителями римской Кампаньи. Сам он рассказывает о своих несчастьях папе Леву IX: «Итальянцы так ожесточены против нас, что норманду нельзя путешествовать по этой стране даже ради паломничества, чтобы не быть атакованным, похищенным, ограбленным, избитым, брошенным в оковы и часто заключенным до смерти».

РОЖЕР И РОБЕРТ ГВИСКАР.

Нравы завоевательной армии можно судить по поведению тех, кто ею руководил. Гильому Железной Руке и Онфруа наследовали Рожер и его брат Роберт Гвискар. Первый долгое время жил за счет краж, совершаемых его людьми, и сам, в случае необходимости, подавал пример. В Мелфи он замечает в доме, где его разместили, лошадей, которые возбуждают в нем зависть: с помощью своего оруженосца, «чудовищно ловкого, когда речь шла о воровстве», он завладевает этими лошадьми ночью и бежит со своей добычей. В Скалеа, где он расположился, поджидая легкую наживу, ему сообщают, что мельфийские купцы возвращаются домой и скоро пройдут мимо. Он тотчас берет восемь солдат, набрасывается на путешественников, грабит их и отпускает на свободу лишь после выкупа.

Византийская принцесса Анна Комнина оставила нам портрет Гвискара. Физически – белокурого Геркулеса, цветущего телосложения, образец мужской красоты, с широкими плечами и глазами, «метавшими молнии». Морально – честолюбца крайней тонкости. Она показывает его покидающим Нормандию с пятью всадниками и тридцатью пехотинцами и приходящим жить в Калабрии на вершины гор и в неприступные пещеры. «Там, по-разбойничьи, он грабил путешественников и добывал таким образом для себя и своих оружие и лошадей». Укрепившись, действительно, в скалах Сан-Марко, этот бандит набрасывался на прохожих и орга-

низовывал обширные набеги. Аймон из Монтекассино тщательно перечисляет его подвиги, подсчитывает почти всех быков, кобыл, свиней, овец, которых он приводил вечером в свое логово, не говоря уже о схваченных, замученных, вынужденных дорого откупаться людях. Позднее Роберт Гвискар просто расширил свой метод. Он приобретает замки и виллы, захватывает Кампанию, Апулию, Калабрию, входит в Таранто и Реджо (1047–1060). «Он пожирал землю», – говорит бенедиктинский хронист.

НОРМАНДЦЫ И ПАПСТВО.

Тогда-то эта норманнская власть, столь быстро сложившаяся, начала тревожить пап. Лев IX, которому угрожала потеря Беневенто, на который претендовала римская Церковь, не удовлетворился отлучением этих грабителей: он повел против них армию итальянцев и немцев и был наголову разбит при Чивитате (1053). Никогда победители не оказывались так смущены своей победой. Норманды бросились к ногам этого папы, которого могли увести в плен, и взмолились о покаянии, «равном грехам, которые они совершили». Лев IX дал им свое благословение, и взамен «они обещали ему быть верными и заменить при нем солдат, которых он потерял». Папа не воспользовался этими импровизированными вспомогательными войсками: у него на сердце лежало его поражение, и он помышлял лишь о том, чтобы возместить его с помощью императора Генриха III, когда смерть застигла его врасплох (1054).

Его преемники, вдохновляемые Гильдебрандом, лучше поняли свой интерес и поспешили воспользоваться доброй волей и бодростью норманнских войск. Лишь они могли дать Папству материальную силу, которая была ему необходима, чтобы упрочить его светскую власть и защищаться от врагов. Окончательный союз был заключен в Мелфи между Робертом Гвискарсом и папой Николаем II (июнь 1059). Норманд принес Святому Престолу клятву вассальной верности, обязался защищать его от всех нападений, уважать Беневенто, платить оброк и соблюдать декреты о выборах пап, которые только что вынес римский собор. Папа, со своей стороны, узаконил настоящие и будущие завоевания нормандов в Апулии, Калабрии и Сицилии (стран, на которые Рим, впрочем, не имел никаких прав) и признал за Робертом титул герцога.

Так все удавалось авантюристам, из разбойников ставшим высокими сеньорами, в ожидании того, чтобы они положили начало королевским династиям. Захватчики, достойные веревки, увидели себя мало-помалу превращенными в миссионеров православной Церкви и Святого Престола. Когда, достигнув берега Мессинского пролива, они не имели перед собой ничего, кроме великого сицилийского острова, занятого мусульманами, началась священная война.

ЗАВОЕВАНИЕ СИЦИЛИИ.

Как всегда, норманды воспользовались с изощренным искусством ссорами, разделявшими сицилийских сарацин.

Один эмир Сиракуз, Ибн ат-Тимнах, вел переговоры с Робертом в Реджо, с Рожером в Милето. Когда дипломатия все подготовила, меч совершил свое дело. Решительная битва была дана одним Рожером близ маленького города Черами (1062), где его ожидали африканские войска Айюба, сына султана Туниса, и мусульман из Палермо.

Если верить хронисту Малатерре, бывший разбойник ободрял своих солдат с энтузиазмом и религиозным акцентом вождя крестового похода: «Мы – воинство Христово: все мы носим его знак, потому он не оставит нас, если мы не оставим себя самих. Наш Бог – Бог всемогущий. Эти люди, эти сарацины – его враги. Силы, которыми они располагают, не исходят от Бога, потому не смогут долго сопротивляться. Они кичатся своей храбростью, но разве мы не уверены в божественной помощи?» Чудеса, действительно, происходят. Норманды в момент боя различают «прекрасного всадника на белом коне. На острие его копья развевается белое знамя, на котором сверкает крест. Кажется, что он выходит из их рядов и хочет броситься с ними на сарацин». Возбужденные этим видением, христиане творят чудеса храбрости, и победа остается за ними. В своей доле добычи Рожер берет четырех верблюдов, которых посылает папе Александру II, и тот дарует нормандам отпущение их грехов, а также благословенное знамя.

Но целью завоевателей было полное присоединение Сицилии. Палермо, однако, пал лишь в 1072 году. Два брата

не всегда понимали необходимость оставаться в согласии и несколько раз совершили ошибку, разделив свои силы. Они довольно поздно догадались обзавестись флотом. Когда они его создали, греки и сарацины перестали считаться. Ита-ло-норманнская держава, господствовавшая от Беневенто до Палермо, была основана.

Сначала дело сохранило свое единство. Оставляя большую часть Сицилии своему брату, Роберт Гвискар сохранил за собой Палермо, половину Мессины и всю долину Демоне. На материке он заканчивал завоевание взятием Амальфи (1073) и Неаполя (1078). Лангобарды Апулии, хоть и укрощенные оружием, могли бы помешать его предприятиям: чтобы держать их крепче в своей руке, он женился на дочери их князя. С другой стороны, он искусно поддерживал зависти и ненависти, разделявшие его собственных соотечественников, мелких норманнских вождей, обосновавшихся в Южной Италии, и мешал им таким образом сговориться против крепкой власти, перед которой все должно было склониться.

ПОЛИТИКА РОБЕРТА ГВИСКАРА.

Этот безжалостный и свирепый солдат, коварный и вероломный, умудрялся иметь друзей и горячих сторонников. Он внушал почтительную привязанность своим сыновьям; ни один из них не восстал против него. Ему удалось полностью завоевать свое духовенство. Благочестивый, как все норманды, он осыпал благодеяниями монахов, строил или украшал

церкви Палермо и Салерно и особенно воздавал пламенный культ своему личному покровителю, святому Бенедикту. В Монтекассино, который он посетил перед тем, как вторгнуться во владения Папы, его нашли однажды утром на коленях перед алтарем, погруженным в молитву.

Григорий VII сначала был напуган, видя, как растет у ворот Рима эта новая власть. Он отлучил завоевателя. Но духовенство Нижней Италии поддерживало Роберта Гвискара даже против Папы. Анафема не оказала никакого действия на таких людей, как аббат Дезидерий из Монтекассино и Альфано из Салерно, которые остались в отношениях с отлученным. Папа, в конце концов, благоразумно отказался от собственных видов на Южную Италию. Раз нельзя было вырвать ее из рук авантюриста, лучше, как уже думал папа Николай II, принять свершившийся факт. Григорию VII пришла идея взять Гвискара и его нормандов в союзники в своей борьбе против имперцев и противников церковной реформы. Союз был заключен и пошел на пользу обеим сторонам. Роберт нашел в реформаторском духовенстве драгоценный инструмент господства. С другой стороны, защищая Григория VII, он, возможно, спас духовную власть от самой большой опасности, которую Папство до сих пор испытало. Мгновение даже разнесся слух, что Григорий собирается сделать из своего союзника императора Рима, чтобы противопоставить его Генриху IV и его антипапе Гиберту Равеннскому (1080). Но практическое честолюбие Роберта метило на корону, более

полезную для захвата и удержания.

ГВИСКАР И ГРЕЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ.

С 1060 года алчность нормандов обращалась к Византийской империи, и их вождь никогда не переставал обнимать одновременно в своих проектах и Запад, и Восток. Особенно притягивали его Адриатика, Иллирия и Константинополь. Этот боец считал, что хозяин Неаполя и Палермо должен прийти к обладанию всем Средиземноморьем. Он уже зарился на тунисское побережье и Мальту. В 1076 году брак его дочери с наследником греческой империи Константином позволил ему вступить в прямые отношения с цезарями Византии. Те поняли, что их ожидает, когда увидели, как норманд захватывает Корфу, Кефалинию и Диррахий, ключи их территории. Венецианцы, заинтересованные в том, чтобы задержать его поход на Константинополь, пытались тщетно оспаривать у него проход, когда смерть, единственное препятствие, которое он не предусмотрел, остановила его на полном ходу, в шестьдесят лет (1085).

Его замыслы исчезли вместе с ним: но дело, совершенное на итальянской земле, должно было продолжиться. Однако не прямые потомки этого героя имели честь дать новому Государству прочную конституцию и самобытную цивилизацию. Эта задача выпала на долю Рожера, самого младшего из завоевателей дома Отвилей, и его преемников. В 1127 году великий граф Сицилии Рожер II соединил герцогство Апулия со своим владением; в 1130 году он принял ти-

тул Короля. Мощно организованное внутри, распространенное вовне завоеваниями, сделанными за счет греческой империи и сарацин африканского побережья, это королевство было одним из самых поразительных политических творений, произведенных Средневековьем. Это шедевр норманнского гения.

НОРМАННСКОЕ КОРОЛЕВСТВО ОБЕИХ СИЦИЛИЙ.

В нем находят, еще усиленными, существенные черты конституции Нормандского герцогства. Все вассалы зависят там непосредственно от сюзерена. Власти, предоставленные главе Государства, особенно обширны. Король Сицилии не допускает, чтобы графы и бароны несли феодальные службы кому-либо, кроме него. Все замки – в его руке. Абсолютный запрет строить без его согласия башни и крепости; охрана и гарнизоны Короля должны быть достаточны для защиты его подданных. Сеньор не может отчуждать свой фьеф, выдать замуж свою дочь или сестру без разрешения Короля. Фьефы несовершеннолетних переходят к нему, и он управляет ими до возраста совершеннолетия, установленного в двадцать пять лет. За исключением небольшого числа феодалов и аббатов, бароны имеют лишь гражданскую юрисдикцию: один Король и его чиновники судят по уголовным делам. Нигде Феодализм не является столь тесно зависимым от власти сюзерена. Умелые меры, принятые особенно Рожером II, чтобы разделить слишком обширные фьефы и увеличить число феодалов, завершают дело, делая его бессиль-

ным. Церковь еще более подчинена, нежели Дворянство. Король, «рожденный легат Святого Престола», назначает епископов, переводит их с одной кафедры на другую, освобождает аббатства от епископской юрисдикции, располагает самым полным церковным могуществом. В этой монархии, феодальной по форме, все, кажется, устроено ввиду строгой централизации. Хозяин этой импровизированной королевской власти – из всех князей Европы самый абсолютный государь.

ТЕРПИМОСТЬ НОРМАНДОВ.

Он осуществил это чудо: заставил принять свое господство народами столь разных рас, нравов и религий, которые жили соединенными под его законом. В начале XII века, в самый разгар феодализма, в самый разгар теократии, Сицилия видела этот феномен: принцип равенства культов, осуществляемый на практике благодаря терпимости королей. Католики-норманды, схизматики-греки, мусульмане, евреи – каждый молится своему Богу по своему усмотрению и остается в добром согласии с соседом. Еврей платит теперь норманду оброк, который прежде шел сарацину, но он сохраняет свою синагогу и своих ученых. У сарацинов в Палермо многочисленные мечети, публичные школы, где читают Коран, рынки, целые кварталы, принадлежащие им на праве собственности. Рожер II окружает себя мусульманами и вверяет им самые важные государственные функции. Они изобилуют в его личной свите и в его армии. Разнообразие религий и

языков соответствует разнообразие законодательств. Коран по-прежнему остается кодексом арабского населения, и тяжбы мусульман судятся согласно закону Магомета кадиями.

НОРМАННСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.

При соприкосновении с греческой и арабской цивилизациями, в этой великолепной и солнечной рамке сицилийской природы, сыновья суровых паломников из Салерно, охраняемые и обслуживаемые чернокожими, приобретают облик восточных королей. Они учатся читать и писать по-арабски. В их дипломах и на их монетах часто встречаются три языка: арабский, греческий и латинский. На картинах и мозаиках церкви Марторана в Палермо Рожер II является простертым перед Девой, которая держит в руке длинную греческую хартию. В другом месте, одетый в византийский костюм, в далматике, он получает от Христа королевскую корону. Его пышный двор, открытый для ученых, художников и литераторов, соперничает с византийским. Сам он, покровитель знаменитого Идриси, окруженный профессорами, пришедшими с Востока, сотрудничает в величайших географических трудах, оставленных нам Средневековьем. Он заботится с особым тщанием о высшей школе Салерно, где самые ученые медики Европы, латинские, арабские и еврейские, приходили образовываться. Его сарацинские архитекторы строят ему дворцы, окруженные восхитительными садами, в стиле загородных дворцов Северной Африки. В Палермо и Чефалу воздвигаются эти чудесные церкви, про-

духт сложного и все же гармоничного искусства, где так ясно обнаруживается странное слияние французских, арабских и греческих элементов. Три религиозные мысли, три расы, три эстетики одновременно оставили там свой отпечаток и сочетанием связали Восток с Западом.

ЗАВОЕВАНИЯ РОЖЕРА II.

Кажется, счастливый обладатель стольких богатств уже не может покидать зачарованные сады Фавара и Аль-Менани, убаюкиваемый в объятиях прекрасных сарацинок, под песни своих арабских поэтов. Но норманд лишь наполовину преображен; он ничего не потерял от своей первоначальной мощи. Рожер II продолжает «пожинать», как поступали его предки. Он вторгается на Корфу, в Акарнанию, Этолию; берет Фивы и Коринф и вынуждает императора Константинополя позволить себя ограбить без единого слова. Он противостоит другому императору, германскому, и вырывает у пап уступки, которые узаконивают его новые приобретения. При первом же слухе о мятеже баронов или городов в Калабрии или Апулии король Сицилии и его воины обрушиваются, как ураган, на Южную Италию, все опрокидывают с яростью и от цветущего города, как Мелфи или Бари, не оставляют камня на камне. Дух древних викингов лишь дремал в этом завоевателе. Всюду, где он свирепствует, кажется, что прошли Рагнар Лодброк и Бьёрн Железнобокий.

IV. ГИЛЬОМ БАСТАРД И ЗАВОЕВАНИЕ АНГЛИИ[4]

Та же раса людей, перейдя Ла-Манш, осуществила дру-

гое удивительное предприятие – завоевание англосаксонского королевства.

Норманд задумал проект, все спланировал и все провел. Здесь уже не идет речь о подвигах анонимной толпы или горстки авантюристов. Всемогущий хозяин обширной сеньории возжелал присоединить королевскую корону к герцогской. Честолюбие одного человека было существенной причиной одного из самых значительных событий нашей истории: политического объединения Великобритании и Нормандии.

ГИЛЬОМ БАСТАРД.

Гильом Бастард, или Завоеватель (1027–1087), был сыном герцога Роберта Дьявола и Арлетты, низкородной наложницы. Среднего роста, он имел руки атлета, зычный голос, суровое, почти свирепое лицо. Лысый и толстобрюхий, он сохранял, несмотря на все, некую величавость осанки. Как все бароны его времени, он был вспыльчив, раздражителен и предавался приступам немой ярости, ужасавшей его окружение. Это, однако, не был кровожадный человек. Как бы суров он ни был к мятежным дворянам, он применял смертную казнь лишь в виде исключения. Дикого нрава, ищущий уединения, он, кажется, имел лишь две очень живые страсти – власть и охоту. Отличительная черта: он целомудрен. Всю свою жизнь он довольствовался единственной привязанностью – своей женой, Матильдой Фландрской, на которой женился вопреки церковным законам и которую сохра-

нил со своей обычной упрямой настойчивостью, несмотря на увещевания и отлучения пап. Это изумляло современников, мало привычных к правильности нравов у высоких баронов и королей той эпохи, Филиппа I Французского, Генриха IV Германского и даже сыновей самого Завоевателя.

БОРЬБА ГИЛЬОМА ПРОТИВ ЕГО ВАССАЛОВ И СОСЕДЕЙ.

Еще совсем юным (1035) Гильом был оставлен под опекой, или скорее брошен своим отцом, который направлялся в Иерусалим. Пользуясь его малолетством, нормандские сеньоры восстали, творили всяческие бесчинства, дошли до того, что ночью, в самой комнате ребенка, зарезали его управляющего Осберна, предмет всеобщей ненависти. Вскоре все дворянство Бессена и Котантена взялось за оружие, решив свергнуть этого бастарда, чтобы поставить на его место его кузена, Ги Бургундского (1047). Но Гильом, с помощью короля Франции Генриха I, с честью вышел из этой первой опасности. Мятежники и защитники герцогской власти дали у Валь-де-Дюн, близ Кана, настоящее сражение, где храбрость юного герцога творила чудеса. Главные враги обезглавлены, все их замки срыты, Руан, проявивший некоторые стремления к независимости, вынужден покориться, Ги Бургундский осажден в Брионне и принужден покинуть Нормандию: таковы были результаты этой победы. Нормандские бароны, за исключением нескольких отдельных мятежей, больше не двигались с места.

Что касается внешних врагов, графов Бретани и Анжу, несколько раз отбитых, они были вынуждены оставить в покое соседа, столь решительного защищаться. Но Гильом не намеревался лишь сопротивляться им. Его попытка овладеть Додем провалилась. Более удачливый с анжуйцами, он взял Ле-Ман в 1063 году, воспользовавшись смутами, последовавшими за смертью Жоффруа Мартела. Король Франции Генрих, ставший его врагом (мы скажем позже, при каких обстоятельствах), был дважды подряд разбит им при Мортмере (1054) и при Варавиле (1058). Правда, Гильом отбросил его с уважением, с сожалением, как строгий блюститель феодального закона. В 1060 году он мог бы воспользоваться малолетством Филиппа I, чтобы нанести, быть может, смертельный удар Капетингской династии. Он ничего подобного не сделал, все еще скованный уважением, должным сюзерену, быть может, уже преследуемый мыслью о великой экспедиции, для которой должен был сохранить все свои силы. Этому могущественному сеньору не хватало лишь титула Короля. Когда представилась возможность приобрести его в 1066 году, герцог Нормандский, всегда готовый, ухватился за нее.

НОРМАНДЦЫ И АНГЛИЯ ДО ЗАВОЕВАНИЯ.

Связи нормандов с большим соседним островом восходили к давним временам. Во все времена руанские купцы находили у англосаксов, которые мало производили и много ввозили, один из своих главных рынков сбыта. Регламент

979 года, изданный королем Этельредом II, освобождает от налогов руанцев, привозивших в Лондон французские вина и некоторые виды крупной рыбы. Политические отношения едва ли менее древние. Уже с начала XI века Нормандия служила убежищем и опорным пунктом англосаксонской династии против датских захватчиков. Герцоги и короли даже соединились узами родства, так что Гильом Бастард мог сослаться на свое родство с королем Эдуардом Исповедником.

Когда датская династия пресеклась со смертью Хардекнута (1043), саксонские короли вернули себе власть с Эдуардом, который показал себя признательным герцогу Нормандскому за то, что тот способствовал его восстановлению. Мирное вторжение нормандов, разрешенное Исповедником пересечь пролив, чтобы прийти занять на острове высокие должности и доходные посты, уже приучило народ терпеть ярмо обитателей Сены. Саксонский король, даже если бы хотел, не мог без опрометчивости этому противиться, ибо, если возвращение датчан в наступлении больше не страшило, он оказывался перед другой опасностью – честолюбием туземной аристократии. В Англии, как и везде, сформировалась наследственная феодальная знать, состоявшая из эрлов, или графов, и особенно из эрдорменов, правителей самых обширных провинций. Она грозила задушить монархическую власть и сделать с ней то же, что высокие бароны Франции сделали с Королевской властью. Уже грозная в конце X века, эта знать, чьи раздоры помогли успеху датско-

го вторжения, стала преобладающей в правление этого коронованного монаха, Эдуарда, который едва царствовал. Она была олицетворена великим графом Годвином, эрдорменом Уэссекса, столь же ловким и энергичным, сколь и честолюбивым, своего рода вице-королем, занимавшим перед неспособным государем положение, весьма схожее с тем, что за столетие до того имел герцог Франков Гуго Великий перед павшими Каролингами.

Несмотря на поддержку Нормандии и несколько попыток сопротивления, Эдуард должен был уступить силе и позволить своему вассалу распоряжаться как хозяину правительством и страной. Годвин заставил его жениться на своей дочери Эдит; он поставил своих сыновей во главе самых важных графств и заменил нормандца Роберта из Жюмьежа, архиепископа Кентерберийского, саксонцем Стигандом, который был ему всецело предан. В 1053 году он внезапно умер; но его сын Гарольд, наследник его могущества и его роли, продолжал приближаться к верховной власти. Когда и Эдуард в свою очередь скончался, не оставив детей (1066), сын Годвина, подражая Гуго Капету, занял вакантный трон. Он забывал, что его сосед, герцог Нормандский, внимательно следил взглядом за перипетиями политической драмы, разыгрывавшейся в Англии.

ГИЛЬОМ И ГАРОЛЬД.

Иметь силу и уметь ею пользоваться недостаточно. В Средние века самые решительные завоеватели не пренебре-

гают придать себе видимость права. Прежде чем сойтись с Гарольдом и отнять у него корону, Гильом хотел, чтобы его дело было легитимировано общественным мнением. Он объявил сначала, что покойный король Эдуард когда-то обещал ему наследование, прежде чем оставить его великому графу, а затем, что сам Гарольд во время вынужденного пребывания в Нормандии, куда забросил его шторм, поклялся на святых мощах, что поможет нормандскому герцогу вступить во владение. Так ставился вопрос о праве. Эти два утверждения делали Гарольда узурпатором и клятвопреступником. В действительности, если обещание Эдуарда и было дано, оно было дано в очень туманных выражениях, около 1051 года, и с тех пор не возобновлялось. Что касается обещания Гарольда, предполагалось, что оно состояло лишь в обязательстве жениться на дочери Гильома. Кто узнает когда-нибудь правду? Существенно для норманда было то, чтобы Духовенство верило ему на слово и считало Гарольда нарушителем принесенной клятвы. Он посылал гонцов даже в Германию и Данию, чтобы привлечь на свою сторону государей.

ПАПСТВО ПОДДЕРЖИВАЕТ НОРМАНДОВ.

Папа Александр II, к которому обратился Гильом, казалось, был убежден в его праве: «Он ободрил его, – говорит Ордерик, – отстаивать свои законные притязания, смело взяться за оружие против клятвопреступника, и послал ему знамя апостола Петра, верный залог иммунитета от всех опасностей, которые могли угрожать его предприятию».

Иметь Папство на своей стороне стоило победы: но герцог Нормандский действительно не имел в этом большой заслуги. Его проект пришелся как раз вовремя, чтобы поддержать виды Святого Престола на английскую землю. Рим с нетерпением ожидал там смены режима. Уже давно саксы не платили или плохо платили денарий святого Петра. Саксонская Церковь проявляла мало расположения к обширному плану реформы, осуществление которого римская власть уже преследовала. Первый прелат Англии, архиепископ Стиганд, получил паллий от антипапы: он был в дурных отношениях с курией. Между Папством и монашеским духовенством британских островов существовали вековые разногласия, всегда отделяемые от континента своими идеями, своей литургией и своими привычками независимости. Папы поэтому не только позволили действовать: из интереса они благоприятствовали и благословили дело Завоевателя.

Гильом выбрал для нападения момент, когда Гарольд употреблял свои силы на то, чтобы отбросить своего брата Тостига и короля Норвегии, вторгшихся в Англию с севера. Он собрал в устье Дива (август 1066) армию нормандов и авантюристов, прибывших из всех провинций Франции, четырнадцать тысяч всадников, сорок или пятьдесят тысяч пехотинцев. Рядом с феодатами Нормандии, граф Булонский Эсташ, герцог Бретонский Ален Фержан, виконт де Туар Эмери, туренец Жоффруа де Шомон командовали главными контингентами. Брат Бастарда, воинственный епископ

Байё Одо должен был принять активное участие в кампании. Великая трудность заключалась в том, чтобы поддерживать строгую дисциплину в этом хаосе наемников. Гильом удивительно преуспел в этом. Для их перевозки он с нуля создал и организовал флотилию более чем из полутора тысяч парусов. Когда все было готово, корабли собрались в Сен-Валери-сюр-Сомм. 28 сентября пустились под паруса, и 29-го, в девять часов утра, Гильом высадился в Певенси. Это было на следующий день после того, как Гарольд разбил норвежцев при Стамфордбридже. Угрожаемый на другом конце своего королевства, победитель поспешил и встретил захватчика близ Гастингса, но «не смея атаковать на равнине врага, которого считал более опасным, чем король Норвегии», он сильно укрепился на холме Сенлак своими пехотинцами, вооруженными дротиками и топорами (13 октября 1066).

Ночь прошла для саксов в питье и выкрикивании своих боевых песен. Норманды, солдаты Церкви и Папы, постились, молились, исповедовались. Равная храбрость в обоих лагерях; но хотя армия Гарольда была немного превосходящей по численности, кавалерия Гильома могла дать преимущество нормандам. Герцог Нормандский разделил свою армию на три корпуса. На правом крыле – его наемные войска из пикардийцев и французов; на левом крыле – бретонцы, мансцы и пуатевинцы; сам он командовал нормандами в центре вместе с епископом Байё, своим братом, и графом Булонским Эташем. Саксы, сомкнутые густыми рядами, по-

ставили в первый ряд хорошо вооруженных наемников, которые держались прижатыми друг к другу, образуя из своих щитов сплошную, непреодолимую стену, живую крепость, за которой Гарольда было трудно достичь.

Когда настал день, нормандские всадники, построившись клином, взобрались на холм и напрасно ударились об этот грозный оплот пехоты; они не смогли его разъединить и отступили. Тогда Гильом прибегнул к детской хитрости: он симулировал отступление. Англичане сами разорвали свою линию, бросились в погоню за теми, кого видели бегущими. Но тогда, по приказу герцога, Эсташ Булонский набросился на них со своим резервом и застал их врасплох, в беспорядке. Нормандские лучники общим залпом из луков сеяли раны и смерть в рядах врага, дезорганизованных. Вокруг Гарольда завязалась ужасная борьба. Раненый, он бился как бешеный, но погиб вместе со своими братьями и почти всем королевским домом. Саксонская армия была уничтожена.

ЗАВОЕВАНИЕ.

Гильом, победитель уже в первой встрече, избавленный от своего соперника и всей его семьи, позаботился немедленно довершить свою победу. Он велел короновать себя в Вестминстере перед изумленными горожанами Лондона.

Подчинение туземного народа последовало вскоре после великой битвы и коронации. Быстрота, с которой господство чужеземца оказалось установленным и упроченным на большей части территории, объясняется не только внутренним

состоянием Англии, где сильны были лишь местные учреждения, где народ уже давно привык принимать королей любого происхождения. Она была еще следствием религиозного чувства, благоприятствовавшего Гильому и завоеванию. Успех столь же решительный, как при Гастингсе, был расценен по обе стороны Ла-Манша как подлинный суд Божий. Не только Папа, но и само Небо провозглашало законность притязаний норманда.

Сопrotивление и мятежи, однако, не отсутствовали. Военные операции продолжались еще девять лет (1067–1076). Гильому пришлось осаждать и брать Эксетер, опустошать Нортумбрию, отбивать вторжение короля Шотландии Малькольма II, преследовать вплоть до болот, окружающих устье Уоша, двух зятьев Гарольда, Эдвина и Моркара (1067–1072), и, наконец, приказать казнить Вальтеофа, сына Сиварда Нортумбрийского, соединившегося для последнего усилия с графами Херефорда и Норфолка (1076).

Все же удивляет, что сопротивление побежденных не было более всеобщим, более живым, более упорным. Спустя несколько месяцев после Гастингса Гильом чувствовал себя настолько хозяином, что счел возможным покинуть завоевание, чтобы отправиться в Нормандию наслаждаться своим триумфом. Прерывистая борьба, которую ему пришлось вести против саксов, не доказывает, что они действовали сообща для защиты своей независимости. Тот или иной мятеж был вызван угнетающим и неумелым правлением лей-

тенантов, делегированных Гильомом во время его поездок на континент; другой – интересом и обидами некоторых туземных вождей, чьи действия всегда оставались ограниченными; третий, наконец, – городским или региональным партикуляризмом, который дал бы свои плоды при любой династии. Восстание в Эксетере было прежде всего попыткой муниципальной независимости. Что касается Нортумбрии, этот крайний регион Англии никогда не был, даже во времена саксонских королей, полностью подчинен правителям Юга. Против Гильома происходили частичные восстания; не было, по правде говоря, «национального сопротивления».

КАК ВОСПРИНЯЛИ ЗАВОЕВАНИЕ В НОРМАНДИИ.

В Нормандии завоевание было встречено с энтузиазмом, ибо все население герцогства, в разной степени, от него выигрывало. Дворяне, епископы, аббаты, даже простые солдаты экспедиционной армии оказались связанными с Гильомом долей, которую они получили при дележе добычи. Но даже те, кто не был заинтересован непосредственно, были благодарны своему герцогу за славу, которую он стяжал Нормандии. Жильбер, епископ Эврё, произнося надгробное слово Завоевателю, хвалил его прежде всего «за то, что он доблестно расширил нормандское могущество и возвысил свою нацию выше, чем это сделал любой из его предшественников».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.